

Насими

Избранная
лирика

Тербоугодное
Тербоугодное
Тербоугодное

Ամացցցսի Դաւսմս

ՇԵՐԱՆՄԱՍ
ԱՆԲԱԿ ԶՇԵՂԵՐԱ

սկս ԿԱՆԴԳՅ

1

ԿԱՆԳ

ԵձԿԵՆ. 1973

Ամացցցսի Դաւսմս

ԱՅԵՐԴԻԴԳ
ԱՆԲԱԿԸ

ՅԳՅԻՄ ՄՅՈՒԽ

1

ՄՅՈՒ

ԵձԿԵՆ. 1973

Художник М. Абдуллаев

НАСИМИ И ЕГО ВРЕМЯ

В многовековой истории литературы Азербайджана великий поэт и философ Сейидали Имадеддин Насими занимает особое место. В его творчестве ярко и своеобразно воплотились идейные течения и прогрессивная мысль отдаленного от нас века. Он был в полном смысле слова сыном своего времени, активным и деятельным гражданином общества и страны, которым принадлежал.

Его творчество поражает глубиной своего содержания, оно составляет одну из нетленных страниц азербайджанской поэзии и истории прогрессивной мысли народов Востока. Светлое гуманистическое содержание, воплощенное в совершенную художественную форму, высокая образность и метафоричность языка обеспечили поэзии Насими вечную жизнь. Преодолев преграду веков и социальной реакции, она становилась спутницей все новых и новых поколений, пробуждала в них благородные чувства и мысли, неодолимое желание «подвергнуть все суду разума».

Мировая литература знает много бессмертных имен, но в пантеоне общечеловеческой культуры Насими возвышается рядом с теми, кто не только создавал неувядаемые образцы большой поэзии, но и героически боролся за раскрепощение человеческого разума от оков религиозных догматов и социально-политической реакции.

В многовековой ожесточенной борьбе разума против тьмы и насилия пережили страшные душевные трагедии и мученически погибли Сократ и Сенека, Фирдовси и Рудаки, Низами и Данте. Бесстрашно совершили свое великое подвижничество Шекспир и Шиллер, Руставели и Навои, Джордано Бруно и Галилей. Человечеству отдали свой творческий гений Ян Гус и Рембрандт, Радищев и Пушкин, Шевченко и Абовья. И в неугасимом созвездии этих имен звездой первой величины сверкает имя гениального сына Азербайджана — Имадеддина Насими.

Имадеддин Насими родился в 1370 году в городе Шемахе, который на протяжении более трехсот лет был одним из крупных политических, экономических и культурных центров средневекового Азербайджана и славился высокими поэтическими традициями. Еще в XII веке здесь, в Шемахе, в столице азербайджанского государства Ширваншахов родился, жил и создавал бессмертные свои творения великий поэт Афшаддин Хагани. В городе регулярно действовали поэтические школы (Меджлис-

уш-шуара), общества ученых (Меджлис-ул-улема) и музыкантов (муганнилер), вокруг которых объединялись талантливые люди не только Ширвана, но и других городов и областей страны. В этих обществах и школах круг обсуждаемых тем был неограниченным, здесь читались и подвергались всестороннему разбору произведения классиков, современных поэтов и ученых. В отличие от религиозных институтов при мечетях, в домах именитых служителей ислама и богатеев, поэтические и ученые меджлисы выполняли просветительскую и творческую функцию: они, с одной стороны, распространяли среди народа общественные, поэтические и естественные знания, с другой, — способствовали развитию научной мысли об обществе и природе, созданию выдающихся образцов литературы и искусства.

Ученые и поэты Ширвана имели постоянные связи с учеными и поэтами других крупных городов тогдашнего Азербайджана и многих других стран. Они обменивались книгами и посещали такие известные в те времена центры культуры, как Гянджа и Тифлис, Тебриз и Багдад, Самарканд и Дели, Марага и Халеб, в которых действовали довольно влиятельные поэтические школы и научные учреждения. Об одном из них мы читаем в «Истории Азербайджана». «В начале XII века в Тебризе был создан «Дар-аш-шафа» («Дом исцеления»), который представлял собой целый городок, где находились лечебные и научные учреждения, в том числе обсерватория. В них трудились не только азербайджанские ученые и педагоги, но и приглашенные из Китая, Индии, Сирии и Египта. Библиотека «Дар-аш-шафа» обладала ценным собранием рукописных книг из Ирака, Индии, Египта, Китая, Греции, Крита. В «Дар-аш-шафа» существовала «Высшая школа», своего рода университет, куда из разных стран Востока съезжались шесть-семь тысяч студентов, чтобы изучать естествознание, философию, историю, медицину, астрономию, логику, богословие»¹.

Ученые и поэты Ширвана, воспринимая все новое, что создавалось в этих центрах научной и поэтической мысли, и сами обогащали эту мысль своими научными исследованиями и художественными произведениями.

В такой среде и духовном климате прошли детство и юношеские годы Насими, и не случайно, что в зрелом возрасте, кроме своего родного азербайджанского языка, он в совершенстве владел фарсидским и арабским языками, о чем свидетельствуют его стихи,

созданные на трех языках¹. Насими был в высшей степени образованным человеком, прекрасно знал классическую литературу Азербайджана, Ирана, Древней Греции. Он, так же как и его предшественники — Хагани, Низами, Хайям, Джами, был энциклопедически образованным человеком; знал основы мусульманской и христианской теологии, разбирался в астрономии и математике, в биологии, географии, философии и логике.

В стихах Насими мы встречаем имена великих поэтов и ученых Азербайджана и других стран Востока — Али ибн Сины, Хагани, Низами, Фелски, Халааджа Мансура, Шейха Махмуда Шабустари, Овахи Марагинского и др. Насими хорошо знал азербайджанский народный язык, фольклор родной страны. Пословицы и поговорки, метафоричные емкие выражения народной речи, как жемчуг, рассыпаны в его любовных и философских газелях. А его рубайи напоминают азербайджанские народные стихи — баяты.

Насими творил в то время, когда фарси все еще считался литературным языком для многих стран Ближнего и Среднего Востока, а сила и величие таланта измерялись тем, какие произведения создает поэт именно на фарси. И все же Насими пошел другим путем, проложенным Гасан-оглу, писавшим на родном языке. Он был исключительно чуток к фольклору, который создавался только на языке народных низов и имел в своей сокровищнице такую драгоценность, как знаменитый азербайджанский эпос «Китаби Деде Коркуд».

Велики заслуги Насими перед родным народом и в том, что он на его языке создал немеркнущие шедевры подлинной поэзии, заложил основы азербайджанского литературного языка. Из всех известных пока стихов Насими подавляющее большинство написано на родном языке, причем написано изящно и образно.

Как подлинно большой художник Насими, творчески освоив лучшие традиции не только родной литературы, но и литературы других народов Ближнего Востока, создал качественно новую поэзию. Его величие заключается в том, что он наполнил поэтическое слово социальным и философским содержанием и обогатил его новыми выразительными средствами. Его поэзия воспевала человека, звучала как гимн человеку, тогда как в реальной жизни человеческая личность была унижена и подавлена, подвергалась невиданным гонениям и оскорблениям. Всепокоряющей художественной силой большой поэзии он возвышал человека, отстаивал его право на свободу и самосознание.

¹ Самым значительным является азербайджанский диван (около 15 тысяч строк), затем идет фарсидский диван (около 5 тысяч строк). На арабском нам известно лишь несколько стихотворений.

¹ История Азербайджана. Баку, 1958, т. 1, стр. 195.

В противовес теологическим учениям, утверждавшим: «человек — ничто, а бог — все!», Насими провозглашал человека «сутью», сердцевинной всего «сущего»:

Я — средоточье высшей власти, я — светлый кладезь счастья.
Светила преклоняют лик, придя в мои края.
Я — тот, кто держит путь к пленительным небесным высям.
Мой посох там, где звездная сияет колея.
Ты по векам минувшим не петь, разумный.
Я — прошлого и будущего суть, всему — судьба.

Насими жил и творил в исключительно трагическое для истории Азербайджана и всего Ближнего Востока время. Родина поэта была разделена на части мелкими феодальными властями, разорена междоусобицами, подвергалась непрекращающимся нашествиям иноземных захватчиков. Опаснейшими из них оказались орды кровавого Тимур-ленга, наступавшего на Азербайджан с юга (1385—1387) и монгольского золотоордынского хана Тохтамыша, двинувшего свои войска с севера (1386). Как и многие другие страны, Азербайджан жестоко пострадал от нашествия полчищ Тимуридов, повсеместно сеявшего страх. «Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячи людей истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас...» (К. Маркс)¹.

Невозможно представить себе ужасные разорения и страдания народа. Скажем лишь, что на протяжении почти двух веков (XIV и XV) не прекращались нашествия иноземных завоевателей. Захватчики не ограничивались грабежом и разрушениями городов и сел, убийством джигитов и их семей, оказывавших им сопротивление. Они обращали людей в рабов. Историк того времени свидетельствует о том, что количество уведённых в рабство доходило до 200 тысяч. Весь путь захватчиков по азербайджанской земле был отмечен развалинами городов и сел, огнём пожаров, кровью мужчин, женщин и детей.

Именно в таких исторических условиях в восьмидесятых годах XIV века в Азербайджане возникло политико-еретическое и социально-философское движение хуруфизма, виднейшим деятелем и величайшим певцом которого впоследствии стал Имадеддин Насими. Хуруфизм по существу был антифеодальным движением, направленным против догм ортодоксального ислама и господства Тимуридов.

Хуруфизм происходит от арабского слова «хуруф» (буква, алфавит). Формально последователи этого учения обожествляли 28 и 32 буквы арабского и персидского алфа-

витов, утверждая, что без них нельзя познать ни бога, ни человека, ни вещи. Однако философское и социальное содержание хуруфизма несравнимо более широко и значительно. Оно выражало пантеизм материалистического и демократического толка.

Основатель хуруфизма — крупный азербайджанский философ и поэт Фазлуллах Насими из Тебриза — изложил суть своего учения в книгах «Джавидан-намэ» («Книга о вечности»), «Арш-намэ» («Книга о троне»), «Махаббат-намэ» («Книга о любви») и «Наум-намэ» («Книга о сновидениях»). Книги эти написаны сильно и интересно. В них философские размышления о боге, о человеке и природе вещей сопровождаются поэтическими отступлениями, притчами и рассказами из религиозной мифологии. Это самый достоверный и ценнейший источник по изучению хуруфизма. Например, в «Махаббат-намэ» мы читаем: «28 и 32 божественные буквы — изначальные, вечные, незримые атрибуты единого господа («Хазрат веждет» — «господа единства»), они «тождественны его сущности», «они пришли с человеком» и что «лик человека и тело человека — их знание»¹.

Нельзя не высказать предположения, что обожествление букв Фазлуллахом Насими, его утверждение о невозможности познания человека и вещей без знания букв было продиктовано не только определенной философской концепцией, но и страстным желанием освободить народные массы от невежества и темноты, просветить их для более успешной борьбы против паразитически жадных служителей ислама, готовых угодить любым завоевателям и властителям, не ущемляющим их корыстных интересов. С этой целью Насими и хуруфиты всячески возвеличивали человека. В противовес официальным догмам религии, утверждавшим первичность и абсолютную субстанциональность бога, Насими писал: «Пусть станет ясным, что небо, и трон, и пылающая купина, и слово, и дом, и гора Синай состоят из тела человеческого и есть человек»² и, «Поскольку Адам в облаке бога, он и есть он (бог)»³.

Один из западных исследователей хуруфизма ориенталист Хельмут Риттер так писал о книге Фазлуллаха Насими «Джавидан-намэ»: «Для него проявление и тот, кто

¹ Здесь и дальше цитаты взяты из книги З. Кули-заде «Хуруфизм и его представители в Азербайджане», являющейся, по нашему мнению, ценным и, к сожалению, единственным солидным марксистским исследованием философии хуруфизма.

² З. Кули-заде, стр. 104.

³ Там же, стр. 129.

¹ История Азербайджана. Баку, 1958, т. 1, стр. 175.

проявляется, — одно и то же. Человек поэтому в итоге не только трон бога, даже сам бог»¹.

Хуруфиты и их вождь Фазлуллах Насими признавали материальность мира, не боясь впасть в противоречие. Наряду с обожествлением букв они материализовали их: «каждая буква состоит из земли, воздуха, воды и огня»², — утверждал Насими в «Махаббат-намэ».

Даже человека, которого Насими так возвеличивал, он рассматривал в единстве с материальным миром: «Тело человека, — утверждал он, — состоит из четырех естеств, кои земля, воздух, вода и огонь».

В своих исследованиях и суждениях Фазлуллах Насими шел очень далеко, делаа поразительно смелые выводы, которые звучали вызовом всей господствовавшей идеологии эпохи, всей системе теологических представлений о природе и вселенной, о боге и человеке. Он смутно ощущал и утверждал всеобщность движения, материальность мира и взаимосвязь всех его частей: «Небо, которое находится в движении, не свободно от двух черт: либо движение его в нем самом, что оно движется, либо нет. Если его движение и его покой связаны с другим, то тогда бог — это тот, который приводит (его) в движение. И луна по природе своей находится в движении, и солнце, и планеты. Если движение находится в них самих, оно не свободно от двух обстоятельств — или притягиваемое или отталкивающееся другим, а это не подобает богу».

Мы так подробно пишем о взглядах Фазлуллаха потому, что его философия, его отношение к богу и человеку, его понимание природы и небесных тел нашло свое отражение в поэзии Насими. Не имея хотя бы элементарного представления о философии хуруфизма, трудно понять некоторые философские стихи Насими. Он был верным учеником и другом Фазлуллаха Насими и всей душой был предан его идеалам.

Совсем не случайны фонетическое сходство их поэтических имен и одинаково трагический конец их жизни. Фазлуллах избрал себе прозвище Насими неспроста, этим самым он говорил народу: истинные блага³ не в мифическом раю, который обещают вам служители религии, вы их найдете в этом мире, идя по пути, указанному мною. В знак преданности Насими Имадеддин избрал себе псевдоним Насими — от арабского «наси», означающего и «утренний ветерок» и «душа». «Насими» — значит человек с сердцем, задушевный человек.

¹ Э. Кули-заде. «Хуруфизм и его представители в Азербайджане», стр. 130.

² Там же, стр. 103.

³ Насими — обозначает благо.

Хуруфиты очень энергично пропагандировали свое учение, создавали во многих крупных городах Азербайджана кружки, посылали своих людей в страны Ближнего Востока и Средней Азии, всюду вербовали себе сторонников. Видимо, они имели далеко идущие намерения в борьбе против феодальной знати и господства Тимуридов, о чем говорят их тайные связи и переговоры с правителями стран, настроенных против кровавого деспота. Опираясь на городских ремесленников, они всюду поощряли и поддерживали частые в то время народные восстания против произвола феодалов, завоевателей и реакционного духовенства. В свою очередь, эти черные силы, объединившись, učinили кровавые расправы над хуруфитами. Вождь движения Фазлуллах Насими по приказу Тимура был арестован и заключен в крепость в Ширване. Затем сын Тимура, Мираншах, по приказу своего отца перевел его в Нахичевань. В 1394 году на основании фитвы (указа) мусульманского религиозного суда Фазлуллах был казнен в крепости Алинджа-кала, в той самой крепости, которая, начиная с 1387 года, на протяжении ряда лет, выдержав осаду полчищ Тимура, активно оборонялась против них.

После казни Фазлуллаха началось настоящее гонение на хуруфитов, которое, между прочим, предвидел сам Насими. Чтобы избежать расправы, по его завещанию, многие наиболее активные и видные деятели хуруфизма покинули родные места. Конечно, Насими был одним из них. Он уехал в Турцию, скитался по многим ее городам, затем был в Ираке, в Сирии и других арабских странах. Всюду распространял он идеи хуруфизма, общался с поэтами, учеными, простолудинами, читал им свои стихи. Смерть настигла его в сирийском городе Хаалебе (Алеппо).

О мучительной смерти поэта имеется множество легенд и преданий. Наиболее достоверным считается следующее: молодой хуруфит, ученик и друг поэта, на базаре, среди толпы, вдохновенно читал одну из газелей Насими, воспевавшую человека, отождествлявшую его с богом. Конечно, это сразу стало известным представителям духовной власти. Юношу арестовали, судили как еретика, и так как он признал себя автором газели, его приговорили к смертной казни через повешение.

Весть об этом дошла до Насими в тот момент, когда он сидел у сапожника и чинил башмаки. Поэт немедленно пришел на место казни, признал свое авторство и спас жизнь своему молодому другу, но зато сам поплатился за это страшной ценой. В арабском источнике «Кунуз-уз-захаб» о казни Насими сказано следующее: «Вероотступник Али Насими был казнен во времена Иашбека. В то время в «Дар-уль-адле» (Дворец правосудия) в присутствии нашего шейха ибн хатиба ан Насири и наиба (наместника) верховного кадия шейха Иззуддина Шамсуддина ибн Амин-уд-Довле, верховного кадия

Фатхуддина аль-Малики и верховного кадия Шихабуддина-аль-Ханбали рассматривалось дело об Али аль-Насими. Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинялись ему. Об этом сказал кадиям и богословам города некий ибн аль-шангаш Алханадан. Судья ему сказал: «Если ты докажешь то, что говоришь о Насими, я не казню тебя». Насими произнес «Келме-и-шахадет» (молитва о том, что будет говорить правду), поклялся и отверг то, что говорили о нем. В это время появился шейх Шихабуддин ибн Хилал. Заняв почетное место в медресе, он заявил, что Насими — безбожник и должен быть казнен, даже если вздумает исповедаться, и спросил: «Почему же не казните?» Аль-Малики ответил ему: «Напишешь ли ты приговор собственноручно?» Тот ответил: «Да» и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились. Аль-Малики сказал ему: «Кадия и богословы не соглашаются с тобой. Как я могу казнить его на основании твоих слов?» Иашбек сказал: «Я его не казню. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождем, что султан прикажет по этому поводу». На этом медреса разошлась. Насими остался в темнице».

Цитируемый исторический документ интересен тем, что проливает свет на социально-политический характер деятельности хуруфитов, в частности Насими. Документ подтверждает связи хуруфитов с силами, враждебно настроенными как к Тимуридам, так и к другим феодальным сообществам в странах Малой Азии, встретившим их учение в штыки, в частности, с династией Зульгадар-беков, которая вела свое происхождение от огузско-туркменских племен Средней Азии и делилась на две большие ветви: Гараююну во главе с правителем Алибеком и его братом Насреддином и Агююну¹ во главе с правителем Диярбеком Османом Гараюолуком. Последние через Ирак и Турцию часто проникали в Азербайджан и Армению и неоднократно, но с переменным успехом вступали в бой с тимуридскими и с султанскими полчищами. Вот почему решение султана Египта Муайада о Насими оказалось гораздо более жестоким и бесчеловечным, чем ожидали судьи:

«О деле Насими было доложено султану Муайаду, от которого пришел приказ содрать с него кожу и его тело в течение семи дней выставить в Халебе на всеобщее обозрение, отрубить ему руки и ноги и отправить Алибеку ибн Зульгадару, его брату Насреддину и Осману Гараюолуку, которых Насими также сбил с пути. Так и сделали.

¹ Аз — белый, кара — черный, гоюн — баран. На знамени первых был нарисован белый баран, на знамени вторых — черный.

Этот человек был гяуром и мулхидом (богоотступником). Упаси боже, говорят, у него есть тонкие стихи».

Это случилось в 1417 году в сирийском городе Халебе. Стойкость и мужество во время мучительной казни и поистине «тонкие стихи», о которых даже правоверный мусульманин-историк не мог умолчать, сделали Насими бессмертным в веках. В народе живет множество легенд о том, как вел себя поэт-борец во время казни. В них говорится прежде всего о верности поэта своим убеждениям. До последнего его вздоха палачи не могли вырвать из уст его слова раскаяния. Он все твердил: «Аналах!» («Я — истина, я — бог!») и даже издевался над своими палачами, меткой насмешкой обнажая их ничтожество и пустоту. «Этот человек хуже сатаны; проклято место, куда упадет капля его крови, то место должно быть выжжено огнем, отрублено мечом!» — сказал во время казни один из рьяных служителей религии, и по иронии судьбы как раз на палец этого гаджи упала капля горячей крови поэта. Толпа, разгневанная страшным зрелищем истекающего кровью поэта, потребовала: отрубить палец богослову! Тот, конечно, спохватился: «Это я сказал между прочим, об этом ничего нет в коране». На это Насими ответил двустышием, ставшим пословицей:

Если отрубить хоть один палец захиду — он отвернется от бога.
Взирай на несчастного ашуга, с него кожу сдирают, а он не плачет...

Озлобленный мужеством поэта, другой фанатик ехидно спросил его: «Какой ты бог, если бледнеешь, теряя кровь?» Поэт ответил: «О невежда, ты не можешь вразуметь, что я, — солнце любви на небосклоне вечности. А перед закатом солнце всегда бледнеет!»

О непреходящей любви к Насими, который страстно искал истину, любил, возвеличивал и защищал человека, жаждал видеть его свободным и счастливым, сделать его разум и совесть высшим мерлом всех ценностей, свидетельствует его популярность среди народов Узбекистана, Туркмени, Аравии, Турции, Ирана, Армении. Его имя, его пророческая стойкость и преданность своим идеалам прославлена многими выдающимися поэтами и мыслителями этих стран.

После смерти Насими иракцы всюду преследовали его последователей и подражателей, переводчиков и исполнителей его произведений. «За чтение стихов Насими и подстрекательство народа», за распространение и использование газелей поэта против насилия и суеверия в середине века был сожжен мастер-чтец соседней Армении Будаг Амтеци и подвергнут такой же мучительной казни, как Насими, армянский поэт Хачатуро Жигрангеоси...

В каком бы яростном водовороте социальной и политической борьбы по воле судьбы ни оказывался Насими, он всегда оставался поэтом, и все явления, с которыми сталкивался его жизнь, он воспринимал прежде всего как художник. Образами и метафорами откликалась его душа на все современные ему явления на религиозно-философские, социально-политические, нравственные и житейские проблемы. Наряду с философскими газелями, он создал чудесные образцы лирической поэзии, так называемые любовные газели, в которых воспеты тончайшие человеческие чувства. Лирические газели поэта отличаются романтической приподнятостью, изяществом и блестящим поэтическим языком, неожиданными поворотами мысли, реальностью чувства и страстей.

Все чувства мои любовь, как город, заняла,
И слава городу тому, где ангелу витать!
И говоря «я есмь аллах!» — ты словно жжешь огнем,
И алой влагой губ твоих не можешь ты не звать!

Аскетизм, отрешенность от жизни, пропагандируемые в народе служителями мусульманской религии, так же как и христианской, было распространенным явлением в средние века, они лишь прикрывали лицемерие и ханжество... Великие творцы литератур всех стран Востока то с гневом и возмущением, то с иронией и сарказмом писали об этом. В лирических стихах Насими наряду с образом прекрасной и нежной красавицы, согреваемой земной любовью, часто встает и другой образ, образ захида, аскета-проповедника. Это — по Насими — человек без сердца и души, сухой и коварный, чуждый чувства сострадания к людям. Интересно, что Насими часто отождествляет захида и суфия, показывает сходство их натур.

О захиде:

Пусть говорит захид: ошибка лицом любимой любоваться,
Его предположение — глупость, ошибка, повернись спиной.

О суфии:

Вот суфий щеголяет в красном, остерегись его коварства.
У лицемеров и в одежде — коварство, только вред сплошной.

Надо сказать, что в ранние годы своего творчества сам Насими писал стихи суфийского толка, но его суфизм отличался своей внутренней, духовной первозданностью, своей оппозиционностью против устаревших догм. Насими принимал учение суфизма в том виде, в котором оно было изложено в X веке его основателем известным иранским поэтом Гусейном Халладж Мансуром, впервые провозгласившим: «Я есмь бог!». За свое уче-

ние Халладж Мансур подвергался преследованиям, но не раскаялся, не отказался от своих убеждений и был повешен. Его имя, ставшее символом верности и мужества, было воспето поэтами. Насими в его честь ранние свои стихи подписывал псевдонимом «Гусейни». И позднее, когда он стал убежденным хуруфитом, образ Мансура не исчез из его стихов. Но суфизм, примирившийся с официальной религией и дошедший до аскетической крайности, был ненавистен Насими. В его стихах образы захида и суфия стали синонимами. Их коварство, говорил Насими, хуже змеиного яда. Они способны на худшее из человеческих пороков — на клевету. И Насими восклицает:

Коль перенести сумею клевету я терпеливо,
То воистину избегну ада полыханье я.

Несмотря на специфику социально-философских воззрений Насими, его понимание человека отнюдь не ограничивается рамками хуруфизма. Оно гораздо шире и богаче, его поэзия охватывает многие стороны духовной деятельности личности. Это, по существу, бунтарская поэзия и не случайно: время Насими было временем непрекращающихся народных восстаний против полчищ Тимура, Тохтамыша, против феодальных правителей.

Поэзия Насими — гуманистическая, народная как по духу, так и по форме своей. Она является гимном человеку, объявляет человека «откровеньем дня и ночи», «началом и концом в двух мирах», «абсолютным во вселенной». «Я — сам бог!», «Я — сам творец!» — гордо восклицает в его стихах человек. Повторяем, эта широта гуманистического содержания для поэзии Насими естественна потому, что, во-первых, в мятежах и выступлениях против иноземных и местных угнетателей плечом к плечу участвовали сыновья и дочери многих народов Востока: азербайджанцы, грузины, армяне, туркмены, арабы, иранцы, во-вторых, в поэзии классиков Востока синтезировались культурные ценности многих народов. Это особенно сильно ощутимо в поэзии Насими: она питалась соками духовной культуры стран Кавказа, Средней и Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока. Потому-то критерий человечности у Насими звучит очень четко и определенно: Истина! Человек лишь тогда становится полноценным и «равным богу», когда познает истину, ставит выше всего только истину:

Пусть Запад знает, знает и Восток,
Что истина и есть единый бог,
Не зрящий истины, не зрящий бога,
По сути от шайтана недалек!

Насими прошел сложный, противоречивый жизненный и творческий путь. Его ум, его поэтическое сознание развивались в тяжелых условиях средневековья и, конечно,

отражали противоречия реальной действительности. Так, например, в ряде своих стихов он выступает как мусульманин-шиит, веривший в бога и всех пророков. Он жил и творил в постоянной борьбе. Он видел гибель лучших людей своей эпохи, своих учителей и кумиров, его преследовали ничтожнейшие люди. И он временами впадал в отчаяние, писал о «тленности мира», о «людской неверности».

Но эти горестные мгновения проходили, и он вновь обретал веру в человека, в его разум и справедливость. Знаменательно, что в оценке человеческих достоинств он не делал расовых, национальных или религиозных различий, особенно раздувавшихся господствующими классами в эпоху кровавых нашествий и крестовых походов. Эти различия в поэзии Насими теряют свое значение, свою разрушающую силу перед человечностью, перед теми духовными ценностями, без которых человеческая личность деградирует и разрушается:

Вхожу ли я в мечеть, иду ли мимо храма,
Направо я иду, налево или прямо,
Я думаю о том и убеждаюсь в том,
Что бог — любой из нас, из сыновей Адама!

* * *

Юбилей славного сына Азербайджана отмечают во всех республиках нашей великой социалистической Родины. Созданы Азербайджанский республиканский Юбилейный комитет и Всесоюзный Юбилейный комитет, возглавляемый выдающимся советским писателем, Героем Социалистического Труда Николаем Тихоновым.

В соответствии с решением партийных и советских органов осуществляются широкие мероприятия: впервые в наиболее полном объеме издаются «Сочинения» поэта на родном языке, научно-критический текст его произведений в четырех томах, «Избранные» стихи на русском языке в двух томах, над которыми работали талантливые советские поэты и переводчики, монографии и сборники статей о жизни и творчестве Насими, избранные его стихи на иностранных языках. В Баку будет установлен памятник Насими. Выпускаются почтовые марки и нагрудные значки с изображением Насими.

Юбилей будет отмечен также по линии ЮНЕСКО.

Широта и размах, с которыми отмечают юбилей великого певца Азербайджана, поэта-гуманиста Насими—новое яркое свидетельство неустанной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о расцвете национальных культур народов нашей страны.

Юбилей Насими, безусловно, явится демонстрацией нерушимого братского единства и духовного родства наших литератур.

Мирза Ибрагимов

ГАЗЕЛИ

Я СЛАВУ ИМЕНИ ВОЗДАМ

Как таинство, как талисман, я в этот бренный свет пришел.
Я в смерти канул без следа, я в вечность, словно след, пришел.

Я с талисмана снял покров, и мрак от света стал багров,
Я миновал миры миров и, в эту плоть одет, пришел.

Я славу имени воздам, в котором был исток мирам,
Пусть будет имя мне — Адам; я за творцом вослед пришел.

Все зримое окрест — мой лик, я взором все вокруг проник,
Я тайны всех земель постиг: вняв смыслу всех примет, пришел.

Что Насими за человек? Открыл он тайну тайн навек,
Слагал он песнь, и слов разбег к стиху, который спет, пришел.

ЛИШЬ ПРОЗОРЛИВЫМ
ИСТИНА ВИДНА

Знай, человек: в любые времена
Лишь прозорливым истина видна.

Познал ты сам себя — стал прозорливым,
Сам не познал себя — твоя вина.

Кто истину постиг, тот стал кораллом,
Рубином стал, чья гладь огранена.

Суть всех кругов и разделений ада,
Суть всех стихий лишь мудрому ясна.

Он знает, что растет на древе рая,
И этот плод есть муж или жена.

Роль райских гурий или же гылманов
Для всех, тебя познавших, не темна.

Лишь мудрому известно, что за влага
В потоке сельсебиль заключена.

Блаженны те, кто вникнул в суть явлений,
Им даже власть шайтана не страшна.

Но жалок тот, кто истины не знает,
Он всех беднее — жизнь его бедна,

Поскольку ложных истин в мире много,
А праведная истина — одна.

О Насими, твой ум — вода живая,
Жизнь тех, кто не испил ее, трудна.

Кто может ведать достоверней Хызра
В ручье вода чиста ли, холодна?

НАСТАВЛЕНИЕ

Невежество— вино, но ты его не пей.
Ты истину познай, чтоб стать еще мудрей.
Быть жадности рабом — удел невежд презренных.
Обычно чем глупей, тем, люди, мы скупей.
Что сеют, то и жнут — таков закон извечный.
Ты семени вражды и смуты не посеи.
Чтоб горьких слез не лить потом в нездешнем мире,
Здесь слабых накорми, замерзших обогрей.
Чтоб не жалеть потом, не трать напрасно время,
От праздности беги и от пустых затей.
Нет у тебя богатств — не начинай торговли,
Чем торговать тебе, когда ты всех бедней?
Будь помыслами чист, всегда будь крепок духом.
Находит тех, кто слаб, любой недуг быстрее.
Несовершенен мир, его не переделать.
Ты эту мысль усвой и горьких слез не лей.
Завистником не будь, от злобных дум избавься.
Чтобы спастись, не будь рабом дурных страстей.
Великий создал дух великим человека,
Ему ты покоришься и возлюби людей.
О Насими, не будь рабом греха земного,
Ты сам султан и шах, ты — бог, ты всех сильнее!

СОЙДИ С ДОРОГИ СЕБЯЛЮБЬЯ

Коль сердце, о, мой друг, твое умудрено,
Брось всякую тщету, люби и пей вино.
Сойди скорее прочь с дороги себялюбья,
Любовь и хмель— вот что в награду нам дано.
Пристанище людей—порог и крыша друга.
Да будет эту цель достичь нам суждено.
Пойми и ты, аскет в изодранных одеждах,
Нас тянет аскетизм, а не соблазн на дно.
Прочь четки отодвинь и коврик для молитвы,
Их в сеть не преврати, не преврати в зерно.
Ты поклоняйся той, чей тонок стан и гибок,
Лишь господу и ей молиться не грешно.
Ты двойственным не будь, стыд, веру, силу, славу —
Все именем зови, каким наречено.
Удача — краткий дар, и счастье преходяще.
Они, мелькнув на миг, исчезнут все равно.
И как ты ни умен и сколь ты ни всемогущ,
Не будет пусть ничто тобой разорено.
О Насими, твоя мечта в глазах любимой.
Не говори о том, чего достиг давно.

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Источник жизни, жизни я под стать.
Что спишь ты в царстве тьмы? Пора вставать.

Я — светлый рай и Коусер прохладный.
И та река, которой высохают.

И небосвод я, и его создатель,
Айят, который надо толковать.

Я — и ковчег, я — и поток всемирный,
И Ной, который призван всех спасать.

Кааба и кыбла, я — лик аллаха,
Молитва я, и вам ее шептать.

Муса, Имран, Юсуф из Ханаана,
Я — все, о чем вам можно лишь мечтать.

Я — ваша цель и достижение цели,
Я — нищий и богач, судья и тать.

Я — скрытый клад, я — оба этих мира,
Я — то, что ясно, то, что не понять.

Я и свеча, и мотылек несчастный,
Которому в ее огне сгорать.

Я — все: и божий храм, и дом питейный.
В грехе я каюсь и грешу опять.

Я — все стихии, все шесть измерений.
Мне подчиняться и повелевать.

И тот кумир, кому я поклоняюсь,
Бродяга или ангел, где мне знать?

И Каф я, и Симург, что там гнездится.
Я — все, что может в небесах летать.

Я — судный день, я — подати плательщик,
И тот, кто должен подать собирать.

Иблис постичь не может человека,
Нам должно жечь его и проклинать.

Ты зеркало свое протри скорее,
Не криво ль это зеркало, как знать?

В конце концов тот оказался правым,
Кто жил, чтобы любимых целовать.

Я, Насими, свою постигнул сущность.
Я понял: божия на мне печать.

В ЭТОТ МИР Я НЕ ВМЕЩУСЬ

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет, все воплощается во мне.
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.

Вселенная — мой предвозвестник, мое начало — жизнь твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.

Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто;
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья не вмещусь.

Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять:
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.

Я — жемчуг, в раковине скрытый. Я — мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.

Я — самый тайный клад всех кладов, я — очевидность всех миров,
Я, драгоценностей источник, в моря и недра не вмещусь.

Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я — сотворение вселенной, но в сотворенье не вмещусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я,
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?

Я — небосклон, я — все планеты и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами, и в твой язык я не вмещусь.

Я — атом всех вещей, я — солнце, я — шесть сторон твоей земли.
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.

Я — сразу сущность и характер, я — сахар с розой пополам,
Я — сам решение с оправданьем, в молчащий рот я не вмещусь.

Я — дерево в огне, я — камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, я в это пламя не вмещусь.

Я — сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю,
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.

Старик, я в то же время молод, я — лук с тугою тетивой,
Я — власть, я — вечное богатство, но сам в века я не вмещусь.

Хотя сегодня Насими я, я хашимит и корейшит,
Я меньше, чем моя же слава, но я и в славу не вмещусь.

ПОХИТИЛА ПОКОЙ

Похитила покой ты, чей мне облик мил,
Жемчужины твоих зубов я полюбил.

И небо, и земля озарены тобою,
Светило светлое, светлее всех светил.

Твой сладкий аромат нежней татарской амбры,
Пред влагой губ твоих ничтожен сельсебиль.

Нет в мире красоты, твоей красе подобной,
В твоей красе аллах свой образ воплотил.

Пред красотой твоей и солнце закатилось,
Твой лучезарный лик его собой затмил.

Твой лучезарный взгляд привел в движенье звезды,
И месяц перед ним поблек и приуныл.

День страшного суда грядет на землю нашу,
Как Исрафил, о нем приход твой возвестил.

Стал спутником твоим, твоею тенью вечной
Любой, кто суть твою постиг и возлюбил.

Твой лик для мусульман — день праздника великий,
И пост, который нам коран установил.

Ты — «Джавидан-намэ», мудрейший из мудрейших
Трактат, что Фазлуллах великий сочинил.

Твой взгляд — шараб и мед, слова твои целебны,
Сладчайший сахар бог в уста тебе вложил.

Я — Насими, мой стих распространился в мире.
Я — падишах стиха, тебя благословил.

ЛЮБОВЬЮ СОЗДАН МИР

Любовь, когда она сильна и беспощадна,
Сравню я с судным днем, грядущим неотвратно.

Мне кажется, что был любовью создан мир,
Но и разрушен был любовью мир стократно.

Хочу я дичь поймать, глядишь — а сам в силках,
Пускаю в цель стрелу — стрела летит обратно.

Но поиски тебя — моя дорога в рай,
Ты — дерево в раю, оно цветуще, статно.

Явлением твоим встревожен целый мир,
И за любовь меня карает мир нещадно.

Что четки, что зуннар, что коврик для молитв?
Лишь локон твой — вот что аллаху не отвратно.

Лишь локон твой дарит благоуханье нам,
Я знаю: на земле все остальное смрадно.

И, может, в двух мирах лишь красота твоя,
Как божья благодать, от века необъятна.

Сегодня Насими пропел тебе хвалу,
А жизни петь хвалу так сладко и приятно

КААБА ТЫ ЛИЦОМ

Кааба ты лицом, ты красотой кыбла,
И с солнца и с луны ты подать собрала.

Все чудо красоты в подлунном этом мире
Озарено огнем от твоего чела.

И солнце в небесах — незначущая малость,
Которая тебя чуть осветить могла.

Ты указала всем блуждающим дорогу,
Пред тем, кто пить хотел, замземом протекла.

Ты — истины свеча, я — мотылек ничтожный.
Я, Насими, кружась, спалил свои крыла.

ТЫ В МОИХ ГЛАЗАХ

Провиденье, что в нас вселяет страх,
Тебя в обоих пусть простит мирах.

Период красоты твоей извечен.
Я это вижу: ты в моих глазах.

Ты — чудный райский сад, и силы злые
Не могут обитать в таких садах.

«На смерть обречено все в этом мире» —
Я стих такой прочел в твоих кудрях.

Хоть вечен мир, но без красоты нетленной
Весь мир давно поник бы и зачах.

От сладких губ твоих — Исы дыханье.
В твой сад спустил архангела аллах.

Мне ведомо: твой облик переняли
Все гурии в надоблачных краях.

Святой аят: «Я воскрешаю мертвых!»
Спит на твоих рубиновых губах.

Твой чудный лик стал красотой вечной,
И вера Насими в твоих чертах.

ЗАЖЕГСЯ СЧАСТЬЯ СВЕТ

Зажегся счастья свет над нами в облаках
И показалось нам — звезда у нас в руках.

И вот неожиданно в нас с тобою проявилась
Суть, что живет во всех явлениях и вещах.

Сегодня светлый день, день жертвоприношенья,
И где-то муэдзин кричит: «велик аллах!»

Божественный певец, что ты замолк внезапно,
Иль, милую узрев, смутился и зачах?

О жаждущий бедняк, о человек влюбленный,
Ты губы утопи в рубиновых устах.

Забудь тяжелый гнет своих забот извечных,
Пред вечной красотой твои заботы — прах.

Любимая твоя — божественная птица,
Спустился Джебраил к нам на ее крылах.

Пусть будет речь моя остра, как меч Гейдара,
И пусть сверкает сталь во всех моих словах.

Все люди — лишь душа, она прикрыта телом.
Не так ли носим мы одежду на плечах?

Стал богом Насими, стал книгою священной:
Вот письмена судьбы на лбу и на щеках.

Любимой тонкий стан я описать хотел
И душу на нее я, как халат, надел.

Как вылечить тебя от горя, если, друг мой,
Ты горя до сих пор еще не претерпел.

Тебя не видел тот, кто думал: богохульство
Смотреть на божий лик, кто был всегда несмел.

И тот, кто говорил, что божий лик невидим,
Так твоего лица ни разу не узрел.

А я готов отдать за благо нашей встречи
И этот мир, и тот, отдать любой предел.

Пусть прах твоих подошв моей сурьюмою будет,
Пусть будет тутней, так бог мне повелел.

Пусть люди обретут бессмертье, стих читая,
В котором Насими тебя воспеть посмел.

Красоте твоей равной нет, нет сравнения красе твоей,
Всех смущает твой дивный лик, обрамленный венцом кудрей.

Кто в предвечное утро смог пред тобою вблизи предстать,
Тот восторг единения знал, знал блаженство счастливых дней.

Сам себе я Истиной стал, светоч правды в себе обрел,
Тяжкой дремой небыли злой ослеплен маловер-злодей.

Ты вселенной даруешь жизнь, чуден пламень твоей любви:
Опаляет он целый мир, но воды животворной живей.

Суть невиданной красоты твоему существу дана:
Ты — предел и венец красы, высший дар совершенства ей!

Мускус локонов и уста! Светоч Истины в них сокрыт.
Чудной вязью кудрей-письмен людям правду внушить сумей.

Жгучей ревностью истерзав, шлют жестокую муку смут
Полнолунию образ твой, полумесяцу взлет бровей.

Облик твой — сиянье луны, восходящего солнца блеск,
И неведом ему закат, предвещающий тьму ночей.

Я рыдания души просил тайну уст твоих мне открыть,
Но умолк их страждущий звук: в мире нет вопроса трудней.

О, дерзнувший молить творца светлый лик в грядущем прозреть,
Ждать далекого счастья миг бесполезной мечтой не смей!

Берегись, отшельник-аскет, в заблуждениях не хитри,
Не сгнои в обмане свой век, не погрязни во лжи своей.

Хоть не смог я сердцем минуть пут лукавой твоей красоты,
Тот, кто видел мой горький плен, сам захочет таких сетей.

О владычица красоты, светит образ твой Насими:
Он — как солнца нетленный свет, как луна в сверканье лучей!

ТЕБЯ Я ВИДЕТЬ ЖАЖДУ

О сердца моего оплот, тебя я видеть жажду.
Не медлит время, жизнь пройдет, тебя я видеть жажду.

Небесных ангелов светлей, прекрасней райских гурий,
Ты, чья краса к себе влечет, тебя я видеть жажду.

Твой облик — это светлый лик господней благодати,
К тебе все сладостное льнет, тебя я видеть жажду.

Луну и солнце ты в себе вместила, два светила.
О ты, чье слово сладкий мед, тебя я видеть жажду.

Коран всех любящих людей, людей влюбленных вера,
Вместилище земных щедрот, тебя я видеть жажду.

Мы все нуждаемся в тебе, сидящая на троне,
Твой царский трон тебе идет, тебя я видеть жажду.

О воплощение чудес, чудесный светоч неба,
Ты — мой султан, я — твой народ, тебя я видеть жажду.

О птица, ты в саду поешь, ты рассыпаешь жемчуг,
Нарцисс в зеркальной глади вод, тебя я видеть жажду.

Красавица страны цветов, цветов страны красавиц,
Как сладок твой извечный гнет, тебя я видеть жажду.

Ты — сладкая моя болезнь и горькое лекарство,
Ты — роза, что в раю цветет, тебя я видеть жажду.

У милосердия нет конца, у красоты — начала,
Пускай аллах меня убьет, тебя я видеть жажду.

Мой друг, кумир извечный мой, о ты, мой спутник вечный,
Все та же мысль меня гнетет — тебя я видеть жажду.

Я, Насими, с тобою слит, но ты — душа, я — тело.
Нет у меня иных забот: тебя я видеть жажду.

ВЕТЕР СВЕЖИЙ, ПРЕДРАССВЕТНЫЙ

Ветер свежий, предраассветный, я послал привет с тобой
Той, что взглядом совершает преднамеренный разбой.

В чем найти мне исцеленье, если знаешь, сообщи,
Расскажу о том любимой, только ей шепну одной.

Жжет меня разлука с нею изнурительным огнем.
Луноликую увидеть не даровано судьбой.

Снова родинки и кудри вспоминаю я в тоске,
Хитроумную приманку в сети локонов густой.

Тот, чьей целью ты не стала в небесах и на земле,
Заблудился, словно путник, сбитый путаной тропой.

Мудрый к истинной святыне обратил свое лицо,
Он назвал своей кыблою черных глаз огонь живой.

Щеки — утренние розы, белоснежное табло,
На котором сам апостол знак оставил огневой.

Изначальный виночерпий дал пригубить яхонт уст.
Дай испить из жаркой чаши, дух смятенный успокой.

Назову ли вечным счастьем нашей встречи краткий миг,
Если сущее не вечно и конечен мир земной?

И луна, и солнце в небе — отражение твое,
Ты раба и господина ослепила красотой.

О аскет, зачем влюбленным целомудрие блюсти?
Не смущай меня, наставник, благонравной чистотой.

До небес с любимой встречу прославляет Насими.
Для него в подлунном мире нет жемчужины другой.

РУБИНЫ ГУБ ТВОИХ

Рубины губ твоих — источник и исток.
Пусть это подтвердит твой над губой пушок.

Твой животворный лик — луч твоего сознания,
Свидетельство того, что разум твой высок.

Мерилом красоты, любви светилом вечным —
Таким вот сотворил тебя великий бог.

Ты всюду предо мной, куда ни посмотрю я:
На север ли, на юг, на запад, на восток.

Ханжа-аскет и тот тебя б узрел, когда бы
Он ханжества в себе переборол порок.

Я встречи жду с тобой, как человек в пустыне
Мечтает отыскать воды хотя б глоток.

Моления тебе — святейшие молитвы.
И для таких молитв уже приходит срок.

Влюбленные в тебя избавлены от ада.
Любовь моя к тебе — вот от греха зарок.

Твой лик — мекканский храм, и, прочь уйдя от Мекки,
Могу ли преступить я кабака порог?

О Насими, огонь твоей любви безмерной
На небе начертал три слова: «Я есмь бог!»

Ты подражание брось, оставь предположенья,
Иди и не ищи запутанных дорог.

ТВОЕ ЛИЦО — АЛЛАХА СВЕТ

Твое лицо — аллаха свет, он грешных жжет карая.
Сто гурий вьются вокруг тебя, ласкаясь и играя.

В твоём лице — единый бог: коран, псалтырь и тора,
Не потому ль твой чудный взгляд горит, нас согревая?

Ты — светоч истины, в тебе вселенной равновесье,
И локоны твоих волос — дорога в рай прямая.

В твоих глазах горят миры — все восемнадцать тысяч.
Постигший это, слез не льет, живет он не страдая.

Всяк человек, любой из нас — священное писанье.
Кто смеет это отрицать, тому не видеть рая.

Аскет и тот давно постиг все эти откровенья,
Он видит ныне лик святой и молится вздыхая.

Суть мира нашего сходна с иного мира сутью,
Раздастся скоро судный глас, на страшный суд сзывая.

Одним и тем же рождены и божий гнев и милость,
А сатана себя сгубил, сей истины не зная.

Ты видишь знаки: «айн» и «шин», и «каф» — взглядишь получше,
Они сияют, знак любви собою составляя.

Прочти же этот божий знак и ты не ошибешься,
Всевышнего благословляй, пред ним главу склоняя.

Гляди вокруг, хоть этот мир и не окинешь взглядом,
В нем, кроме веры, кроме нас — все суета пустая.

О Насими, в твоих словах — дух истины великой.
Трубит труба, всех нас живых и мертвых пробуждая.

Нет, не оценит никогда благоволенья милой
Тот, кто из-за ее причуд не пролил слез, страдая!

Когда ты шах, где суд твой и устав?
Коль кравчий ты, где твой веселый нрав?

Не всякой птицы тень приносит счастье,
Но если ты Симург, то где твой Каф?

Весь божий мир вместился в человеке,
Мы существуем, божьим миром став.

Но место мудреца не в этом мире,
И ты томишься, в этот мир попав?

Как мухтасиб, ты ищешь на базарах
Торговцев, что нам лгут, закон поправ.

И если ты абджад, то где скрижали?
О созидатель, где твой «нун» и «каф»?

Коль милости ты ждешь, что ж сам проходишь,
Руки страдающему не подав?

О Насими, нет лишь любви границы,
Ты в этом убежден и в этом прав.

НА ЗАВИТКЕ ТВОИХ ВОЛОС

На завитке твоих волос прервав корана чтение,
Я понял, что и ересь в них, и мудрое ученье.

Упал на лик твой вечный свет, и в красоте твоей
Я вдруг все доводы прочел, постиг все объясненья.

В ней я увидел солнца свет, увидел день и ночь,
Увидел на твоём лице луны преображенье.

Зачем аскет мне говорит про ненадежный рай?
Твоя краса — мой гюлистан, где вечное цветенье.

Я униженье перенес, стерпел печаль и боль.
Любимая, лишь ты одна — недуг мой и лечение.

Твоею речью говорит со мной учитель мой.
О Насими, услышал ты святое откровенье.

ЗАВИСТАЛИВЫЙ ТЮЛЬПАН СНИК ПО ТВОЕЙ ВИНЕ

Завистливый тюльпан сник по твоей вине,
Внушает милый взор мне мысль о судном дне.

Твои глаза, давно мое присвоив сердце,
Чтоб душу отдал я, повелевают мне.

С тех пор, как жемчуг твой смогли заметить люди,
И яхонт, и рубин — упало все в цене.

Сей мир узнал твоих волос благоуханье,
И мускус посрамлен в китайской стороне.

Тот забывает все: свой край родной и веру,
Кто голос твой хоть раз услышал в тишине.

Любовь, о Насими, безбрежна, словно море,
Где то всплываем вверх, то гибнем мы на дне.

Исчезнет пусть самшит, не будет кипариса,
Мне, Насими, тебя достаточно вполне.

О предводитель наш, о ты, кем мир богат,
Твой лик для нас коран, святой его аят.

Нет, головы ничьи корон земных не стоят,
Когда к твоим ногам упасть не норовят.

Твой животворный лик — святилище Востока,
Источник существа, чем край восточный свят.

Без пешек и ферзя и без иной подмоги
Ты так легко даешь любому шаху мат.

Твой лучезарный лик — для всех покуда тайна,
Ты — божество земли, прекрасный райский сад.

Влюбленные в тебя твоей красотой убиты,
Из-за любви к тебе я сам убит сто крат.

Для смертных, тех людей, кто предан только Лату,
Ты, милая моя, их божество, их Лат.

Зачем тебе, аскет, жизнь понапрасну тратить?
Пей сладкое вино, не умножай утрат.

И ты и я, мы все — суть воплощение бога.
Мы — солнечный восход и солнечный закат.

О творец, тебя создавший, все творение — твое.
Все прекрасное на свете — есть свершение твое.

Милая, когда на лик твой тень твоих волос упала, —
Солнце вспыхнуло над миром, как дарение твое.

Коль скажу: семь сур корана на лице — не возражай мне.
Эти пряди, бровь, ресницы — все свечение твое.

Склонены туба и лотос, ангелы крылами веют
И склоняются, и это поклонение — твое.

Речь из уст твоих, как будто речь Исы — души отрада.
О Мессия, хвор, пришел я — повеление твое!

Хызр проникнул в область мрака, чтобы там найти бессмертье.
Солнечно, как твои губы, в рай вторжение твое.

Не познавший своей сути пусть пергамент не марает,
Коль из уст твоих услышит он речение твое.

Если ревностью ты мучим, истина в лице затмится,
Искажится лик, померкнет озарение твое.

Насими, все в мире бrenно, преходящим не прельщайся,
Устремись ты к вечной жизни, в ней значение твое!

ТВОЙ ВЗГЛЯД, КАК АЛКОРАН

От боли и любви ты зря лекарство ищешь.
Что лечит боль сама — тебе и невдомек.

Пей, Насими, бери вино из рук любимой.
Быть может, только в том твоя звезда, твой рок.

Твой взгляд, как алкоран, священен и глубок,
Твой лик — святой аят, а губы — божий слог.

Что в царстве тьмы нашел счастливцев Хызр однажды,
Я на губах твоих найти однажды смог.

О ты, мой сельсебиль, — рай для людей влюбленных,
Твой светлый лик — цветник, твои уста — цветок.

Твои реченья — суть того, что жизнь прекрасна.
Сей мысли жизнь моя и довод и итог.

Скажу: ты — человек, и мне поверят люди.
Сгорит в огне Иблис, когда скажу: ты — бог.

Проснись, аскет, прошли дни злобы и коварства.
Сегодня лишь любовь — всех наших дел исток.

И ты, кто все смешал: безбожие и веру,
Пред милою склонись и дай любви зарок.

Во взгляде милой всех аятов толкованье.
И этим взглядом нам аллах даст урок.

Я дам совет: люби, стань жертвою любимой.
Любовь людей живет, хоть кончен жизни срок.

БОГ ПРЕДО МНОЙ ПРЕДСТАЛ

Любимая моя, в твоих чертах узнал
Я вечности черты, бог предо мной предстал.

В смущеньи пред тобой склонен я, роза рая,
Которую никто покуда не срывал.

Весть о твоей красе распространилась в мире,
И потускнел зуннар и крест святой пропал.

И поняли мы все: твой лик — святая книга,
Которую господь нам с ангелом послал.

Любовь есть тайна; как познает тайну эту
Тот, кто и сам себя покуда не познал?

Мне речь твоя сладка, такую сладкой речью
Лишь праведный Иса когда-то обладал.

Пускай святоша мне любить не запрещает,
Ведь сам аллах любовь нам, людям, даровал.

Что знает о любви аскет благопристойный?
Он не был сам сражен любовью наповал.

Любимой лик — цветник, сокрытый в кустах райских,
Где, словно соловей, дух божий обитал.

Счастливым Насими, аллах тебе соперник.
Любовь и гнев слились, соперник другом стал.

КАК ЖАЛЬ

Как жаль, что на земле у нас друзей немного.
Здесь, на земле, мой друг — лишь ты, о недотрога.

Так осчастливь меня, любимая моя,
Когда ты не со мной, гнетет меня тревога.

Своим кокетством ты разрушила мой дом,
В дому души моей ни крыши, ни порога.

Поспешно дни бегут, не бойся ничего,
Положимся давай с тобой на милость бога.

Я горько слезы лью, болит моя душа,
Лишь от тебя мой свет и от тебя подмога.

Аскет идет в мечеть, не видит ничего,
Другая для него немислима дорога.

А ты, о Насими, лишь о любви поешь,
И пусть тебя за то наказывают строго.

О влекущее слово заветного зова!
Семь да семьдесят букв — твоя суть и основа.

Ты, чьи кудри — сама красота совершенства,
В горных высях паришь у предвечного крова.

Красота твоя — свиток, венец откровенья,
Я прочел в ней создателя вещее слово.

А ресницы и брови — священная книга,
Им молюсь я: избранник не примет иного.

Ты — во всем и повсюду: даруется зренью
Все, что взору откроешь ты снова и снова!

Как дыханье Исы, твоих уст дуновенье,
От него все живое и вечно, и ново.

Красотою ты — гурия райского сада:
Как в зеркале, весь мир в ней предстал без покрова.

О творец! Прям твой стан, как стезя постиженья,
В нем сошлись и предел и начало живого.

Пусть твоя красота — судный день для влюбленных,
Ей душа Насими поклониться готова.

В огне разлуки я горю, я весь сгорел дотла.
Самосожжение мое от твоего чела.

Да не случится никому испить разлуки яд,
Но это горькое питье ты выпить мне дала.

Возникли смуты на земле из-за твоей красоты,
Но тайну взгляда твоего поныне застит мгла.

Я здесь ищу тебя и там начну тебя искать,
А не найду — и жизнь в раю мне будет не мила.

Богатство — прах и власть — ничто, лишь ты — моя казна.
Нужна мне власть, чтобы я мог смотреть, как ты светла.

Бог истины — твое лицо, и бог судил мне смерть,
И как Мансуру, мне петлю моя любовь свила.

И так как коврик для молитв — всего лишь мишура,
Свои ты кудри на зуннар отдать бы мне могла.

О Насими, не быть тому, о чем мечтаешь ты.
Ты не пробьешь себе пути, перед тобой — скала.

ПЕСНЯ ВЕСНЕ

Наступила весна, и с лица Гюлизар приподнялась завеса теней.
Время терний минуло, в бутонах кусты, и сады с каждым днем зеленей.

И, весенним огнем озарен, Гюлистан, как священный Синай, запылал.
Приходи, Моисей, приходи и взгляни на огонь и сиянье ветвей.

Как уста, улыбнулись бутоны вокруг, и неслышно раскрылись цветы.
И в прекрасную розу с приходом весны снова бедный влюблен соловей.

Сколько разных цветов, столько ярких цветов, но под утренним
солнцем они,
Потеряв пестроту, все горят золотым отраженьем небесных лучей.

Напой меня, кравчий, весенним вином, я сребристую деву ищу,
Торжествует цветенье, но нет еще роз на ланитах любимой моей.

Ты послушай: в саду гиацинт и нарцисс шепчут нежно друг другу слова.
Гиацинт и нарцисс знают тайну одну, никому не расскажут о ней.

Если хочешь ты скрытые тайны узнать, если хочешь проникнуть в ничто,
Ароматы цветов пусть расскажут тебе о начале миров и вещей.

Если хочешь, о внемлющий, чтобы сейчас все на свете открылось тебе,
Ты, мелодию взяв, отыщи в глубине все законы движения в ней.

Если ты не немой, гиацинт, приходи, будем рады послушать тебя,
Ты, откуда великое слово взялось, Расскажи, Расскажи нам скорей.

Обратился наш мир в расцветающий рай, ходят райские гурни в нем,
Приделались сады, и раскрылись вчера на деревьях десятки очей.

Ты доволен, что розы покрыли цветник, что жасмины вокруг разрослись?
Оцени этот миг, ибо все пропадет через пять торопящихся дней.

Пусть подобны дыханью Исуса слова, что изрек пред тобой Насими.
Все равно для тебя безразличны они — нету силы у веры твоей.

БЛЕДНЕЛА ПРЕД ТОБОЙ ЛУНА

Бледнела пред тобой луна, ее брала досада,
Она смущалась щек твоих и пламенного взгляда.

Фиалке каждый локон твой уподобляли люди,
А мне внимание их к тебе казалось горше яда.

Хоть кипарисом ты была, но ты плодоносила,
Ты стройным деревом была, не знавшим листопада.

В те дни, когда еще и я не путал дня и ночи,
Смотреть украдкой на тебя — вот что мне было надо.

Зачем ты бросила меня в пучину злой печали,
Ты видела, что я тону, тому ль была ты рада?

Я об одном мечтал — доплыть, склониться пред тобою,
Иная в жизни мне была и не нужна награда.

Твоя любовь, о Насими, всю землю озаряет,
И от светильника любви горит твоя лампада.

ТЫ — МОЯ КААБА

Твой светлый лик — открытый свиток, где святости полно примет.
Не потому ли, о богиня, и стал пророком Мохаммед?

Веленье это и обычай — брести к развалинам Каабы,
И обновляет их — моление, паломнический наш обет.

Я знаю, ты, моя Кааба, непререкаемою властью
Даришь паломникам прощенье и избавление от бед.

Узы твоих волос, как узы, а юное лицо прекрасно,
Как светоч добрых наставлений, что вечный излучает свет.

Твои ланиты — сад Эдема, и весь твой облик — откровенье.
Ты рай и гурия в раю, что стихотворцами воспет.

Из чашечек очей не слезы, а сельсбиль течет прозрачный,
В них, опьяненных, смута есть, и глубина, и страсти бред.

И рот твой сладостный божествен, дыханием Исы он веет,
И страждущего исцеляет — больной отрадою согрет.

В твоих бровях, в твоих ресницах таится мудрость Соломона.
И муравьиное искусство — их точность, тонкости секрет.

Я — аналхаг! — Мансур воскликнул, увидев мускусные пряди,
И вопль его дошел до неба, и на земле его завет.

Ты тем, что лишь тебе присуще, глубины скрытности открыва,
Не возгордись соблазном мира, — пускай хвала или навет.

Твое лицо благословенно, и тот, кто это отвергает,
Жесток, и отпадет от древа господня, как сухая ветвь.

Кокетливая, к Насими ты проявила благосклонность,
И радость ты в него вселила, и радости превыше—нет!

ТЫ — ДЕВА РАЯ

Ты — дева рая, ты — сура корана,
Весь мир — твои ланиты, два тюльпана.

Аллахом надо бы тебя назвать,
Ты человеком названа обманно.

Спросил я: «Сколько стоит прясть твоя?»
Сказали мне: «Она благоуханна».

Сказали мне, что волосы твои
Дороже всех сокровищ Сулеймана.

Ты обликом своим, — сказали мне, —
Милей Иосифа из Ханаана.

Хочу достичь слияния с тобой,
Но это трудно так же, как и странно.

Никто не знает, где спасенья свет.
Смерть явна, а спасение туманно.

И страждет Насими, как Иисус,
И на его ребре зияет рана.

Измен твоих мне ни на миг не надо,
Разлук, когда любовь постиг, не надо.

Тому, кто влаги уст твоих лишился,
Искать живой воды родник не надо.

Скорбь о тебе — моей души властитель,
Одной державе двух владык не надо.

Томишь влюбленных — им и боль во благо:
Лечить от скорби горемык не надо.

Где нет тебя, там вместо роз — колючки,
Мне без тебя роз и гвоздик не надо.

От века я в любви к тебе был верен,
Клятв ни давать, ни рушить вмиг не надо.

Приди, ты — райский сад для всех влюбленных,
А без тебя на что цветник? Не надо.

И в двух мирах, о друг мой милосердный,
Мне никого, коль есть твой лик, не надо.

Испившего нектар свиданья мучить,
Чтоб в душу яд измен проник, не надо.

Мне жить, терпя жестокий гнет разлуки,
Велик ли он, иль невелик, не надо.

Коль не обделишь Насими свиданьем,
Скрываться от него в тайник не надо.

Твой светлый лик — свеча, и, крылья опалив,
Над ней моя душа кружится, все забыв.

Быть может, сам Иса достигнул жизни вечной,
Живительной воды из губ твоих испив.

И этот мир и тот наполнились любовью,
И вышло солнце, все завесы отстранив.

Аскет, он не поймет, что образ твой извечен,
Что средь земных красот лишь облик твой красив.

Свет твоего лица и есть огонь, который
Путь указал Мусе, пустыню озарив.

Без пищи, без воды идти бы мне к Каабе,
Молиться б за тебя, колени преклонив.

Соперник мнит, что я от твоего порога
Далек, что я в любви с тобою несчастлив.

Как о твоей красе мне, Насими, поведать,
Как рассказать о ней, всю боль свою излив.

Поникли небеса, когда в слезах однажды
Я обратился к ним, их о тебе спросив.

СОКРЫЛА ЖЕМЧУГА

Сокрыла жемчуга на дне морском вода.
Души за красотой не видно и следа.

Я знаю: на земле людей, тебе подобных,
Не видел до сих пор никто и никогда.

Все знания о тебе — мое предположение,
Воображение лишь, догадок череда.

Закрой свой чудный лик скорее покрывалом —
Не надо приближать день страшного суда.

Судьба с тобою нас разъединить не может,
В своих мечтах с тобой я всюду и всегда.

Болит моя душа в пустопорожнем теле.
За счастье любви боль — не большая мзда.

Мечтаю я о том, чтоб искры нашей страсти
Мне сердце, как свечу, сжигали б иногда.

О Насими, судьба, твой путь определяя,
Не может вникнуть в суть, и в том твоя беда.

ОГРОМНЕЕ ВСЕГО

Огромнее всего безбрежный океан,
Всех старше на земле родитель наш Адам.

Один мертвец воскрес от сил святого духа,
И звался тот мертвец Иса ибн Марнам.

Известно испокон: сокровищами в мире
Быть суждено отнюдь не всем людским сынам.

А ты стрелу ресниц направь мне прямо в сердце,
Стрела твоих ресниц — для ран моих бальзам.

Любимая грустит и любящий страдает,
Кому из них больней — знать только двум сердцам.

Когда мы влюблены, беда печали нашей
Чрезмерной никогда не будет мниться нам.

Кто понял до конца, сколь милой лик прекрасен,
Тот истинный мудрец, Джемшид он и Рустам.

Свет локонов твоих стал клятвой моею,
Их чистотой клянусь я братьям и друзьям.

Тебе откуда знать о близости Мессии,
Ты милую спроси и верь ее словам.

Был посрамлен Мансур, но он любил и, право,
Грех было горевать о том, что принял срам.

И показалось мне, что пил Земзема влагу,
Когда я, Насими, прильнул к твоим губам.

О ЧЕЛОВЕК, ТЫ ЗНАНИЕМ ВЕЛИК

И син, и ба — для мим благословенье,
Алиф, ха, лам — то знаки единенья.

Чти аррахим и помни аррахман,
Как милости предвечной выраженье.

Дана нам книга. Образ в точке Ба
Её вместился. Помни букв значенье.

Умм-уль-Китаб, аль-фатиха — начало
Священное, и в этом суть творенья.

Будь сведущ в рознях всяких дел мирских, —
Те розни неотъемлемы с рожденья.

В душе есть форма, содержанье есть,
И это содержанье — облаченье,

Оно — душа для формы, так познай
Как сладок сей шербет, не знай сомненья.

О посмотри, так сложен тот устад,
Что к мудрости приводит с ним общенье.

Начала всех вещей едина суть —
Не двойственность и не отъединенье.

Знать и творить — пророческая статья,
И таково единобожцев мнение.

О Человек, ты знанием велик,
Все остальное — дэвов исступленье.

Для человека речь его и слух —
Завоеванье, счастья изверженье.

Пылает вешним солнцем Насими —
К его лучам идут на поклоненье!

ПУСТЬ НЕБО НЕ СОЧТЕТ ГРЕХОМ

Мы на ристалище любви с тобой, любимая, вдвоем,
Арканом локонов тугих сердца хмельные обовьем.

Ты серебристою рукой разгорячила кровь мою,
И обнаженная душа блаженным вспыхнула огнем.

Кто в этом мире не любил и боль разлуки не постиг,
Тот исцеленья не найдет от одиночества ни в чем.

О тайне локонов густых спроси меня, сухой аскет,
Тебя возьмет в мгновенный плен кудрей благоуханный сонм.

Тот страстотерпец, кто себя приносит на алтарь любви.
Пусть небо не сочтет любовь ни святотатством, ни грехом.

Приподними свою вуаль, яви мне розовость ланит.
Чуть приоткроется бутон — я угадаю розу в нем.

В саду девичьей красоты нарциссы юных глаз цветут,
Но я к единственным глазам чудесной силою влеком.

Я по дешевке продал рай с его загробной красотой,
Подруги зубы и уста дороже в мире мне земном.

Уста — рубины и коралл, а зубы — перлов ровный ряд.
Блажен, кто жемчуг и коралл сумел найти на дне морском.

Ресницы — стрелы, и они сердца без промаха разят,
Бровь — шахский лук, он выгнут был с непревзойденным мастерством.

О Насими, коль мысль твоя не бесконечно глубока,
Так почему же смысл ее не понят ни одним умом?

ПУСТЬ ПЛОТЬ МОЯ СГОРИТ

Пусть плоть моя сгорит, мой дух исчезнет бренный,
Останется любовь в моей душе смятенной.

За то, чтобы хоть раз узреть твой светлый лик,
Готов я сжечь себя, весь мир благословенный.

Приблизь же судный день, снимь покров с лица,
Как руту, землю пусть сожжет твой огонь мгновенный.

Будь обвинителем, в огне своей любви
Сожги сомнений пыль, грязь суеты презренной.

И словно мотылька, огнем любви своей
Спали на свете все, не пожалей вселенной.

Не слава нам нужна для истинной любви,
Сожги скорее все приметы славы тленной.

Коль в жилах у меня еще осталась кровь,
Всю кровь мою сожги в своей любви священной.

Все жги и только глаз ты не сжигай моих,
Чтоб мог я слезы лить в печали ночью-денной.

КОГДА ТВОЕ ЛИЦО

Когда твое лицо над миром засветилось,
От красоты его земля преобразилась.

И тело от греха очистилось мое,
Моя душа одной тобою опьянилась.

И ангел, что ведет счет нашим всем грехам,
Был покорен тобой, душа его смутилась.

Из-за твоих ресниц и завитков волос
Движение часов и дней остановилось.

Лишь слово мне скажи, хоть упрекни меня,
Чтобы душа твоим упреком озарилась.

Две буквы «каф» и «нун» — знак красоты твоей.
Она, как дар небес, на землю к нам спустилась,

Все отняла у нас: и веру, и закон,
И страшный суд настал и смута пробудилась.

За легкий твой пушок над верхнею губой
Вся грешная земля покоем поплатилась.

И те, кто воскрешен прохладой губ твоих,
Считают, что молва о чуде подтвердилась.

Увидев локон твой и родинку твою,
Я понял: предо мной дверь истины открылась.

Хоть счетом добрых дел я четки перебрал,
Но все: добро и зло перед тобой сместилось.

И ныне Насими слиянием с тобой
По праву заслужил и божий гнев и милость.

ТАИТСЯ...

Твой лик восходит, словно солнце, в нем дивный свет, взглядишь, таится.
И в нежном лотосе намеки на стройный кипарис таится.

О, нежные черты лица, в них торжество и откровенье,
И тайна бытия, и все, чем благодатна жизнь, таится.

У милосердного престола всевышнего испил я чашу
Познания, а в ней — и чудо, отгадка, глубь и высь таится.

И как Муса, испепелен я разлукою необоримой,
А тут еще одна разлука, кровавая, как рысь, таится.

Жемчужину я воспеваю, и плачу, и плачу страданьем —
В слезинке каждой — океан громадный, шторм и бриз таится.

Не рассыпай волос по лику — вблизи бессовестный шиповник, —
В их черноте и святотатство, и бог, и святость риз таится.

Твой рот — багряное вино, а очерк губ неподражаем.
Из уст твоих живую воду пьет Хызр, — источник чист, таится.

Из-за тебя я изнурился душой и телом, Насими,
Но лишь в тебе мое лекарство, о, только не сердись, таится!

ХАНЖА ХОТЬ И СТУПИЛ

Ханжа хоть и ступил на путь единобожья,
Но все же не постиг он истины неложной.

Хоть в Мекке он бывал, святой свершая хадж;
И праведником был всегда он осторожным,

И толковал всю жизнь об этом и о том,
Но скудной мысль была, а речь пустопорожней.

Когда увидел вдруг он чудо красоты,
Крик из его груди не вырвался истошный.

Кто истину постиг, тот вечно будет жить.
Кто б ни был он — султан или нукер ничтожный.

Напиток истины испивший до конца
Всегда находит путь единственно возможный.

Кто праведником был, тот не умрет вовек,
Переживет земной конец свой непреложный.

Чтоб праведником быть, будь праведен всегда,
Хоть праведности путь порой безмерно сложный.

Ты цели, Насими, достигнешь жизнью всей,
А не одним своим влеченьем ненадежным.

ВЕДЕТСЯ О ТЕБЕ
ТАК МНОГО РАЗГОВОРОВ

Ведется о тебе так много разговоров,
Что вышли и канжи прочь из своих затворов.

И озарили вдруг Синай моей души
Свет твоего лица, сиянье жгучих взоров.

И раны глубоки, и кровь моя течет,
Не надо нам с тобой вести напрасных споров.

Ты обожгла меня огнем своих волос,
Ты ранила меня мечом своих укоров.

Мне снится образ твой, тогда моя душа
Из тела прочь летит, ища иных просторов.

Твои уста — свирель, стан — сахарный тростник.
Без них на свете нет у Насими опоры.

СКОЛЬКО СЛЕЗ
ИЗ ОЧЕЙ ПРОЛИЛОСЬ...

Сколь чудесна на свете твоя красота.
Высь предвечного трона — ее высота,

И ничто не сравнится с твоею красой.
Благо всех добродетелей ей не чета.

В буквах — смысл и основа всей сути твоей,
Сонм имен твоей сущности дан неспроста.

Чудный лик твой — на пиршестве вечности хмель:
Всех пьянит его влага, хмельна и густа.

Страсть к очам твоим может ли врач исцелить?
Лишь нектара свидания жаждут уста.

Страсть и мудрость врубил я в скрижаль бытия,
Что за сила, творец, в сотворенье влита!

Восходящее солнце — прекрасный твой лик,
Вечным светочем блещет твоя чистота.

О творец, что за чудо венеч твоих кос,
Красота твоя светом лучей залита.

Благовонным кудрям твоим сила дана:
Сонму пленных погибельна их чернота.

Сколько слез из очей Насими пролилось,
Россыпь перлов их, как океан, разлита!

Что делать? Сердце полюбило, и без любви оно — пустырь.
Любовь — моя судьба благая, тюремщик мой и поводырь.

Я мускусом волос опутан, и, как Меджнун, я обезумел,
Мне эти локоны, как цепи, и без цепей я наг и сир.

Мы рождены от «ба» и «лам», или от губ твоих, о кравчий.
Любовь с рождения до смерти — кормилица и наш кумир.

Как мне в мишень не превратиться, когда стрела — твоя ресница, —
Рази стрелою исцеленья, чтоб залил рану эликсир.

Узнать ты хочешь цену снега или смолы? Тогда запомни:
Снег обернулся камфарою, смола — как амбра и имбирь.

Спроси у лживого аскета о воздержанье и зароке —
Мюридами любви мы стали, и вечная любовь — наш пир.

При виде глаз, подобных цвету вина, отшельники стыдятся
И собственного лицемерья, осведомлен об этом мир.

В стране подвижников любви прославлена ты красотой,
И мы подчинены той власти, ты наш султан и наш эмир.

О спящих отроках спроси того, кто видел лик Синая,
Там, на горе Синай, пещера, и там находится Китмир.

Мы в эти кудри-гвацинты влюбились по уши, что делать?
Мы ценим красоту лица, а кто-то — шелк или кашмир.

Я говорю, что лик ее — коран, и это — несомненно,
Кто сомневается — пуекай. Но в это верит Насими.

Где ты, желанная моя, ты душу мне зажгла, где ты?
Ты свет очей, ты в двух мирах богатство мне дала, где ты?

О ты, чья сладость губ вдвойне приятнее вина, приди,
Себя не видел я, мне кровь все сердце залила, где ты?

О ты, как роза, нежный друг, с глазами, как нарцисс, приди.
Ты мне разлукой, как шипом, все тело порвала, где ты?

О, где спокойствие мое, о, где терпение мое?
Любовь разрушила покой, терпение сожгла, где ты?

Я в щит тобою превращен, от стрел, упреков защищен,
С бровей и глаз ты до сих пор забрала не сняла, где ты?

Я мотылек, но не могу сгореть от лика твоего.
Огонь мой, свет мой, я умру без света и тепла, где ты?

Других друзей не надо мне, когда я от тебя вдали.
О ты, что красотой своей всех в мире превзошла, где ты?

Где ты, земной и неземной, о где ты, храбрый всадник мой?
Разлуки горькая стрела мне прямо в грудь вошла, где ты?

Дал тайну бытия аллах в залог твоим кудрям, скажи,
Мой ростовщик, ты никому залог не отдала, где ты?

Ты мускус для своих волос себе в Татарию нашла,
Благоуханием кудрей меня ты в плен взяла, где ты?

С рассветом посылай ко мне душистый запах кос твоих.
Я в нетерпении жду. Меня ты со свету сжила, где ты?

Похмелье вечное мое, с тобой вдвоем на что нам рай?
Ты мой нектар, ты вручена мне с райского стола, где ты?

Со всеми дивами вражду затеял я из-за тебя.
Ты мне границей была, ты крепостью была, где ты?

Сегодня будет Насими властителем своей любви.
О ты, что счастье и любовь одна мне дать смогла, где ты?

КОЛЬ НЕТ ТЕБЯ СО МНОЙ

Коль нет тебя со мной, всего лишь тень я.
Жизнь без тебя — страданье и сомненье.

Дыханьем бога порожден Иса,
И вновь грядет в сей мир его явленье.

Во тьме волос мелькает светлый лик.
Так день и ночь вершат круговращенье.

Зачем же мне идти в Бейт-уль-Харам,
Кааба ты моя, в том нет сомненья.

Любовь к тебе — мучение мое.
Для любящих всегда любовь — мученье.

И все ж я оба мира не отдам
За боль свою, за это наважденье.

Я, Насими, одной тобой богат.
Любить тебя — мое предназначенье.

СОБЛАЗН ТВОИХ КРАСОТ

Соблазн твоих красот взял оба мира в плен,
Мгновенно превратив все наши тайны в тлен.

Нет вне тебя души и мирозданья нету,
Ты — мой подзвездный мир, и он благословен.

Сладчайшие твои уста — источник жизни.
Узнавший это — мудр, вкусивший их — блажен.

Как долго я мечтал заветных уст коснуться,
Я жизнь готов отдать за поцелуй взамен.

За поцелуй один не пожалею крови,
Пусть кровь моя течет, пусть вытечет из вен.

Я жажду перемен, чтоб быть с тобой нам вместе,
Мне никаких других не надо перемен.

Ко страшному суду и к светопреставленью
Ты приближаешь мир чредой своих измен.

Я, Насими, всесущ, нет у меня жилища,
Лишь истина — мой дом, надежней нету стен.

КОГДА БЫ НЕ ЛАНИТ ТВОИХ АТЛАС

Когда бы не ланит твоих атлас,
Луна угасла б, солнца свет угас.

Ты столь добра, мудра, сладкоречива,
Что я смолкаю пред тобой тотчас.

Перед тобой открыты оба мира,
Все то, что спрятано от наших глаз.

Тот, кто к твоим стопам припасть захочет,
Лишиться должен головы в свой час.

«Мы поклялись» — начертано в коране.
Так что же пожелать тебе сейчас?

Твой аромат распространился в мире,
И он мужей любви наполнил, нас.

С тех пор, как Насими тебя увидел,
Пред ним создатель представал не раз.

НУЖЕН

Чтоб увидеть тебя, мне знак неживый нужен,
Чтоб тайну толковать, благочестивый нужен.

Чтобы явилась ты кому-то, как Муса,
И посох, и Синай, и огонь счастливый нужен.

Пленяет в мире всех дыхание твое,
Аскету, и тому твой лик красивый нужен.

Незрячему вовек не увидеть тебя.
Чтоб видеть, и в раю взгляд прозорливый нужен.

Не ведать людям злым достоинства твои.
Чтобы тебя узнать, нрав негневлимый нужен.

Чтоб мог я, Насими, увидеться с тобой,
Мне от тебя привет хоть молчаливый нужен.

ТОБОЙ, КАК СВЕТОМ ЗВЕЗД

Тобой, как светом звезд или луны,
И этот мир, и тот озарены.

Ты — толкованье истины, которым
Страницы книг святых объяснены.

Ты в войско родинки соединила,
Чтоб не были никем поражены.

Твой стан похож на лотос, пред которым
Все кипарисы мира склонены.

Твои семь линий рай образовали,
И все ступени рая мне видны.

Из дум моих твой образ не выходит,
Наполнив все: и явь мою и сны.

И кто достиг, подобно Хызру, цели,
И те в своих пристрастиях не вольны.

Все эти годы, как зеницу ока,
Тебя берег я, нет на мне вины.

И озаренный светом Фазлуллаха,
Предстал пред ним я с лучшей стороны.

Я НАХОЖУСЬ...

Взгляни, как тягостна разлука, в каком огне я нахожусь,
Среди шипов — других да минет боль, что во мне — я нахожусь.

Так алых губ твоих я жажду, так источен я расставаньем,
Что, одурманенный вином, на самом дне я нахожусь.

Твой образ днем и ночью вижу и волосы перебираю,
По ним отсчитываю время — как бы во сне я нахожусь.

Чтоб оттенить свое покорство, агат и жемчуг расточаю,
И в расточительстве прекрасном, в разлуке с ней я нахожусь.

Всего прекрасного шахиня, о снизойди, и дай мне руку —
Я среди змей и скорпионов, и в западне я нахожусь.

Моя перь, то я захлестнута ночным потоком черных прядей,
То близ мерцающего лика, как в светлом дне, я нахожусь.

С тех пор, как в дрогнувшее сердце аркан твоих волос заброшен,
Я словно в Руме или Китае — в чужой стране я нахожусь.

Во мне глубоко отпечатан твой образ и изображение —
Средь образов, изображений, средь их теней я нахожусь.

О Насими, отдай ты душу божественности Фазлуллаха.
И вправду, не в ее цепях, а в вышине я нахожусь!

ОТ РАН ЛЮБВИ ЛЕЧЕНЬЯ ЛЮДЯМ НЕТ

От ран любви леченья людям нет,
Как нету снадобья от многих бед.

Не требуй верности земной любимой,
Хоть верности она дала обет.

И даже если сам ты веришь в бога,
Не требуй, чтобы верил и сосед.

В несправедливом этом мраке мира
Не ожидай, чтобы зажегся свет.

Ты высшего сиянья не увидишь,
Пока не ведаешь его примет.

Ты вороном не будь, не будь керкесом,
Что мертвечины ищет на обед.

О Насими, все в этом мире тленно,
Все изменяется с теченьем лет.

Коль свет увидел ты, огня не требуй
И будь готов за все держать ответ.

Я ИСТИНУ УЗРЕЛ

Я истину узрел, пройдя через страдания,
Я истину постиг и жажду с ней слиянья.

Вы об огне Мусы спросите у меня,
Поскольку я и есть того огня мерцанье.

Я истину познал и понял: «Я есть бог».
И в этом убедаясь, я не храню молчанья.

Вершите с той поры вы именем моим
Мольбу и похвалу, упрек и порицанье.

Я постоянно пьян, но пьян не от вина.
Я пью вино любви и пью вино познания.

Я сладко опьянен видением тебя,
Когда приходишь ты на тайное свиданье.

И расцветаю я, как в цветнике цветок,
В себе преодолев начало увяданья.

И думаю порой, что москательщик я,
Вдыхая грудью всей твоё благоуханье.

Мне красота твоя сияет так во тьме,
Что сам я становлюсь лучом того сиянья.

В хмельных твоих глазах сливается в одно:
И хмель моей любви и трезвость покаянья.

Раскрылась тайна мне: я твой увидел лик.
Сокровищем я стал, постиг я мирозданье.

Я волен был всегда, не гнулся ни пред кем,
Но в кабалу к тебе попал я в наказанье.

С тех пор, как, Насими, увидел я тебя,
Я сам себе постыл, и нет мне оправданья.

ТВОЙ ОБРАЗ

Твой образ вдруг обрел дар речи, дар мгновенный,
И все узнали вдруг суть мысли сокровенной.

Узнали мы, что «каф» и «нун» в твоих кудрях,
И что они — и свет, и знаменье вселенной.

Со сладких уст твоих стекает сладость слов,
И хызрова вода в той речи изреченной.

Из совершенных дев, похожих на тебя,
Не приходил никто в наш мир несовершенный.

В первоначальный день солнцеподобный лик
Оставил вечный след в юдоли этой бренной.

Кровь сердца моего из глаз моих течет.
Стал целью для твоих ресниц я, убиенный.

И над тобой Симург вскружил, как над горой,
Прославленной в веках и Кафом нареченной.

Увидя, как во сне, твой лучезарный лик,
Сказал: «Не может быть», — гляур непросвещенный.

Я ж твой увидел лик и стал твоим рабом,
И стало для меня мое ярмо священным.

НЕ СТАЛ

Кто жертвой красоты твоей не стал,
Тот ни счастливей, ни сильнее не стал.

С пути любви сошедший, ни безгрешным,
Ни суфием, что всех святей, не стал.

Тебя хваля, я сам хвалы достоин,
Хоть от того тебе милей не стал.

Кто сути не познал и славы божьей,
Тот самым славным из людей не стал.

Любимым власть дана, влюбленным — счастье,
Никто счастлив вне власти сей не стал.

В разлуке мы с тобой, и я счастливым
От памяти счастливых дней не стал.

О, если б ты пришла — такого чуда
Свидетелем я, чудодей, не стал.

Айят: «Мое мученье безгранично»
За дни разлуки мне ясней не стал.

Единым и соединенным с богом
Я, Насими, в тоске своей не стал.

КТО ИСТИНУ ПОСТИГ

Кто истину постиг, тот понял без труда:
Любовь для смертных нас вонистину беда.

Наукой никакой любовь нельзя измерить,
И все ж любовь господь нам ниспослал сюда.

Любовь внушила мне та вечная шахиня,
Что будет в двух мирах жить и любить всегда.

Вино и молоко из уст ее струятся,
И это мне питье, что хызрова вода.

Из дружественных рук испей напиток горький,
Из рук врага не пей и меда никогда.

Что ж, если, полюбив, ты испытал страданье,
Страданье за любовь — не столь большая мзда.

Любя, и Насими познал печаль и горе,
И все ж его душа любовию горда.

И АНГЕЛЫ ПОКОРЕННЫ

И ангелы покорены красотой твоих красот.
От восхищения тобой в движеньи небосвод.

Тебя любить, с тобою быть, чтоб слиться нам в одно,
Как я хотел, как я мечтал, все думал: повезет.

Но не случается ни с кем то, что не суждено,
Был равнодушья твоего чрезмерно крепок лед.

Мне остается слезы лить, теперь мне все равно.
Таков влюбленного удел, он вечно слезы льет.

Я — жалкий раб, ты — мой султан, и право же смешно,
Что на меня, раба, хулу твой источает рот.

В потоке горьких слез своих плыву я, и на дно
Меня печали тяжкий груз безудержно влечет.

О Насими, тебе — конец, он предрешен давно,
Зачем с неверной ешь ты хлеб и терпишь вечный гнет?

РАЗГРАБИЛИ ТВОИ ГЛАЗА

Разграбили твои глаза, о недотрога, —
Богатства все мое, хотя его немного.

Я вижу: светлый лик и волосы твои
Озарены луной, как в час ночной дорога.

Что кипарис земной, что райская туба?
Я знаю: в двух мирах лишь ты — моя подмога.

В тебя влюбленный, я пью крепкое вино,
Хоть крепкое вино пить запрещают строго.

Жемчуг твоих зубов во взгляде у меня,
Так в море он попал от твоего порога.

Объяла мир вражда из-за волос твоих,
Из-за твоей красоты вселилась в нас тревога.

Я людям и тебе твержу, что я есть бог.
Мне говорят ханжи: «Нет бога кроме бога».

Несчастный Насими стал жертвою твоей,
Но все ж пока еще он не подвел итога.

СРЕДЬ МНОГИХ ЛИЦ ЛЮДСКИХ

Средь многих лиц людских твое лицо одно
Сияньем неземным всегда озарено.

Пусть красота твоя пребудет в мире вечно,
Твое лицо людских изъянов лишено.

Что следствия искать, когда важны причины.
Явлений суть познай, в ней все заключено.

Вино и сладкий мед обещаны нам богом.
Лишь на твоих губах и сладость и вино.

Твое вино — питье, ниспосланное богом,
Средь многих вин земных прекрасно лишь оно.

Для душ людских любовь — вот средство очищенья,
А сердце без любви, как уголья, черно.

Стремясь достичь тебя, отрекся я от мира.
Есть он иль нет его — теперь мне все равно.

Я знаю, ты — душа, а мир — всего лишь тело.
Быть телу без души живым не суждено.

Благодаря тебе я вижу солнце в небе,
Куда оно твоей красотой вознесено.

Влюбленный Насими, от суетного мира,
Сам вездесущим став, отрекся я давно.

ИСЧЕЗЛА ТЬМА

Исчезла тьма неверья и сомненья,
Преобразило мир твое явление.

И ожили частицы всех вещей,
И вещи душу обрели в мгновенье.

Воскресло все, что отжило свой век,
И подтвердилось чудо воскрешенья.

Под лучезарным взглядом глаз твоих
Затихло в мире зло и подозренье.

И тот, кто был благословлен тобой,
От неба обретал благословенье.

Ты, в мир придя, нам подарила свет,
Способность тайн сокрытых постиженья.

И божье слово ясно стало нам:
Ты людям даровала озаренье.

Твой лик прекрасный — наш святой коран,
И ты его нам принесла в даренье.

И семь айятов красоты твоей
Нам объяснили многие виденья.

Соединенье наших душ с твоей
Прогнало прочь тревоги и сомненья.

Я понял в озареньи: это ты
Сказала «будь» за миг до сотворенья.

КАК ПТИЦА

Как птица, что одна в развалинах живет,
Кукую я весь день, весь вечер напролет.

На милую свой взгляд с шести сторон я бросил,
И ослепил меня огонь ее красот.

Я — тот влюбленный раб, кто падает пред милой,
Кто прахом ног ее свой лоб и щеки трет.

Что я перед ее сияньем луноликим,
Когда луна и та в печали слезы льет?

Был и покой и мир всегда в земных пределах,
Но черные войска вдруг поднялись в поход.

Из-за ее красоты судьба моя печальна,
Хвала ее красе, что жить мне не дает.

Как колесо судьбы, вокруг нее кружу я,
Неистово молюсь и верю — все пройдет.

О суфий, облик твой распространяет укус,
А мысль о милой мне сладчайший дарит мед.

Брось четки, и коран, и коврик для моления,
Молитва «аналхаг» в ее кудрях живет.

Несчастный Насими, все я забыл, все бросил.
Луна ее бровей меня к себе влечет.

Приди, внимли, я повторяю снова:
Есть в слове знак начала неземного.

Со всех шести сторон взгляни на мир,
Лишь слово — мира нашего основа.

Меж речью и произносящим речь
По сути нет различья никакого.

Пророк сказал, что сердце — это трон.
Но слово — вот его первооснова.

Дарящий дарит речь без платы нам,
И нету ничего прекрасней слова.

Все — слово: и начало, и конец,
Земля и твердь, свобода и оковы.

В основе всей вселенной «каф» и «нун»,
Лишь знак и слово — ничего иного.

Был чист Иса и праведен Ахмед,
И было слово их надежней крова.

Ты слово «Книги Вечности» познай,
Пойми, где слово добро, где сурово.

Где бы ни слышал слово, отличай
Ты слово доброе от слова злого.

Сам, Насими, не будь валеречив,
Пусть слово будет кратко, мудро, ново.

О, волосы твои, как амбра, и в их тени плывет луна,
Всевышний, что за гиацинты! Какая тень луне дана!

Творец не в силах повторить прекрасных черт очарованье.
Твоей великой красотой краса времен завершена.

О гурия, суфий стремится достичь высот твоих бровей,
До них дотянется не каждый — тут глубина ума нужна.

Твой лик — аш-шамс, йа-син, а как та-ха твои ресницы,
Душа — воскресшему в скитаньях и вознесению равна.

И несравненное лицо сравню я с именами бога,
Они воистину волшебны, те образы и имена.

С тобой свиданье равноценно находке жемчуга в глубинах,
Но раковину тот отыщет, кого не устршит волна.

О древо рая, поклонись той, что подобна кипарису,
Не таково ль веленье свыше — склонись пред той, что так стройна.

Захид, зачем ты должен видеть ее рассыпанные косы?
Не ввязывайся в это дело — недостижима она.

Кто волосы твои увидит, немедля обретет бессмертье,
Когда тобою, базиликом, вся суть его покорена.

Нарциссы глаз твоих сверкают, и грабят, и ума лишают.
Так, где б монгол ни появился, везде грабеж или война.

О покорившийся, воочью узри сегодня лик любимой,
А я, увы, с пути я сбился, и мой удел — печаль одна.

Я, Насими, тебя обретший, от двух миров уединился.
Душа, от поисков устав, единством сущего полна!

От алых губ твоих исходит благодать.
Так твой сияет лик, как солнцу не сиять.

От твоего лица полуденное солнце
Займствует свой свет, чтоб над землей блистать.

Кто взглянет на тебя, сгорит в любви, но лучше
Нам от любви сгореть, чем от тоски увянуть.

Твой стан — чудесный ствол, чьим маслом благовонным
Нам подобает всем светильники питать.

Из рук твоей любви взять и пригубить чашу
И пасть к твоим ногам — вот мне о чем мечтать.

Кто левое свое на правое меняет?
Мне ж нечего менять и не на что менять.

В твоих сетях моя душа, как птица, бьется,
Освободится вдруг и попадет опять.

Твой каждый завиток струит благоуханье,
Но Насими его не суждено вдыхать.

С твоим изяществом луна свершает кругооборот,
Всевышний щедро одарил тебя, о красота красот.

Возлюбленная, так я жажду к твоим рубинам прикоснуться,
Да только попусту мечтаю, и сердце зря отрады ждет.

Уж если крови возжелали моей — твои рубины-губы,
Так почему же встреча с ними запрещена мне наперед?

Никто не видел, чтобы утро и вечер приходили вместе,
Но белый лик и мускус прядей, клянусь, — совместный их приход.

Тебе покорствуется Юпитер, твои рабы — луна и солнце,
Ты так стройна, что кипарис перед тобою стан согнет.

О, как ты опьянять умеешь коварством глаз своих глубоких!
Кто пьет вино опять и снова — о чаше не забудет тот.

Коль спросите у Насими вы о губах ее, рубинах,
Он будет краток — не затем ли, что слов-жемчужин не найдет!

Прекрасно все в тебе: и лик, и стан, и плечи.
Моя душа с одной тобою жаждет встречи.

Дай сладость мне испить из сладких уст твоих.
Душа моя горит, и пламень бесконечен.

Я не могу смотреть на звезды, на луну,
Чей свет твоей красою навеки обесцвечен.

О милая моя, не надо, не гляди
На тех неверных, чей грехами путь отмечен.

Пред амброю твоих струящихся волос
И мускус дорогой отнюдь не безупречен.

Пред светом глаз твоих, перед сияньем щек
Ничтожен солнца свет: он слаб и быстротечен.

Не сладок сахар мне, не сладок свежий мед
При мысли о твоей сладчайшей в мире речи.

Мечтает Насими пожертвовать собой.
Извечен путь любви, путь к совершенству вечен.

УТРАТИЛ ДУШУ

Утратил душу я, согнулся я дугой,
Стал полумесяцем из-за луны ночной.

Ты веры не скрывай, ведь даже иноверец
Не веру осквернять приходит в край чужой.

Любимых милость нам порой бывает мукой,
А я тебя молю о милости такой.

Находим жемчуг там мы, где бывает жемчуг.
В жемчужной глубине искал я жемчуг свой.

Я в океан нырнул за жемчугом прекрасным,
А не за пустяком — жемчужницей пустой.

Ты — хызрова вода, мне в царство тьмы не надо
Идти, чтоб отыскать глоток воды живой.

Хоть крови ты моей и пролила немало,
Не требую с тебя я платы никакой.

Я — Насими, мой путь начертан Фаздуллахом,
Каким бы ни был мир, но путь прекрасен мой.

СКРЫТО

Во тьме волос твоих луны мерцанье скрыто,
В густых кудрях твоих благоуханье скрыто.

В расположеньи черт, в сияньи глаз твоих
Первейшая из глав глава писанья скрыта.

В изгибе алых губ, в румянце нежных щек
О чуде бытия напоминанье скрыто.

Свет истины в тебе не видит лишь слепец,
А я постиг: в тебе ее сиянье скрыто.

Стрела твоих ресниц попала в сердце мне,
А в сердце у меня давно страданье скрыто.

Не знает врач пути леченья моего,
Внутри меня болезнь и увяданье скрыто.

Обращены к тебе моления Насими,
И скрыт зарок в мольбе и обещанье скрыто.

ДУША МОЯ БОЛИТ

Душа моя болит и сердце смущено.
Я сам не знаю, чем оно омрачено.

Я у тебя в глазах читаю лишь коварство,
Коварства твоего постичь мне не дано.

Ты цену губ своих не спрашивай у скряги,
Я заплатить душой готов, мне все равно.

Меня лишь тот поймет, кто сам любил однажды,
Мучение мое всем остальным смешно.

Я родинок твоих не мог постигнуть тайны,
Но родинок твоих я жертвой стал давно.

А впрочем, красота не терпит толкованья,
Пусть будет в красоте не все объяснено.

Как речь твоя сладка, той речью сладкозвучной
И сахар, и шараб, и все — посрамлено.

На солнце не глядят незащищенным взглядом,
Я на тебя смотрю — все предо мной темно.

Что солнце, что луна? Ведь ни луной, ни солнцем,
А истиной твое лицо озарено.

По правилам любви людей, в тебя влюбленных,
Дозволено терзать, но убивать грешно.

И, обретя тебя, я, Насими несчастный,
Снял и атлас и шелк, чтобы надеть рядно.

ТЕНЬ ОТ ТВОИХ ВОЛОС

Тень от твоих волос на небосвод легла,
От родинки твоей распалась ночи мгла.

В развалины мое ты сердце превратила,
В развалинах любовь убежище нашла.

Для любящих сердец печаль любви — лекарство.
Оставьте мне печаль, печаль моя светла.

Чернеет иногда неверие над верой,
Как чернота волос вокруг твоего чела.

С пунцовых губ твоих речь сладостная льется,
И хызрова вода столь сладкой не была.

Я на твоем лице узрел сиянье божье,
Постиг я тайны суть, исток добра и зла.

О Насими, своей любви ты будешь верен,
Хотя твоя любовь сожгла тебя дотла.

НЕ НАЙТИ

О, сердце сгорело от мук — любимой моей не найти.
А где не искало оно — где даже людей не найти.

Слывавших друзьями не счесть, да только все это обман:
Пора испытанья придет — и верных друзей не найти.

От века уж так повелось: любимому сердце отдай,
А сердце погибнет — того, кто сердцу милей, — не найти.

И сколько рядилось врагов, чтоб веру ислама сломить,
Да только — где крест и зуннар? О них и вестей не найти.

Бездарным радует родня — чины и места захватить,
А умным ни мест, ни чинов — хоть все разумей! — не найти.

На каждом — халат и чалма, а что под чалмою найдешь?
Средь тысяч голов ни одной достойной под ней не найти.

Напрасно изменчивый рок невежд и глупцов возлюбил:
Ведь спроса на куплю невежд и глупых затей не найти.

Где воры украли добро и дочиста все увезли,
Там тех, кто стерег караван, — и думать не смей! — не найти.

Мужайся, все муки стерпи, в страданиях выносливым будь:
Желаний — всем мукам взамен и добрых страстей — не найти.

Лишь хитрым на свете дано торговлей достаток снискать,
А мужу науки вовек к богатству путей не найти.

Как мало, как мало друзей, как много жестоких врагов.
А зодчего — сердцу помочь, чтоб стало прочней, — не найти.

Смирись и молчи, Насими, сокровищ души не раздай:
На свете — достойных любви, хоть сердце разбей, — не найти!

НЕ ВЕЧЕН ДАЖЕ ТОТ

Не вечен даже тот из нас, людей,
Кто не предвидит гибели своей.

Кто хочет отыскать коралл и жемчуг,
Пускай в морскую глубь нырнет скорей.

Откуда знает про источник Хызра
Тот, кто себе в пример берет зверей.

И пусть мечтает о султанском троне
Тот, кто себя считает всех святей,

А Насими живет и жаждет веры,
А вера — красота твоих кудрей.

РАЗЛУКОЮ С ТОБОЙ

Разлукою с тобой душа моя объята.
Мученье я терплю, но эта мука свята.

Не причиняй мне боль, не оставляй меня.
Коль нет тебя, зачем мне серебро и золото?

Я вовсе не ищу блаженства в мире том,
Разлуки нашей боль — туда входная плата.

Как лотос, ты стройна, и ты — в глазах моих,
А лотоса в воде отображение свято.

Разлуки нашей боль взметнула ввысь мой дух
И унесла туда, откуда нет возврата.

Пусть разлучивший нас сам испытает зло,
Поскольку зло всегда расплатою чревато.

Пусть разлучили нас, но вместе мы всегда,
Хоть, может быть, я здесь, а ты ушла куда-то.

За встречи нашей миг я все готов отдать,
Чтоб я ни потерял — не велика утрата.

Попала в плен твоих кудрей моя душа,
Она в раю, и тем душа моя богата.

Ты знаешь, Насими, подвержены мы здесь
Соблазну райских рощ, где будем мы когда-то.

Рубины губ твоих своей душой назвал,
Источком жизни я твой лик святой назвал.

Несешь ты жизни свет, кто не согласен с этим,
Того, не побоясь, я сатаной назвал.

Твой лучезарный взгляд похож на книгу судеб,
Я вечным светом взгляд прекрасный твой назвал.

Любимые глаза назвал я райским садом,
Тюльпаны щек твоих его красой назвал.

Ты сладостней всего, твой образ всех прекрасней,
Я чудный образ твой святой кыблой назвал.

Так бог тебя назвал, а я лишь повторяю,
Кто возражал, того я тварью злой назвал.

Тебя назвал цветком, рубином бадахшанским,
Несбыточной тебя своей мечтой назвал.

Ты — райский мой цветник, кто упрекнет, кто скажет,
Что райским цветником я сад глухой назвал?

Цена твоим кудрям — все царство Сулеймана,
И эту цену я б не столь большой назвал.

Я, Насими, иду дорогой Фазлуллаха,
Султаном я его, своей судьбой назвал.

От горя я бальзам в твоих глазах нашел,
Живую воду я в своих слезах нашел.

Одновременно я неверие и веру
Нашел в твоих устах, в твоих кудрях нашел.

Чтобы запрячь клад твоей красоты, я место
В развалинах души, в моих стихах нашел.

Зачем грядущий рай? Я рай обрел сегодня,
Когда от ног твоих у двери прах нашел.

Что в небесах луна? Я лунное сиянье
На грешной сей земле, не в облаках нашел.

Нашел я утра свет, свет ночи в полнолунье,
Я знаменье свое в твоих лучах нашел.

С чем мне сравнить твой лик, твои ресницы, брови?
Я алкоран святой в твоих чертах нашел.

Тому, что человек — частица сути божьей,
Я доказательство в твоих словах нашел.

О ты, чей лик — кыбла, михраб — глаза и брови,
Я жертву для тебя в людских сердцах нашел.

Вчера я был с тобой; в глазах твоих любимых
Я видел лишь покой из черт необъяснимых.

Являла ты покой, хотя в кудрях твоих
Обрел конец Мансур и сто других казнимых.

И все твои черты Мессией счесть готов
Любой из нас, твоих возлюбленных незримых.

И на твоем челе начертаны слова:
«Ты создана была последней из творимых».

Вчера я был с тобой, и райским был твой лик.
Был звездный свет в глазах твоих неотразимых.

Был Насими с тобой, и не было досель
В его судьбе таких ночей неповторимых.

Я — бог, и, как Мансур, я говорю о том,
Давно я притчей стал здесь, в городе большом.

Для праведных — кыбла, влюбленный для влюбленных.
Я — ваш цветущий сад, обжитый вами дом.

Я — и пророк Муса, беседующий с богом,
Я — и гора Синай в сиянии неземном.

Я сросшихся в одно твоих бровей достоин,
И сам я светом стал, и сам горю огнем.

Слиянье с богом — вот вино священной веры,
Я это пью вино на пиршестве хмельном.

О ты, чьи губы — день, о ты, чьи кудри — полночь,
Стань для меня и ты целительным питьем.

Куда ни брошу взгляд, ты видишься мне всюду,
И счастлив я тогда в страдании своем.

Во мне живут миры, все восемнадцать тысяч,
И скрыт во мне аллах, который скрыт во всем.

Я — тайна всех чудес, сокрытых в этом мире,
Я — солнце, что всегда горит над вами днем.

Пред вами Насими свою откроет тайну:
«Я счастлив: бог сокрыт в облинии моем!»

ИЗ-ЗА РУБИНОВ ГУБ

Из-за рубинов губ, из-за твоих волос
Немало пролил я жемчужин—горьких слез.

Любовь меня сожгла, разлука в грудь вонзилась,
И горе пролилось потоком вешних гроз.

Я ныне слезы лью, взгляни и ты увидишь:
И радость и беда — смешалось все в хаос.

Но я остался жив, твое услышав слово.
Ты мне сказала: «будь», и все я перенес.

Я вдалеке твоих зубов увидёл жемчуг.
И ветерок твою речь до меня донес.

Коварная, твой взгляд мне причинил страданье,
Но тот же самый взгляд мою печаль унес.

Ищи скорей ковчег; так много слез я пролил,
Что недалек поток от тех пролитых слез.

В рубинах слов твоих я, Насими, услышал
Прохладу хызрских вод и запах свежих роз.

ПУСТЬ ГОВОРIT СО МНОЙ ПРАВДИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я с праздным болтуном иметь не буду дело,
Косноязычных речь мне тоже надоела.

Пусть говорит со мной правдивый человек.
Меж языком его и сердцем нет раздела.

Богатство мира — зло, на свете зло творят
Богатство и нужда — скорей бы все сгорело.

Любимой нет — беда и если есть — беда.
Вовек не будет так, чтоб сердце не болело.

Захочешь взять цветок — наколешься на шип.
Нет радости без слез, коварству нет предела.

Зачем Мансуру трон, зачем ему минбар?
Он предпочел помост, и там петля висела.

Блаженство мира — прах, богатство мира — смрад,
И радость мира — грязь, и все давно истлело.

И все же мы живем, и пусть проходит век,
Все на веку снеси достойно, честно, смело.

Живет и слезы льет несчастный Насими,
Пока его душа не отойдет от тела.

Обманный этот мир — не место для людей,
И ты, мой скорбный дух, его покинь скорей.

Бегут за днями дни и за ночами ночи,
Не повернуть нам вспять поток ночей и дней.

Богатство мира — прах, и счастье мимолетно.
Все, что ты здесь обрел, оставь и не жалея.

И если ты влюблен, в заклад своей любимой
Жизнь краткую отдай и кровь свою пролей.

Я видеть перестал грань между днем и ночью
С тех пор, как я томлюсь в плену ее кудрей.

Озарена земля красой моей любимой,
Ты чудо совершил, великий чудодей.

Мне не о чем жалеть, я с тем давно смирился,
Что краток век людской — пять дней и пять ночей.

И Насими, как все, уйдет, простившись с милой,
Чьи губы слаще всех, чей взгляд других светлей.

Смердит любой мертвец, и мир земной таков.
Мир не цветок, но шип, устал я от шипов.

Здесь ни одно твое не сбудется желание,
Сей мир неисчислим, обманчив и суров.

На свете нет друзей и нет любимых верных.
Избавься от любви, не жди ее даров.

Смотри: соперник вновь идет к твоей любимой,
Соперник твой лукав, будь ко всему готов.

Я, Насими, постиг болтливого захода.
Я молча буду пить, вино мудрее слов.

КАК БЫТЬ?

Без тебя мне, краса моя, с жизнью моею как быть?
И с короной, и с троном — со всем, что имею, как быть?

Жду свиданья с Фазилом — я в нем исцеленье найду,
Нет иных мне лекарств — я тобою болею, — как быть?

Сколько горьких молитв о тебе возносил я творцу,
Без свершения их — мне со вселенною всею как быть?

Мусульмане, поверьте: мне с милою благостен мир,
А на что целый мир мне, когда я не с нею, — как быть?

«Потерпи, Насими, не стнай!» — говорит мне она.
Если мне не стнать, я к утру онемею! — Как быть?

СКЛОНИЛСЯ АНГЕЛ ПРЕД ТОБОЙ

О роза, о нарцисс, томление мое,
Царица, исступление мое.

Склонился ангел пред тобой, а дьявол
Отвергнет поклонение мое.

Твой «нун» и «айн» — божественная книга,
Твой лик — коран, свечение мое.

Во мраке ищет Хызр живую воду,
Она ж — твои уста, волнение мое.

Суров суфий, но проповедь суфия
Глупа, и сам он глуп — вот мнение мое.

«Фа», «Зад» и «Лам» — то сущность Фазлуллаха —
Ему отдам и жизнь и рвение мое.

Моя султанша, жизнь моя подвластна
Ему — он озарение мое.

Я, Насими, метать не буду жемчуг,
Пока ты не владение мое!

Явлением твоим я награжден опять,
И роза расцвела, раскрыв бутон опять.

В великодушьи ты мне головой кивнула,
И показалось мне: я исцелен опять.

Ты жаждущей душе одно сказала слово,
И выжженный дотла край напоен опять.

Прошла пора разлук, настали дни свиданий
Стал жизни ход иным, он обновлен опять.

И показалось мне: весна настала в мире.
Расцвел заглохший сад, он оживлен опять.

Мне больше слез не лить во тьме разлуки нашей,
Сиянием луны я озарен опять.

Услышал я твоих кудрей благоуханье.
Ты распустила их — мой сбылся сон опять.

И снова вспомнил я твои былые клятвы,
И забрала любовь меня в полон опять.

В земном краю у нас и так довольно горя,
Всяк сущий на земле тобой пленен опять.

Ты ждешь, чтоб Насими в тоске истек бы кровью.
Ты дождалась, смотри: кровь пролил он опять.

Пусть от любви твоей не будет мне спасенья
И пусть мне без тебя не будет утешенья.

Пусть мне, когда хоть раз склонюсь не пред тобой!
Не будут прощены земные прегрешенья.

Коль вечности исток найду я не в тебе,
Пусть буду обречен на вечные мученья,

А стану не в тебе лечение искать,
Так пусть мне никогда не будет исцеленья.

Когда случится быть плененным не тобой,
Пусть рухнут в мире все земные измеренья.

Чтоб все мне разгадать, чтоб все мне утвердить.
Кроме твоих кудрей, не надо утвержденья.

Есть лишь твой светлый лик, и нет другой кыблы,
И, обратясь к тебе, я приношу моленья.

От красоты твоей я подаянья жду,
А подаянье мне — твое расположение.

Коль красоте твоей хоть раз я изменю,
Пусть не найду ни в чем я удовлетворенья.

И хоть у Насими так много в жизни бед,
Но в локонах твоих всех бед преодоленье.

ПРЕКРАСНАЯ ЛУНА

Прекрасная луна, не будь звездой падучей,
Ты, о моя луна, сокрыта в черных тучах.

В силках твоих кудрей птенец моей души,
Запутавшись давно, ждет смерти неминучей.

Дорога в храм любви — лишь правда и мольба.
Кто тем путем идет, тот слез не льет горячих.

Твой взгляд, как вор в ночи, разграбил и унес
Добро моей души, когда столкнул нас случай.

Средь шахов красоты ты лучезарней всех.
О, грозный мой султан, казни меня, не мучай!

Кто видел, чтоб тюльпан в одежду был одет?
Мой дорогой тюльпан в одежде самой лучшей.

Соперник Насими сказал: «Любить грешно».
Он словом согрешил, за грех свое получит.

ЛЮБАЯ ПРЯДЬ ТВОЯ

Любая прядь твоя — священное писанье,
И волосы твои приносят мне страданье.

Текут потоки слез, и сам я стал росой.
В свой час обречена роса на высыханье.

Хотя бы одного свидания с тобой
Коль кто-нибудь достиг — Джемшид ему прозвание.

С тех пор, как я попал в плен лика твоего,
Я жемчугами стал, волнами в океане.

Михраб твоих бровей, Кааба глаз твоих —
Вот что из мест святых достойно почитанья.

Лал губ твоих — Месих, сама ты — Мариам,
Я не даю тебе иного толкованья.

С тех давних пор, когда увидел я твой стан,
Преследуют меня и жгут воспоминанья.

Тот, кто признал тебя, тот господу познал,
Тот истину обрел, нашел ее сиянье.

И стала грудь моя щитом от стрел твоих.
Но раны избежать — напрасное старанье.

Я, бедный Насими, страдаю от любви,
И для врагов моих — бальзам мои страданья.

НЕ НАДО

Ни сердца, ни души меня лишать не надо,
Свой сладкий аромат распространять не надо!

И чтобы страшный суд на мир не призывать,
Со своего лица покров снимать не надо.

Вот родинки твои, они «мантык-ут-тейр».
И ты хочешь птиц понять—их понимать не надо

Я на твоём лице читаю: «Я — есмь бог».
Ни прятать истины, ни затемнять не надо.

Скрыт бог в твоём лице, и перед миром всем
Свой лучезарный лик приоткрывать не надо

Ресницы у тебя острее острых стрел.
Изогнутых бровей в лук превращать не надо

Ты кос не расплетай, не развевай кудрей,
Лишенными души нас оставлять не надо.

В коране есть глава о красоте твоей.
Священны те слова, их толковать не надо.

Мечтает Насими снять с истины покров.
Свет истины святой во тьме держать не надо

ТЫ — СВЕТОЧ КРАСОТЫ

Ты — светоч красоты, ты — мой мекканский храм,
Для сердца моего — целительный бальзам.

Нам кажется твоя краса непревзойденной,
Ты кажешься луной в тебя влюбленным, нам.

Одной чертою став, соединились брови.
Как я остался жив, не понимаю сам.

Объяла ты собой и небеса, и землю.
Владыкой стала ты подстать земным царям.

Ты стала для меня горою Каф священной
И птицею Симург, что обитает там.

Ты — тяжким всем моим недугам исцеленье,
Ты — снадобье мое, ты — сладкий фимиам.

В тебе вместились все: и божий гнев, и милость.
Для правоверных ты — единственный ислам.

Глашатай двух миров, ты — наш коран священный,
Ты счастье и покой даруешь двум мирам.

Как удержать тебя, чтоб ты была со мною?
За это хоть сейчас всю землю я отдам.

Скажи, кому еще ты поверяла тайны?
Когда не я, то кто внимал твоим словам?

О КРАВЧИИ, УРАЗА ЗАВЕРШЕНА.

О кравчий, урза завершена,
Ты зачерпни и нам налей вина.

Проходит долгий пост, приходит праздник.
Мой праздник — ты, а в праздник жизнь красна.

Вино пусть льется с губ твоих прохладных.
Ты напон вином нас допьяна.

Мне снилось: нету на вино запрета,
Зато суфизма ложь запрещена.

И ты, аскет, брось каяться и клясться,
Твое настало время, пей до дна.

Зачем смотреть, цела ли власяница?
Смотри на чашу, чтоб была полна.

«Кабу ковсейн» — вот в чем моя святыня,
И господом она освящена.

Источник света — локоны и кудри.
Твой лик в кудрях, как в облаках луна.

Зачем ты сеть раскинула по свету?
И ловля душ зачем тебе нужна?

По мне кабак от Мекки не отличен:
Ведь божья суть везде заключена.

Реченья Насими ценней, чем жемчуг,
В его реченьях истина слышна.

НЕ ОЖИДАЙ

Удачи в жизни, что ко всем сурова, не ожидай.
Живи, люби и ничего иного не ожидай.

В неверном мире милые неверны,
От них, неверных, искреннего слова не ожидай.

Быстрее цветов растут шипы на ветках.
Найти цветок средь пустыря пустого не ожидай.

Богатство на земле — талант и знание.
От плутов ты динара золотого не ожидай.

Старайся божий лик в себе увидеть
И на веку видения другого не ожидай.

Факих премудрый это отрицает.
Ты благочестья от факиха злого не ожидай.

Мир — падаль, пусть его собаки ценят.
Благоуханья от него, гнилого, не ожидай.

В шербете мира — яд, наш мир — отрава.
Ты исцеленья от него, больного, не ожидай.

Стремление к жизни — это наше бремя,
И счастья ты от бремени такого не ожидай.

О Насими, нет верности на свете.
Того, что жизнь начать ты сможешь снова, не ожидай.

И я — есть бог, я отгоню туман.
Я — истина, я вам на счастье дан.

Я — пятикнижье, библия святая,
Я — божий глас и я — святой коран.

Я — слово милосердного аллаха,
Речение народов всех и стран.

Я, как Муса, узрел сиянье божье.
Я сам Муса, отец его Имран.

Внутри меня божественная влага.
Я пью вино, и я любовью пьян.

Я — каландар и падишах великий,
И бедный человек, и Сулейман.

Я, твоего лица изображение
Увидев, понял: это — не обман.

Живой источник Хызр нашел в пустыне,
А я вдохнул твоих волос дурман.

Я, Насими, принес вам слово божье.
Поймете ль вы: я правдой осиян.

Похитительница сердца, ты моими правишь днями.
Милая одна на свете — истина такая с нами.

В грудь мою шипы разлуки так безжалостно вонзились.
Пусть весна цветы сулит нам, обделенные шипами.

Путь любимой прям, о ранах, ею данных, не печалься,
Пусть же тесноты не знает, кто прямыми шел путями!

На лице твоём цветенье всех восьми садов Эдема.
Так пускай же твой розарий переполнится цветами.

Кто, с тобою встретясь, просит о других подобных встречах.
Счастья вовсе не узнает, убаюканный словами.

Для меня разлука — горе, сна не ведаю, страдаю,
Пусть же смерть, а не отрада власть имеет над врагами.

Я в родстве с твоей любовью, с красотой твоей в союзе,
Красота твоя с любовью навсегда сдружились сами.

Если кудри твои — петля, то на них Мансур был вздернут.
Тот, кто не бывал Мансуром, не играет пусть с кудрями!

Говорят, болезнь — не радость, кроме глаз твоих-нарциссов,
Я притих перед твоими занемогшими глазами.

Насими, не разглашай же тайны искренней подруги.
Недруги да не узнают тайны, познанной друзьями!

Возлюбленный без компаньона — твой светлый лик без покрывала.
Подобного ему не сыщешь — ни «мима», «нуна» и ни «дала».

Раз в месяц суждено луне достигнуть в небе совершенства,
Но в сотне лун нет совершенства, которым ты возобладала.

Хоть этот лик своей красою привел в восторг весь мир подлунный,
Но родинки ее и брови мир заливают кровью алой.

Ах, не стремись к усладе мира потустороннего душою:
И гурией, и вечным раем теперь свиданье с нею стало.

Любовь к тебе не будет тленной, о мое солнце, описание
Твоих красот — аяйт бессмертья, такой красой ты воссияла.

Возлюбленный без компаньона — сказал я — в этом нет сомненья, —
В нём отражается твое подобие — взгляни в зеркало.

В мирах обоих осчастливлен я краткой встречею с тобою.
Свиданье — вечное блаженство, желанней счастья не бывало.

Я, Насими, неоднократно твержу: благодаренье богу
За то, что для людей разумных речь милой — разума кресало!

Сгорает сердце, как свеча, с тех пор, как мы разлучены.
Так гибнет каждый, кто влюблен, своей не ведая вины.

Я сердце превратил в мишень во имя истинной любви,
Я — цель для стрелчатых ресниц, мне злые муки суждены.

Я жадно слушаю тебя, впивая сладостный дурман.
Другие речи и слова отныне смысла лишены.

В силках рассыпанных кудрей маняще родинка сквозит,
Приманка, дивное зерно в сетях, которые нежны.

Тебе подобной не найти ни в небесах, ни на земле,
Приди, молю, мой ясный свет, перл, не имеющий цены.

Я добровольным стал рабом, но умоляю об одном:
Меня на рынке не меняй, другие в рабстве не верны.

Пусть ходит праведный в мечеть, должна иных ты лицезреть,
Тех, кто пирует в кабаке, чьи кубки горечи полны.

Тот, кто достойно хочет жить, не должен жизнью дорожить,
Миг встречи или вечный рай для истомленного равны.

Средь глины золото найдут, в горах добудут изумруд.
Но кто поднимет дивный перл из недоступной глубины?

Сегодня с милой будь своей, напрасно ждать грядущих дней:
Вы будете, всего верней, судьбой навек разобщены.

Знай, Насими, слагая стих, в кудрях запутался твоих.
В тугие звенья черных кос влюбленных души вплетены.

ЛЮБИМЫЕ ГЛАЗА МУДРЕЙ СВЯЩЕННЫХ КНИГ

Суть истины познай, путей не бойся трудных.
Кто истины бежит, тот — сатаны двойник.

Я, Насими, в твоём плену мускуснокудром.
Я плачу, я кричу, но кто мой слышит крик?

Речь сладкая твоя — живительный родник,
Льнет мотылек к свече, свеча — твой чудный лик.

Твой лучезарный взгляд — сияющее солнце,
Пред красотой его на небе месяц сник.

Глаза твои — вино, но к чаше сокровенной
Никто из пьющих нас покуда не принял.

И четки, и коран, и коврик для молитв
Увидевший тебя из рук уронит в миг.

Любовь, она одна — и истина и вера,
И для людей, для нас, нет сладостей вериг.

Влюбленным и певцам внимай и тех не слушай,
Кто истиной святой лишь торговать привык.

В чем истина? В любви. Влюбленный — виночерпий,
Любовью опьянен и потому велик.

Сладчайшее вино — в глазах любимых наших.
Любимые глаза мудрей священных книг.

Пред ликом истины ты преклонись, и станешь
Мудрей всех мудрецов, могучей всех владык.

Едва сняла ты покрывало с лица, о полная луна, —
 На нет нисходит царство мрака, и солнцем даль освещена.
 Сердце немало опьянилось вином твоих сладчайших губ,
 О мой логман, мой чистый кравчий, дай мне еще глоток вина.
 О ты, по милым чьим ланитам сам рай тоскует и горит, —
 Шербетом губ твоих Коусера вода и впрямь наделена.
 О ты, чей лик сияет розой в той винной чашечке тюльпана,
 Очами чьими опьяненный, нарцисс уснул, а ночь длинна.
 Глагол всевышнего — твой образ, твой лик — айята откровенье:
 «Открыли мы» — и Вездесущим мне эта истина дана.
 Твои ресницы, брови, пряди — божественная книга, только
 Лишь тот поймет ее, кто знает коран, в чьем сердце глубина.
 А те, кто книги той не знают, в чертах лица читать не в силах,
 Не зная им собственного счета в день судный, их судьба темна.
 Божествен образ твой, и лик твой — предвечного осведомленность.
 И дух святой — твое дыханье, уста — живой воды волна.
 Или твои рубины-губы подобны кадийул-хаджату, —
 Что твой любимый ни попросит — ты «возымей» сказать должна?
 Ты в похитительницу сердца влюбился? Двойственность — завеса
 В любви. Коль ты не подчинишься — меж вами не падет стена.
 О Насими, той поклонись же, о ком есть свыше обращение:
 «Приблизься, чти, клади поклоны» — и тем любовь твоя сильна.

Я пью разлуки яд, душа моя болит.
 От боли и скорбей душа — неверный щит.
 В своей любви я чист, я подлиннен, как элато.
 Так пожалей меня, не наноси обид.
 Куда свою стрелу разлука ни направит,
 Свистит, звенит стрела и в сердце мне летит.
 Как дерево к огню послало Моисея.
 Мне указывает путь огонь твоих ланит.
 Я истину ищу, а истина лукава,
 А истина опять нам встречи не сулит.
 Известье лишь одно мне милая послала.
 Я вести жду и жду, но милая молчит.
 Несчастен Насими, его любовь сжигает.
 Давно он прахом стал, а сердце все горит.

ТЫ — МОЯ ДУША

Кумир мой, глядя на тебя, стыдится расцветать бутон,
Изведав сладость губ твоих, шербет медвяный посрамлен.

Ресницы-стрелы в грудь мою направил гнутый лук бровей,
И эти синие глаза из сердца исторгают стон.

Я — тело, ты — моя душа, не откажусь я от нее,
И этим дух мой навсегда заморожен и утолен.

Метнула исподлобья взгляд, твои глаза бедой грозят,
Какой ты мне готовишь ад, к чему твой раб приговорен?

Добыча счастья, ты одна дана на все мне времена,
Весь мир отдам за локон твой, но много больше стоит он.

Кровавых слез мне не избыть, я стал их днем и ночью лить.
Дает им сердце цвет беды, кроваво-красный этот тон.

Сквозь черный гиацинт кудрей лик лунный светится сильней.
Откинь с лица покров теней, знай, Насими испепелен.

ТВОЙ КАЖДЫЙ ВОЛОСОК

Твой каждый волосок трепещет, наполняя
Все ароматом роз и мускусом Китая.

Зажег мне сердце твой солнцеподобный лик,
Вот так свечу Мусы зажег огонь Синая.

И солнце — вижу я — восходит каждый день,
От твоего чела движение начиная.

В тебе заключена вся ширь земель и вод —
Моря без берегов, простор земли без края.

Безумный дервиш я, а ты — владыка мой,
И нищему с царем не сблизиться, я знаю.

Но все же вижу я тебя издалека,
И локоны твои сулят блаженство рая.

Я тоже человек, а человек есть Бог.
Желание мое не истина ль святая?

Внемлите Насими, он правду говорит,
Жемчужинами слов вам уши наполняя.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТВОЙ ЛИК

Божественный твой лик увидеть все хотят,
Но нечестивый див коран поймет навряд.

Не лицезрев тебя, кто суть твою узнает,
Но все, постигнув суть, тебя боготворят.

В красе твоей — коран, евангелие, тора,
Но это тот поймет, кто праведен и свят.

Царь Сулейман постиг все языки земные,
Но вряд ли даже он постиг бы твой айт.

Как Насими, не всяк поймет Каабы сути,
Как не узнает куш душа, попавши в ад.

КРАСОТА ТВОЯ НЕПОСТИЖИМА

Нам, людям, красота твоя непостижима.
Красивой и пребудь, будь господом хранима.

Твоих прекрасных губ родник настолько чист,
Что райская вода с тобою несравнима.

Мечтает роза быть похожей на тебя,
Но красота твоя, увы, недостижима.

Когда-то я хотел тебя сравнить с луной,
Но скроется луна и будет невидима.

Владычица моя, с чем я тебя сравню?
Я понял: красота твоя неповторима.

На свете тленно все, извечна только смерть.
Перед ее лицом лишь ты неуязвима.

Пусть не придет к тебе уныние вовек.
Кто б ни был Насими, но мною ты любима.

Увидеть жаждал я твой жемчуг дорогой —
И в океан любви нырнул едва живой.

Пусть ветер полетит к любимой, к тонкостанной,
Овеет ей стопы, овеет стан прямой.

Не спрашивай врачей, что сталося со мною.
Меня поймет лишь тот, кто жертвовал собой.

Прекрасных глаз твоих все жертвою мы стали.
Чтоб нам взглянуть в глаза, свои глаза открой.

Любимая моя, пожертвовать готов я
За твой прекрасный лик своею головой.

Пусть тот, кто божью суть в твоём лице не видит,
С зеркала своего счищает муть порой.

Суть истины твоей, твоё единство с богом
Нам подтверждает весь прекрасный облик твой.

На поле красоты изогнутые брови
Прекрасней во сто крат, чем серп луны ночной.

Аскет сидит один, он вслух коран читает,
Но чтение его — всего лишь звук пустой.

Любовью Насими свою очистил душу,
Он к небу приобщен земною красотой.

Твое лицо — луна, а мы — его зеркало.
Кто не влюблен в тебя, тот камень изначально.

Любовь к тебе — вот цель, вот мой извечный путь,
Хоть множество на нем меня преград встречало.

Зачем добро жалеть, ведь даже и богач
Из всех богатств земных возьмет с собою мало.

В тебя влюбленный — раб, но счастливы ли те,
Которых прядь твоя к тебе не приковала.

О, пусть благословит аллах твой животворный лик,
Чтобы твое лицо всегда для нас сияло.

Ты подаянье дай мерцающей луне,
Чтобы она еще сильнее заблестала.

Чем бы я в жизни был, в чем счастье бы обрел,
Когда б в цепях кудрей меня ты не держала?

Ходил бы я весь век, как нищий по земле,
Но тень твоих волос вдруг на меня упала.

Несчастен человек, не видевший вовек,
Как на твоём лице суть истины сияла.

Кто в жертву не принес своей души тебе,
Душа того вовек счастливой не бывала.

Я продался за то, что ты сулила мне,
Но позабыла ты все то, что обещала.

Для сердца нужен мне шербет твоей любви.
Я не достиг того, что сердце ожидало.

Но с тем, кто не умел терпеть любовный гнет,
Взгляни, о Насими, взгляни, что ныне стало.

В ТЕБЕ, В ТВОИХ ЧЕРТАХ

В тебе, в твоих чертах слепец и тот узрел
Создателя всего: и душ людских и тел.

С тобой, светильник мой, судьба нас разлучила.
Я слезы лью — таков влюбленного удел.

Тот праведнее всех, средь смертных всех умнее.
Кто Истину найти в своей любви хотел.

Но в рай не попадет и не поймет корана
Тот, кто в огне любви ни разу не горел.

Хоть ангел твой слуга, но что мне ангел этот?
Служил я не слуге, а шаху песни пел.

Кто праведней — аскет или ночной гуляка,
В спасении души кто больше преуспел?

Святоша между тем в меня бросает камни,
Но я их не боюсь, и я не присмирел.

Тот, кто пошел в кабак, иль тот, кто был в мечети,
Кто более, как знать, аллаху порадел?

А я дотла сгорел, сгорел мой дух и тело,
Лишь образ твой во мне случайно уцелел.

В ограде сердца храм любовь моя воздвигла,
И этот храм никто разрушить не сумел.

О, Насими, твоей беды никто не знает,
Всё знает только бог, он быть всему велел.

ЛЮБВИ СТРАДАНИЕ

Любви страдание длится много дней.
Тем сладостней любовь, чем боль сильней.

Любимые наносят нам обиду
Тем большую, чем сами холодней.

Порой мы, любящие, счастья ищем
В недобрых взглядах, в звуке злых речей.

Любовь не отвечает на вопросы:
Как? Почему? Зачем? Откуда? Чей?

Плоды и сладки, могут быть и горьки,
Но вкус плодов зависит от корней.

В своей любви не преуспеют люди,
Те, чьи учителя не всех других умней.

Создать бы книгу красоты любимых —
Сто тысяч глав обширных было б в ней.

Я — Насими, меня вознес на небо
Бораг-скакун, проворней всех коней.

УЖЕЛЬ ТЫ НЕ ЛУНА?

Ужель ты не луна и не луны двойник,
Твой стан не кипарис и щеки не цветник?

Речь сладкая твоя ужель не воды Хызра,
Ужель твои уста не сахарный тростник?

А я горю в огне, когда смотрю и вижу
В китайском идоле твой азерийский лик.

Ты красотой своей пленила оба мира,
Ты в плен взяла меня, сразив в единый миг.

Я сплю и вижу сон: набег ты совершаешь.
И просыпаюсь я, издав истошный крик.

Когда ты говоришь — ты жемчуг источаешь,
Для смертных речь твоя — живительный родник.

Несчастен Насими, его разбито сердце,
Красавицу свою он полюбил и сник.

ЧТО ТАМ?

Там прядь волос иль цепь, сковавшая плененных?
Рубины губ твоих или душа влюбленных?

Потоки горьких слез из глаз моих текут,
Иль кровь течет из глаз, твоей красой сожженных?

Что вижу: тонкий стан иль стройный кипарис,
Твой лик или цветок из тех, в раю возвращенных?

Что вдалеке блестит: жемчужины зубов
Или жемчужин ряд, из моря извлеченных?

Что там: твое лицо или сплетенье роз,
Михраб иль свод бровей, сурьюю подведенных?

Что это там вдали: звезда моей судьбы
Или сиянье глаз, любовью опьяненных?

Я — Насими, мои влюбленные глаза
Походят на вулкан, на океан взъяренный

ТЫ САМ — ДУША ВСЕЛЕННОЙ

Ты от души сокрыт, хоть от души нетленной
Ты и не отделим, ты сам — душа вселенной.

И хоть не знает мир черт твоего лица,
Что мир наш без тебя, без красоты бесценной?

Возможно, что твой лик и от меня сокрыт,
Но принимает все твой облик неизменный.

Твой лик своей красой затмил луну небес,
В нем вижу судный день, наш день благословенный.

Я душу потерял, от мира отошел,
Но я взамен всего обрел твой дух священный.

Ты — зрение мое, ты все, что вижу я,
Ты — суть и скрытых слов, и речи откровенной.

Как ты, я, Насими, и есть круговорот,
Круговорот земли, и вечный, и мгновенный.

Но я махнул рукой на этот бренный мир:
Не мною завершен сей мир несовершенный.

МОЯ ЛУНА

Моя луна, ты столь прекрасна и ярка,
Что луч красы твоей рассеял облака.

Шахиня красоты, ты ловишь души наши.
Хоть я и умудрен, не избежал силка.

Аскет стремится в рай, влюбленный ищет друга.
Но что на сем пути они нашли пока?

Стенания мои лишь разгласили тайну,
И я в своей любви ославлен на века.

Кто к мудрости твоей однажды приобщится,
Тот станет всех людей мудрей наверняка.

Вечерняя заря с зарей восхода вместе —
Вот лик шахини той, что смотрит свысока.

В свой час могла бы стать колодцем для Юсифа
С коварной ямочкой румяная щека.

Бровей твоих, ресниц могущественно войско,
И беспощадна ты, хотя на вид кротка.

Давно моя душа к твоей душе стремится.
Печаль моя длинна, да коротка рука.

Кто б ни был Насими, причастен он к влюбленным,
И сан его высок, как званье бедняка.

ВСТУПИВШИЙ В ОКЕАН ЛЮБВИ

Вступивший в океан любви свой перл блестящий обретет.
Кто жизнь отдаст, тот и любовь душой горящей обретет.

О ты, боящийся огня, не льни к пылающей свече,
Смотри: беспечный мотылек огонь палящий обретет!

Блажен рекущий, как Мансур: «Я — это Истина сама!» —
Он страсть и преданность в любви, тот хмель дарящий, обретет.

Тот не расстанется вовек с нарциссами хмельных очей,
Кто хоть однажды, словно в дар, их взор пьянящий обретет!

Рад четки с ковриком продать отшельник за один глоток,
В котором он покой и лад душе скорбящей обретет.

Зря, проповедник, ты плетешь влюбленным сети небылиц:
Да кто же в небыли такой смысл настоящий обретет?

Тугие цепи кос твоих меня безумьем оплели:
Кто глянет — участь головы моей пропащей обретет.

Пришел к Каабе Насими благую суть святых познать:
Обход свершая, верит он, что лишь молящий обретет!

НЕ СЫЩЕШЬ

Обету преданных друзей, хоть обойди весь свет, не сыщешь,
Шипы сожгут огнем всю грудь, а нежной розы нет, не сыщешь!

Ложь всюду стала образом, сердца в обмане исхитрились,
Хранящих подлинный чекан ты золотых монет не сыщешь.

О хворый, будь себе врачом, не принимай забот от ближних,
Своим лекарством сделай боль — хлопот себе во вред не сыщешь.

О сердце бедное, внемли, совет мой дружеский послушай,
О друге сердца не мечтай: вовеки верный след не сыщешь.

Коснись, влюбленный, дивных кос, прильни к ним, ведай: в этом мире
Такой возлюбленной нигде ты даже и примет не сыщешь.

Горя от страсти мотыльком, лети на светоч розоликий:
Такой же, жгущий душу жар, которым ты согрет, не сыщешь.

В обитель вечности ступай, влюбленный, этот мир покинув —
Ведь на просторах сей земли убежищ от сует не сыщешь.

Познаешь горе — умолчи, не говори о нем, влюбленный:
Когда от муки в сердце боль, друзей в юдоли бед не сыщешь.

О, если верен ты в любви, то, как Муса, очисти сердце,
Тогда неблещущих зеркал, чей не блестящ ответ, не сыщешь.

Я, как летучая звезда, всегда блуждаю вслед за милой,
Да только в горной вышине блуждающих планет не сыщешь.

Твердил сегодня Насими свои слова о дивном чуде:
Ни жемчуг, равный ей красой, ни редкий самоцвет не сыщешь.

КРАСИВЫМ СЕРДЦЕ НЕ ВВЕРЯЙ

Кто на пути любви готов за друга жизнь отдать свою,
Тому достойные мужи блаженство предрекли в раю.

Твой стройный стан и дивный лик едва лишь вспомню, о кумир,
И кипарис, и аргуван, мечтая, я в душе таю!

И каждый миг мечта любви звенит во мне живой водой,
И полн чертог моих очей, и я ручьями слезы лью.

Внемли, о жаждущий любви, гласящим истину словам:
Красивым сердце не веряй — себя отдашь небытию!

В беседе с другом краткий миг достоин славы двух миров:
Такому мигу вечен срок, он неподвластен забвению.

И пусть любимая тебя лукавым взором не дарит —
Ее прекрасный стан и так огня добавил в страсть твою!

Ресницы-стрелы ее глаз жестоко ранят Насими,
Течет поток кровавых слез, я очи кровью изолью.

Где же друг, с тобою схожий, есть на свете, у кого?
Скажешь: «Есть!» — молчу, да только — где, ответь, и у кого?

Кто влюблен, создаст мечтою сотни тысяч чаровниц.
В жизни друг такой бывал ли на планете у кого?

Дай купцу продать татарам завиток твоих кудрей —
Пусть поймут, где брать им мускус: кудри эти — у кого?

О считающий за жемчуг неказистых перлов нить,
Знай, жемчужину жемчужин где узреть и у кого.

Мое сердце изловили локоны кудрей твоих,
Кудри хитро ловят сердце, будто в сети, у кого?

Ты с луною схожа ликом, стан твой, словно кипарис,
Алость щек и уст медовость есть в букете у кого?

Я сложил все муки страсти в мое сердце, как в тайник.
В ком еще хранится тайна, словно в клетки, у кого?

Непрогляден мрак полночный, а рассвет к утру придет.
В чьих же косах встанет солнце на рассвете, у кого?

О сравнивший лик любимой с красотою цветников,
Чей же сад сравнится с нею и в расцвете — у кого?

Неизбынно верный богу, слово истины твержу,
Мне под стать влюбленный есть ли на примете у кого?

Мир и жизнь свою любимой отдал в жертву Насими,
Отыскать такого друга как суметь и у кого?

Любимая, опять все началось сначала,
Ты слово мне дала и слова не сдержала.

Надежда в кой-то раз, неверная моя,
Во мраке бытия блеснула и пропала.

Что было да прошло — я в тайне скрыть хотел,
Но можно ль скрыть огонь? — И пламя явным стало.

Для любящих любовь — вот самый лучший врач.
Так испокон веков оно всегда бывало.

Откуда может тот, кто не влюблен в тебя,
Знать, как моя душа болела и страдала?

Кто был влюблен хоть раз, тот видел, как горел
Божественный огонь, как истина сияла.

И мой соперник рад: любимая моя
Исполнить не могла того, что обещала.

Что сделалось со мной, я пожелтел лицом,
Я стражду, но она не мучится нимало.

Утратили былой свой смысл, о Насими,
Заветные слова, что шепчешь ты устало.

Мне сердце кровью обагрила, о милая, с тобой разлука.
Заменена разлукой встреча, означена судьбой разлука.

Моя душа — с тобой свиданье, а рок, жесток, отсек мне душу.
Смотри, любуйся, я, влюбленный, бреду, я как слепой, — разлука.

Кровь сердца льется из очей — такое мне чинишь ты горе,
Я, любящий тебя, рыдаю, и, словно нож тупой, разлука.

Пусть исцелит мои страдания бог Фазлуллах, бог милосердный, —
Ведь это тот, кем исцелится легко недуг любой, разлука.

Не по моей — по воле рока нас настигает расставанье.
Все определено судьбой — и вот творит разбой разлука.

Сокровище твоей любви таятся в тайниках-руинах,
Ты сделала меня руиной, и вновь томит гоньбой разлука.

Цепям твоих волос прекрасных я, Насими, вручаю душу,
Зачем же я в цепях, в зиндане, зачем же мой покой — разлука?

Я в разлуке с тобой горю, боль мою успокой, приди.
О, взгляни, как измучен я: кровь струится рекой, приди.

Набежали печаль и скорбь, ввергли в немощь, лишили сил,
Посмотри, как страдаю я, унесен мой покой, приди.

Хоть разлука с тобой и шлет войско скорби — меня сразить,
Не страшись его: погран я лишь тобою одной, приди.

Я вдали от тебя горю, жарким пламенем душу жжет,
Не спали меня, свет очей, этой жгучей тоской, приди.

О луна моя, жаждет взор видеть лик твой в венце кудрей,
Чудным светом его красу обволоку звездный рой, приди.

Позабитый тобой навек, я тону в пучине скорбей,
О спаси же из бездны мук челн затерянный мой, приди.

Не лишай ты меня надежд, не возрадуй недругов злых,
Порази же сердца врагов, будь навеки со мной, приди.

С той поры, как покинут я, плач и стон — мой тяжелый рок.
Не ссуди эту участь мне, не оставь в доле злой, приди.

О, как жаждет с тобою быть сердце, сжатое мукой мук.
Разве можно его терзать? Мне надежду открой, приди.

Образ твой в пелене кудрей страстно я сохранял в душе,
Порвалась пелена души из-за страсти такой, приди.

Жив одной тобой Насими, ты — и тело его, и дух.
И пока жизнь таятся в нем, о хотя б за собой приди!

КТО ВСТРЕЧ НЕ ЦЕНИТ

Кто не ведал горя разлук, тот и встреч с любимой не ценит,
Кто любви не познал, тот дар, красотой таймый, не ценит.

В ночь посланья взошли луной полукружья двух луков в небе.
Лишь глупец лунный серп не чтит, тайны, в нем хранимой, не ценит.

Кто не ведает уст твоих — райский их родник не познает,
Тот и непреходящий дух, их огнем даримый, не ценит.

Зерна мушек с твоих ланит, как зеницы в очах, храню я.
Да лишится зрачка глупец, кто сей тайны зримой не ценит.

Кто мечтой устремлен к тебе, мог с тобою сравнить другую,
Тот вовеки чудесный смысл, той мечтой творимый, не ценит.

Сердце грезит одной тобой, что ему все богатства мира?
Лишь невежда такой красы — не серебром ценимой — не ценит.

Совершенство красы твоей, словно правда божьего слова.
Взор смотрящего вкривь и вкось правды, всеми чтимой, не ценит.

Как покров Каабы, твой лик: скрыта в нем правота аллаха.
Кто не ведает правых дел, суть их, злом томимый, не ценит.

Прямотою твой стройный стан посрамляет дерево рая.
Кто твой стан кипарисом звал, сам красы хвалимой не ценит.

Даже солнцу знаком закат, возвещаемый полнолунием.
Кто же твой немеркнущий свет, пламень, им палимый, не ценит?

Насими не сменит одежд, в час тоски по тебе надетых.
Плох тот суфий, кто свой наряд, в знак любви носимый, не ценит!

В САДУ МОЕЙ ЛЮБВИ ЕДИНСТВЕННАЯ РОЗА

Разлука наша мне сжигает грудь, приди.
Лекарство для меня ты раздобудь, приди.

Пустынею давно сады земные стали.
Темницей стало все, не обессудь, приди.

Всю душу мне сожгла дотла разлука наша.
Влечение к тебе — мой тяжкий путь, приди.

Слияние с тобой — вот цель существования.
И со своей стези мне не свернуть, приди.

Душа моей души, с тобой нас разлучили.
Ты жизнь моей душе должна вернуть, приди.

В саду моей любви единственная роза.
Бывал ли сад без роз когда-нибудь? Приди.

Нет красоте твоей различных толкований,
С тобою мир — бостан и в этом суть, приди.

Разлука нас с тобой в слезах вот-вот утопит.
Разлука не должна нас захлестнуть, приди.

Неверье с верой — все давно перемешалось,
И ты для Насими спасеньем будь, приди.

Ты для него одна — и встреча и разлука,
Ты можешь снова жизнь в него вдохнуть, приди.

Тень от волос волнообразных, луну тревожа, упадет.
Их чернота, ее затмив, на солнце тоже упадет.

О, мрак твоих волос достиг луны, и может только феникс
Отбрасывать такую тень, что непреложно упадет.

Такая точность есть в бровях и достоверность в их излуке,
Кто луки их увидит, лука держать не сможет, упадет.

О, эти волосы твои — китайский мускус, и, робея,
Запутался в них ветер утра, исходит дрожью, упадет.

Див говорит: мол, что за диво? Любить прекрасное греховно.
Он лжет, и, значит, сам греховен, в своем безбожье упадет.

Ах, бедствие — сказал наивный — таится в завитках волшебных!
Он, бедствия волос избегнув, в беде такой же упадет!

Мир благодатно ароматен, когда волос благоуханных
Зефир коснется, и, плененный, по воле божьей, упадет.

Никто из страстных и смиренных с тобою встречи не добьется,
Лишь я, смиренный, удостоен. Мой взгляд, восторжен, упадет.

Саги, воистину прекрасно вино твоей любви предвечной.
Кто выпьет, тот объят волненьем. Глядишь — на ложе упадет.

С возлюбленной я, Насими, но тяжко мне, что мой соперник
С горящим сердцем задохнулся, вот-вот, похоже, упадет...

Мрак твоих волос я вижу, источающий свечение,
Нет сиянья лучезарней и тревожней излуčenja.

Разве может отраженье в зеркале не проявиться?
Также и твои ланиты — аналхага отраженье.

В мире нет тебе подобья, похитительница сердца,
Глянешь на тебя — до смерти это помнится виденье.

Так пленительно пьянеют эти нежные нарциссы,
Что при мысли о нарциссах я впадаю в опьяненье.

Красота твоя, как книга, толкование аятов
Возбуждает исступленье. Где же разум? В отдаленье.

О, свидание с тобою — это вечное блаженство,
Это царство, но не каждый приобщается к владенью.

Так открой глаза и слушай — это суры вещий голос,
Судный день ко мне приходит, вот и светопреставленье!

Если хочешь ты нектара, испытай, как жалит жало,
А без жала нет нектара и не будет наслажденья.

Будь умен, владыка мира, царствуют не фараоны,
Мудрецы владеют миром, и у них ключи правленья.

Губы милой устыдили бадахшанские рубины,
Родинка же абиссинцев повергает в изумленье.

Насими я, и навеки буду с истинною вечной,
Хоть пируй себе, соперник, или падай на колени!..

РАБ КРАСОТЫ ТВОЕЙ

Раб красоты твоей, я затаил дыханье.
Другим я не служу, нет сил и нет желанья.

Мою любовь к тебе сочтя большим грехом,
Явил законовед чрезмерное старанье.

В теченье жизни всей я истину искал,
Теперь, тебя найдя, я завершил исканья.

Твой лучезарный лик и волосы твои —
Свидетели мои: сдержал я обещанье.

Не много я успел, немногого достиг,
Но я на страшный суд возьму свои писанья.

Тюльпаны щек, глаза да родинка твоя —
Лишь с этим войском я свершал завоеванья.

Пред милостью твоей я преклонял главу,
А перед кем еще склоняться в покаяньи?

Как в памяти моей создать мне образ твой?
Нет сходного с твоим на свете очертанья.

Лишь твой прекрасный лик — убежище мое,
Где коротаю я дни своего изгнанья.

И пусть я прахом стал у дома твоего,
Я в этом вижу цель и жизни оправданье.

Ты солнце для меня, светильник яркий мой,
И ты слепишь меня во дни солнцестоянья.

С тобою разлучась, я в силах лишь стенать,
Я счастлив, что еще способен на стенанья.

На свете Насими избрал одну тебя,
И ты его спаси, умерь его страданья.

В ТВОИХ ГЛАЗАХ

В твоих глазах, во всех твоих чертах
Свои черты запечатлел аллах.

Моя беда в твоих глазах прекрасных,
Но большая беда в твоих бровях.

Где бог видней: в тебе или в коране,
В твоих чертах или в его строках?

Моя кыбла, не только в этом мире,
Ты для меня святыня в двух мирах.

И только тот, кто отдален от бога,
Не слышит божьих слов в твоих устах.

Аскет мне говорит, чтоб не любил я.
Мне ведомо: его реченья — прах.

Ты, о моя любовь, — создание божье.
Коран написан на твоих щеках.

Святоши и глупцы того не знают,
Всю жизнь свою они бредут впотьмах.

Кто чистым пьян вином, тот чист душою,
А им вино пить запрещает страх.

Я, Насими, соединился с богом
И нет скончанья мне, я — сам аллах.

ИСПИЛ ОДИНОЧЕСТВА ЧАШУ

В тебе — кыбла моей веры, мой идол. И белый свет
Затмился бы без красоты, желанней которой нет.

Звезда ты? Какого созвездья? О если б я только знал!
Обитель твоя превыше тысячи звезд и планет.

Вино мне ударило в голову. Вот я в питейном доме
Испил одиночества чашу, сижу я, согбен и сед.

Нет разницы между белым и черным, и потому
От белого и от черного бегу я на склоне лет.

Сегодня я тяжело ранен кокетством ее нещадным.
Ну что ж, если любишь ты, не бойся ни ран, ни бед.

Сама красота Юсифа как бы мотыльком кружится
Над светочем этих глаз, чтоб их разгадать секрет.

В игривости голубых очей такое коварство,
Такие соблазны! Опасней нигде не отыщешь везд.

И если аскет пред тобою подобно свече не таял,
То это неудивительно — бесчувственный он, аскет,

Он сам — пешмине-пуш, и душа его грубовата,
Как шерстяная одежда — не чище своих одежд.

Не утешай, ваиз, оставь меня с моим горем,
Лечи самого себя — спасти меня нет надежд.

Уж если я скован мускусной цепью ее волос,
Я рад, что блуждать не надо бесцельно, ветру вослед.

И пусть обрушится мир, пусть буду я четвертован,
Но четырем стихиям я верен — вот мой ответ.

Сей мир Насими покинул, ушел он, исчез бесследно,
И потому его слово звучит, как святой завет.

Я БЫЛ НАПОЕН

Я напоен был хызровой водой.
Из милых губ испил воды живой.

Я на лице любимом семь айятов
Прочел из книги древней и святой.

И солнце, и луна горят — я понял, —
Покуда свет воспринимают твой.

Я понял: оживляет оба мира
Ни что иное — смоль косы тугой.

Чтоб видеть то, что нам дано увидеть,
Скорей проснись, скорей глаза раскрой.

Святоша, сбрось скорее власяницу,
Она — раздел меж богом и тобой.

С базара четок и ковров молеальных
Беги, как можно дальше, в край любой.

Из родника прекрасных уст любимой
Живую воду пей и песни пой.

Кто не пленен любимым взглядом чьим-то?
На свете есть ли человек такой?

Я, Насими, аллаха вопрошаю,
Но безответен мой вопрос простой.

ПОКАЖИ СВОЙ ЛИК НЕБЕСНЫМ

Кто твой стан сравнил с алифом, тот достоин осмеянья.
Пусть влюбленные оставят о тебе свои мечтанья.

О душа, остерегайся ты коварства сероглазой,
Помни, скромница искусна и в притворстве и обмане.

Кудри ей легли под ноги шелковистой пеленою.
Попирает легкой ножкой жизнь людей без содроганья.

Сбрось густое покрывало, покажи свой лик небесный,
Пусть вселенная увидит бога лучшее создание.

Знай, душа, богатство мира для того гроша не стоит,
Кто мечтает безрассудно о возможности свиданья.

Месяц в небе истончился, чтоб с твоей сравниться бровью,
Превзойти тебя желая, изошла луна сияньем.

Насими, в глазах любимой скрыт исток твоей печали,
В черных родинках таится объяснение страданья.

ГДЕ ДРУГ ТАКОЙ?..

Где друг такой, что даст пример, как безраздельны слово с делом?
Где та подруга, чей посул и честь встанут в единстве зрелом?

Где тот, кто истину признал и кто правдив в своих поступках?
Где муж, чьих губ не тронет ложь в своем решении скороспелом?

Где тот, чье сердце каждый час без всякой фальши обходилось?
Где тот на свете человек, что пренебрег динаром целым?

Где тот на свете человек, кто бы сознался откровенно,
Что он не отрицал других, что был в своих деяньях смелым?

Где тот на свете перламутр, в котором тысяча жемчужин,
Чтоб он сиял, чтоб он блистал своим непогрешимым телом?

Где человек, кто, как Мансур, любил бы истинную правду?
Чтобы любовь его была смела — на зависть оробелым?

Где тот влюбленный в правду муж, что не кривил своей душою,
Кто истину видал в лицо и был ее ловцом умелым?

Где тот, кто трезвым от вина неведенья жил в этом мире,
Кто в обществе беспечных был, но не был сонным, осовелым?

Где тот, кто верен слову был, чей уговор был непреклонен,
Кого бы я назвать сумел в правдивости неустарелым.

Где тот на свете человек, который бы сказал открыто,
Что тысячи скрывает тайн в своем он сердце огрубелом?

Когда ты с другом, Насими, нашел желанное единство,
Не страшно жить среди чужих — хоть много их на свете белом.

Я — БОЖИЕ СИЯНЬЕ

Я — божие сиянье, райский сад,
И ангел я, и страж у райских врат.

Я — «каф» и «нун», начало всей вселенной,
Сура корана и ее аяят.

Я — жизнь и смерть, я то, что ограждают,
И сам ограда, крепче всех оград.

Я — речь людей, и то, что в речи скрыто.
Я — дом, где люди бодрствуют и спят.

Я — тайна мира, сила и бессилье,
Я тот, кого увидеть все хотят.

Я — и ковчег и Ной, смерть и спасенье,
Потоп, бушующий сто дней подряд.

Я наблюдаемый и наблюдатель,
Я свет и темень, я — и стар и млад.

Раб и хозяин я, богач и нищий,
И ученик я, и его уstad.

И кравчий я, и чаша круговая,
Я сразу и вино и виноград.

И явен я и воплощен во что-то,
И скрыт я где-то, словно тайный клад.

Я — и Мансур, и петля для Мансура,
В потустороннем мире рай и ад.

Меня — источник боли и блаженства —
И проклинают и благодарят.

Я — судный день, я — Исафил с трубою,
В которую три раза протрубят.

Уродство я и красота земная,
Боль и услада, слаще всех услад.

Синай, где Моисей увидел бога, —
Кусты, что не сгорают, хоть горят.

Правитель Чина, император Рума,
Я — раб и царь, и друг и супостат.

Евангелъе, коран, псалтырь и тора,
Я — грамота раба, и мед, и яд.

И океан, и жемчуг океана,
И цель и средство, я — и враг и брат.

Я — прославляемый, и тот, кто славит,
Меня поносят и боготворят.

Я — лекарь, и недуг я, и леченье,
Я тот, кого возносят и клеймят.

Я — Насими, во мне виденье бога,
Я — свет небес, восход я и закат.

ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ

Живет в моей душе любовь к красе извечной.
Предвечная любовь любовью станет вечной.

Тот, кто познал себя, тот господу познал.
Познание бога — вот на свете путь конечный.

Святоша уксус пьет, не ведая того,
Что взгляд любимой — вот напиток безупречный.

Ханжа отверг любовь и этот бренный мир,
А мир обрел в глазах возлюбленной сердечной.

На свете лишь слепец тобой не восхищен.
Не ценит он красоты живой, хоть быстротечной.

Тот, кто не чист в любви, кто не любил вовек,
Не друг твой, он никто, ничто, как первый встречный.

А мне, как в сердце нож, вошла твоя любовь,
И от любви своей больной я и увечный.

И хоть я, Насими, суть вечности постиг,
Но все же близок час мой смертный, путь конечный.

ПОХОДИТ

Лицо твое на вешний сад походит,
На сад, когда цветет гранат, походит.

С тобой разлука наша на шипы,
Что уколоть нас норовят, походит.

Твой лик божественный — аллаха лик.
На взгляд всевышнего твой взгляд походит.

Благоухание твоих волос
На амбры сладкий аромат походит.

На солнце светлый твой походит лик
И на восход, и на закат походит.

Нет на земле похожих на тебя,
Хоть, может, кто-то, говорят, походит.

Твои ресницы на лихих людей,
На тех, что по ночам шалят, походит.

Факих — святоша глупый, на осла,
Как будто бы на брата брат, походит.

Факих не радуется ничему,
Он на вместилище утрат походит.

Моя любовь на полную луну,
На звезды, что в ночи горят, походит.

Сам Насими — сокровище, и он
На жемчуг, на бесценный клад походит.

МОЕЙ ПЕЧАЛИ ДЫМ

Я — раб, перед тобой я замер недвижим,
Но что моя любовь завистникам моим?

Огонь волос твоих дотла меня сжигает.
И в небо вознесен моей печали дым.

Печаль моя светла, и мне огонь мой сладок,
Хоть я в огне любви страданием томим.

Глаза твои, твой взгляд — вот мой коран священный.
Ты — все, что слышим мы, и все, что говорим.

На свете лишь любовь, в которой мы сгораем, —
Вот к вечности наш путь, да будет он прямым.

Огонь своей любви пытался я исчислить,
Но я оставил счет: огонь неисчислим.

Что обещать судье, судящему влюбленных?
Небесный судия к посулам глух земным.

Не надо между «кто» и «что» искать различье.
Все «кто» и «что» живут источником одним.

О Насими, иди, врагов не замечая,
Ведь внушена любовь нам господом самим.

ОТКУДА ЗНАТЬ?

Мир чуден, но слепым откуда это знать?
Мир красочен, но им откуда это знать?

Покуда ты живешь, считай, что мир прекрасен.
Поскольку неживым откуда это знать?

В былые дни Мансур свой век окончил в петле.
Что он познал, другим откуда это знать?

Что ведает Лейла, то ведомо Меджнуну,
Всем людям остальным откуда это знать?

Твой животворный лик подобен базилику,
Но чудищам земным откуда это знать?

День страшного суда и правда будет страшен.
Мы темны, нам, таким, откуда это знать?

О гуриях в раю спроси людей безгрешных,
Нам, грешникам мирским, откуда это знать?

У грешников спроси, сколь страшны муки ада,
Блаженным и святым откуда это знать?

О Насими, твой вздох — дыханье Моисея,
Но недругам твоим откуда это знать?

В разлуке мы с тобой, и много дней горю я и сгораю.
Мечтаю о тебе, и все сильнее горю я и сгораю.

Меня зажег огонь твоей любви, огонь мгновенный,
И кровь сочится из моих очей, горю я и сгораю.

Но мы разлучены, и жжет меня огонь разлуки,
Доселе не было таких огней, горю я и сгораю.

Ты и сама светильником была, сама горела,
И с той поры мне, что ни день, больней, горю я и сгораю.

И в том, что я горю, не виноват ни зной, ни ветер.
Не от стихий, лишь от любви своей горю я и сгораю.

И черный дым горенья моего до неба взвился.
Смотри: издалека огонь видней, горю я и сгораю.

Нет, мой огонь не тайна для тебя, одна ты можешь
Унять его или разжечь сильнее, горю я и сгораю.

Смеются люди: страждет Насими из-за любимой.
И люди правы: думая о ней, горю я и сгораю.

Сокровищница вдруг передо мной открылась,
И стал прекрасен мир, земля обогатилась.

Все яхонты в горах и жемчуга в морях —
Сокровищницы той ниспосланная милость.

Ценой сокровищ тех был сотворен весь мир,
И от ее щедрот земля преобразилась.

Пред тем, кто приобщен к сокровищнице той,
Открылся божий рай, суть истины открылась.

В сокровищнице той сокрыт исток всего,
Что минуло давно и что едва родилось.

То сердце, что нашло себе кумир другой,
Погрязнуло в грехах, в пустынях заблудилось.

И здесь и в мире том — с тобою мы во всем,
И в том, что видит взгляд, и что от нас сокрылось.

Мой друг, сей мир един, и потому живи,
Но так, чтобы твоя душа не раздвоилась.

И горе, брат, тебе, когда твоя душа
В сей истине святой однажды усомнилась.

Та истина верна, пока стоит земля,
И солнце над землей навек не закатилось.

СНИТСЯ МНЕ ТВОЙ ЛИК

Пред сладостью твоих невиданных красот
Несладким сахар стал, горчит сладчайший мед.

Коасивую, тебя с богоподобным ликом
Над племенем людей аллах да вознесет.

О волосах твоих я грежу каждой ночью
И снится мне твой лик, едва рассвет встает.

У тех, кто не пленен твоею красотой,
Две дырки вместо глаз, на месте сердца — лед.

Был выточен в свой час твой стан рукою божьей,
Твой взгляд зажег аллах, твой взгляд нам сердце жжет.

Слова твои — вино или вода живая.
Мне б должно их воспеть, да слово не идет.

И если о тебе сказать мне надо кратко,
Скажу: ты все взяла от божьих щедрот.

Любимая моя, ты да пребудешь в мире,
Хоть прахом станет все, что на земле живет.

Ты истину познай, в ней смысл всего земного.
Все семь материков ее питают плод.

Суть истины во всем, что живо или мертво,
Во всем, что вянет здесь или еще цветет.

Будь мудрым, Насими, будь с истиной единым.
От двойственности нас сомнение грызет.

Когда двоится дух, бываем мы жестоки,
И вечное добро к себе нас не влечет.

Во тьме я твой увидел лик, хвала аллаху!
И от души исторг я крик: «Хвала аллаху!»

Что было определено, все совершилось.
Твой образ предо мной возник, хвала аллаху!

До нашей встречи чем я был? Зато я ныне
Джемшид или его двойник, хвала аллаху.

Кто победил, кто побежден, не все равно ли.
Я к чаше радости приник, хвала аллаху.

Взошла звезда моей судьбы, и ты явилась —
Единственная из владык, хвала аллаху.

Как иксендеровы гонцы в песках пустыни,
Я Хызра отыскал родник, хвала аллаху.

Я от тебя услышал весть и предо мною
Лег твоего сиянья блик, хвала аллаху.

В величьи милости своей ты вдруг раскрыла
Мне сокровенный свой тайник, хвала аллаху.

Своей Каабы ты врата передо мною
Открыла вдруг — аллах велик, хвала аллаху!

Как в радости нуждался я, искал покоя!
С тобой покой обрел я в миг, хвала аллаху.

И ныне в речи Насими печать Мессии.
Я ныне истину постиг, хвала аллаху!

На свете истина одна: та истина — мы сами.
Мы суть всего, что в мире есть над нами и под нами.

И чтобы истину узреть, ее не сторонитесь,
Глядите ввысь или вокруг влюбленными глазами.

Быть может, каждый из людей сокрыт покровом тайны,
Как лучезарная звезда, что скрыта облаками.

Кем были, тем остались мы, кто есть мы, будем теми ж.
И в этом мире, и в другом, и в кабаке, и в храме.

Немало нитей и путей, и верных, и неверных,
Но вешний мир вовек един, единственны мы с вами.

В нас обитает дух святой и благодать Синая,
Где удивлял Муса людей своими чудесами.

Смешалось в нас добро и зло, уродство с красотою,
Не где-то вне, а в нас самих все: и вода и пламя.

Хотите мудрецами быть, спешите, чтоб скорее
Познанья двери отворить, что за семью замками.

Как все, и ты, о Насими, единственный на свете,
Кружишься, словно колесо, между двумя мирами.

Ты в сердце у меня, хоть вместе мы, хоть врозь.
Вглядись и ты поймешь, что мне стерпеть пришлось.

Поймешь ты, что и до и после нашей встречи
Моих кровавых слез так много пролилось.

Что там: твое лицо иль, может быть, виденье?
Все у меня в душе смешалось и сплелось.

И озарила тьму надежда на свиданье,
Хоть увидеть тебя мне вновь не довелось.

Хоть снова твоего лица я не увидел,
Твой и сокрытый взгляд пронзил меня насквозь.

Несчастливо для нас светил расположение,
Но ты приди ко мне, все позабуди, все брось.

И пусть подолгу мы не видимся с тобою,
Нас людям разлучить еще не удалось.

О том, как любим мы, враги и те узнали,
И, может, потому их безгранична злость.

Но что, о Насими, все козни, все наветы,
Коль солнце над твоей главою занялось?

Хоть сотней мук терзай влюбленных — любви их не грозит страданье.
О, разве сердцем откажусь от той, что мне чинит страданье?

Что ж, мучь меня любою мукой — таков возлюбленных обычай —
Влюбленным причинять мученья. Душа являет вид страданья.

На свете я живу надеждой, что ты мою мольбу услышишь,
И жизнь моя проходит в плаче, и, как огонь, горит страданье.

Любовь моя, не изумляюсь, что ты мои не видишь слезы.
Ведь ты — шахиня красоты, а мне — лишь тьма обид, страданье.

Ты дорога мне, словно жизнь, так дорога и драгоценна,
Что я терплю из-за тебя и эту боль, и стыд, страданье.

Зачем своим нещадным взглядом мне кровь из сердца проливаешь?
От этих глаз твоих познал я, заплакавший навзрыд, страданье.

Мое ты сердце унесла: «В руках держать я буду сердце!»
А как удержишь, если в нём, умыкнутом, кипит страданье?

На верность милой Насими уже надеяться не смеет.
Как верность сохранит мне рок, коль эта жизнь сулит страданье?

РАЗЛУКА МОИ БЫЛОЙ ПОХИТИЛА ПОКОЙ

Разлука мой бывлой похитила покой,
Расставшийся с тобой, я плачу день-деньской.

Что я за жизнь свою плохого сделал людям?
Нет края, нет конца жестокости людской.

Счастливым я считал светил расположение,
Но враг наш не дремал, нас сглазил глаз дурной.

Ужель аллах создал тебя столь совершенной
Затем, чтобы мой час приблизить роковой?

Свой век из-за любви Мансур окончил в петле,
Мне тоже петлю вьют, и мой удел такой.

От хмеля губ твоих хмелен я и поныне,
И отрезвит меня лишь тот же хмель благой.

Слияние с тобой моей весною было,
Я памятью живу своей весны бывлой.

Кто идолов творит, тех я не порицаю,
Я в том же грешен сам, прекрасен идол мой.

С любимой в двух мирах счастливыми мы были,
Блаженство двух сердец разбито чьей рукой?

О родинках ее у Насими спросите,
Поскольку счет им вел он и никто другой!

БЕДА ЛЕТИТ ВОСЛЕД

Беда летит вослед за бедным мотыльком,
Я ночью слезы лью, я горько плачу днем.

Мы платим за любовь своей душой, я тоже
Пожертвую душой, не пожалев о том.

О проповедник, брось рассказывать нам сказки,
Сначала нас пойми, а поучай потом.

Взамен вина я пил любовь из полной чаши,
Я сладко опьянен своим хмельным питьем.

Коль правда, бог везде, скажите, чем отличен
От храма божьего любой питейный дом?

Должно существовать на свете то, что любит,
Пусть существует то, что быть должно вдвоем.

Любимая моя, пытался я осмыслить
Твой каждый волосок над белоснежным лбом.

Но, кудри распустив, ты крепко привязала
Влюбленного меня к себе тугим узлом.

И ныне завершил познание абджада
Я, Насими, мечтой об облике твоём.

Я БОГОМ СОТВОРЕН

Я богом сотворен и сам я — бог.
Святой огонь, святого духа слог.

Я — книга судеб, спутник Джебраила,
Я — Исрафил, что протрубил в свой рог.

Во множестве я доказал единство,
Я, как Муса, и праведен и строг.

Я — зритель сам — стал зрелищем для многих,
Не удалось мне скрыть своих тревог.

Любимец неба, я благоустроил
Ту землю, где поставил свой чертог.

Я — дух и тело, суть и оболочка,
Я — форма, содержания залог.

Нет хуже бедствия для нас, чем слава.
Я брэнной славы избежать не мог.

В семи краях земли я стал Джемшидом,
Стал богдыханом, чей престол высок.

Чтоб в должный час свершал я омовенья,
Стекает с неба на меня поток.

Как суфий, я аллаха восхваляю,
Святое имя я себе нарек.

И все ж огонь любви меня сжигает,
Я им охвачен с головы до ног.

И счастлив Насими лишь тем, что любит,
Что пламени любви себя обрек.

ЗАЧЕМ ТЫ ИЗБРАЛА?

Зачем ты избрала, душа, моя основа,
Обителью своей меня, а не другого?

Как сущность мне твою, твой облик описать,
Чтоб знать: ты сплетена из волокна какого?

Где б я ни пребывал, всегда, моя душа,
Ты истину твердишь, хоть истина сурова.

Куда я ни иду, на что я ни смотрю —
Обличье ты и суть явления любого.

Откуда ты взялась и где ты родилась?
Или спустилась ты из края неземного?

И даже божий трон, тобою сотворен,
Тобой сотворено все, что старо и ново.

Страдалица душа страдальца Насими,
Как сладостно твое, как первозданно слово!

ТВОЙ ОБРАЗ ВСЮДУ ПРЕДО МНОЙ

Твой образ всюду предо мной, но встречи час не скор.
В разлуке горестной горю, как медленный костер.

Перед невеждой тайн души не вздумай раскрывать,
Понять их избранным дано, так было до сих пор.

Во тьме погрязший, познавай аллаха своего.
Знай, что невежество — болезнь, сними с души позор.

А тот, который исцелить не хочет свой недуг,
Будь он Рустам или Сохраб, мой стих ему в укор.

Земное краткое житье милей, чем вечный рай.
От наслаждений не беги, не верь в загробный вздор.

Иисус и Хызр, узрев тебя, воскресли бы опять,
Увидев яхонт этих уст, живой и кроткий взор.

Ведь если чьей-нибудь душой владеет образ твой,
Тот одержим, как будто джин там крылья распростер.

Любовь к тебе легка тому, кто в сеть не угодил,
Тех, кто запутался в силках, душевный ждет раззор.

Стремится сердце встретить ту, которую люблю, —
Неисполнимая мечта — суров ее отпор.

Пусть на ристалище любви сильнейший победит
И малодушных трусов ждет жестокий приговор.

Не может тот султаном стать, кто бедность не познал,
Кто не был дервишем простым, тот не султан, а вор.

Готов я муку от тебя, любимая, принять,
Но будь верна в своей любви, исполни договор.

Прельщаться женской красотой, твердят иные, грех,
Но взгляд влюбленного всегда пристрастен и остер.

Гордыней дьявол обуян, побит камнями он.
Знай, милосердие души — красавицы убор.

Тот не духовен, будто зверь, кто не влюблен в тебя.
Ты излучаешь ясный свет, как звезд небесный хор.

О Насими, неколебим ты в верности своей.
Блажен, кто верит, не ведя с самим собою спор.

ВСЕ СУЩЕСТВО МОЕ ЛЮБОВЬ. КАК ГОРОД, ЗАНЯЛА

Не слезы льются, льется кровь из глаз моих опять.
Тоскую по тебе, хочу сладчайшую обнять.

Все существо мое любовь, как город, заняла,
И слава городу тому, где ангелу витать.

Твоих бровей, твоих ресниц открылась мне краса.
В сиянье лика твоего — корана благодать.

Ты сердце забрала мое, оно, что тот бутон,
Чья глубина кровоточит, обречена молчать.

Тебе, как светочу, дано светить мне на пути,
Разлуку встречей заменить, завистливых сжигать.

Захочет гурия тебя затмить своей красой —
Яви свое сиянье ты, и ей уж не сиять.

Душа возжаждала моя тебя увидеть вновь,
Меня разлука извела, что гибели под стать.

Хоть образ твой волнует кровь и горячит мечту,
Но мне разлука, что беда, и с ней не совладать.

С тобой в разлуке слезы лью, которым несть числа,
Не слезы это, а поток — его не обуздать.

Кто Насими смог разлучить с любимую его —
Да будет проклят: тяжкий грех влюбленных разлучать.

«Обманна красота» — вот верное реченье.
Кто не любил из нас и кто не знал мученья?

Любовь сулит беду, бегите прочь скорей,
Не может в мире быть любви без огорченья.

Путь к собственной душе — вот самый чистый хадж,
Кто не свершил его, не знает очищенья.

И все-таки того, кто не пленен тобой,
Пусть поразит болезнь, от коей нет леченья.

И если он пленен красавицей другой,
Тот недостойный муж достоин сокрушенья.

Ты — в небесах луна, ты всех светил светлей,
И солнце пред тобой померкнуло в смущеньи.

Тому, кто терпит боль, лишившись всех надежд,
Твои уста сулят надежду исцеленья.

Спасение мое, ты — свет надежд моих,
Пошусь я и молюсь, в сомненьи целый день я.

Китайский идол мой, ты мне приносишь боль,
И все же твоего в том нету прегрешенья.

Несовершенен мир, но нет ему конца.
И только жизнь людей стремится к завершенью.

Несчастный Насими утратил свой покой,
И все-таки любовь дана ему в даренье.

Вода живая, в блеске губ ты, как родник, сокрыта.
Уста — ларец, и перл зубов в нем как тайник сокрытый.

Ты молвишь слово — и уста лишь приоткроют тайну,
А тайна тайн, чтобы никто к ней не проник, сокрыта.

Душа моей души — с тобой, и, по тебе горя,
Я рад душой — твоя душа в ней каждый миг сокрыта.

Лукавый взор твоих очей мне тайно ранит душу,
И кровь течет, а раны нет, и явь улик сокрыта.

Когда во мрак твоих кудрей ты прячешь лик — не диво:
Из-за завесы тьмы луна блеснет — и вмиг сокрыта.

О лекарь, и не тщишь лечить мое больное тело:
Страдание любви в душе у горемык сокрыто.

С мученьями любви к тебе дух Насими смирился:
В них сила исцелять недуг, что нас постиг, сокрыта!

ЗАЧЕМ?

Коль нет тебя, мне небосвод зачем?
Мир этот или даже тот зачем?

Тянусь я лишь к тебе, и без тебя мне
Все то, что вянет иль цветет, зачем?

У бога нет примет, лишь ты — примета.
Мне красота других красот зачем?

Твой чистый взгляд я вижу в каждом взгляде.
Все так, и доказательств гнет зачем?

Я за тебя бы отдал оба мира,
И думать, что нас дальше ждет, зачем?

Я — Насими, тобою опьяненный,
Мне кабала других забот зачем?

ТЫ — МОРЕ-ОКЕАН

Ты — море-океан, он предо мной шумит.
Ты речью — сельсебиль, душою ты — гранит.

Ты всех людей слепишь, в час твоего свеченья
На небе нету звезд и солнце не горит.

Бровей изгибы — лук, твои ресницы — стрелы.
Стрела в груди моей, и грудь кровоточит.

Из-за волос твоих я столько мук изведаль,
Пусть сосчитает их тот, чья душа болит.

Я за любовь свою отдам и мир и душу,
Иначе в царство тьмы любовь их превратит.

Ресницы ты свои построила, как войско,
И никакая рать пред ним не устоит.

Любви в наем навек свое я сердце отдал,
Хотя наш договор мне счастья не сулит.

Ее, о Насими, ты тайны не постигнешь,
Но символы ее бровей — твой верный щит.

КРОЕТСЯ

В коралловых устах прохлада рая кроется,
И на твоих губах вода живая кроется.

Хоть с губ твоих порой слетают птицы слов,
В них сокровенных тайн, я знаю, стая кроется.

Владычица моя, в моей душе больной
Давно твоя душа, меня сжигая, кроется.

Пустила ты стрелу, и рана с той поры
На сердце у меня, меня терзая, кроется.

В тени твоих кудрей сияет светлый лик,
Так в облаках ночных луна, мерцая, кроется.

Я, Насими, постиг: в тебе болезнь моя,
Но и в тебе мое лечение, знаю, кроется.

Лечи меня, мой врач, иль вовсе откажись,
Поняв: во мне болезнь чрезмерно злая кроется.

НАРЕКЛИ

Твое шарабом жители земли
И слово и молчанье нарекли.

Уста твои влюбленные поэты
Душою с обожаньем нарекли.

С луной сравнили кудри, и свечою
Твоих ланит сиянье нарекли.

Твои слова усладою для слуха
Те, что не чужды знанья, нарекли.

Сладчайшим в мире мускусом китайским
Твое благоуханье нарекли.

А красоту лица небесным солнцем
Во дни солнцестоянья нарекли.

Твоих ресниц отточенные стрелы
Источником страданья нарекли.

Твой лик — лик божий, и дыханьем бога
Не зря твое дыханье нарекли.

Свет истины, знай, что своим законом
Мы все твои желанья нарекли.

О, Насими, жемчужинами речи
Твои слова признанья нарекли.

ШЕРБЕТ ТВОИХ РЕЧЕЙ

Как жаждущих ручей, так страждущих влечет
Шербет твоих речей, твоей улыбки мед.

Все жаждут губ твоих раскрытую фисташку,
Краса твоя влечет всех, кто еще живет.

Тюльпан и базилик стоят поникши в поле:
Им красота твоя покоя не дает.

Сладчайших губ твоих возжаждали в печали
И сахар тростника, и сладость полных сот.

Любимая моя, ужель ты жаждешь крови,
Ужель не видишь ты, как кровь моя течет?

Ты пожалей меня, свой гнев смени на милость.
Лишь доброты твоей в тебя влюбленный ждет.

Я болен, я пропал, а у тебя лекарство.
Ты принеси его, оно меня спасет.

Приди и приложи к глазам моим скорбящим
Прах от своих подошв, о кладезь всех красот.

Брось в море, Насими, слова свои, там жемчуг
Чем милая твоя, тебя скорей поймет.

СПИТ В ВОЛОСАХ ТВОИХ

Спит в волосах твоих ночь предопределения,
В лице твоём — рассвет, а значит — дня рождение.

Во влаге губ твоих спит хызрская вода
И в блеске глаз хмельных сокрыто искушение.

Написан на твоём лице святой коран,
Ничтожны потому о нём мои реченья.

Больна моя душа от сладких губ твоих,
От них моя болезнь, но в них — мое лечение.

Твой лик — мекканский храм, глаза — питейный дом,
Но и питейный дом — не божье ли творенье?

До тайн людской любви нет дела никому
И самый тяжкий грех — сей тайны разглашение.

Не знает этих тайн ни мистик, ни аскет,
Пусть тайну сохранит тот, кто познал мученье.

Что самый сладкий мед пред сладостью твоей,
Пред нею и набат достоин посрамленья.

Прозваньем Насими меня нарек сей мир,
И в имени моем — сокрытое значенье.

В себе я уничтожил все живое и смог оставить суть свою,
И в этом отрицании суровом свое бессмертье узнаю.

Признание, что есть иное средство и есть признание двух начал,
Зачем же думаешь, что есть другие, что есть другой в земном краю?

Ты порождение вечности, и знаешь, что вечность не исчезнет, нет.
Как докажу, что эта вещь — навеки, и вечность бережет мою?

Он правоверен, он твое спасенье, владыка среди всех владык.
Узри свой лик, узреть меня желая, каким себя я признаю.

Мне б созерцать твой лик, твое сиянье, твой вечный бесконечный свет,
Твой ясный свет мне за подол схватить бы, и вправду, он как флаг в бою.

О, ты, предвечная любовь, любовью свою сжигал я душу, — сжег,
Какое диво — о тебе пою я, и так — огонь с водой пою.

Какое диво — я пою о ветре, о воздухе пою я песнь.
А вот сдастся мне, что пью вино я, дарующее жизнь я пью.

Мое вино с моей смешалось пищей, и я вкушаю эту смесь.
Любовных мук не знаю мук тяжеле, а я им душу отдаю.

Что за мученье ты, что за страданье, что за соблазн и маята!
Что за напасть, что за беда такая, я так смертельно устаю!

Я болен от любви неизлечимо, я весь, как есть, в нее ушел.
Но в ней мое желанье и стремленье, но в ней отрада, как в раю.

Есть, Насими, зефир кудрей пахучих, что похищает нас самих.
Не удивляйся, что ей служат люди и видят в том судьбу свою.

Твои уста с твоей душой сравнили, верно ль это?
С луною лик прекрасный твой сравнили, верно ль это?

О жемчугах твоих спросил и о твоих рубинах.
Их с вечной хызровой водой сравнили, верно ль это?

У праведников я спросил, спросил людей бывалых.
Твой облик с божью красой сравнили, верно ль это?

Боящиеся красоты святоши и аскеты
Тебя с проклятым сатаной сравнили, верно ль это?

В стране волнуется народ, сомненье выражая,
Что с лотосом твой стан прямой сравнили, верно ль это?

Назвали райским облик твой, лик цветником назвали,
С чудесной розой неземной сравнили, верно ль это?

Мужи, постигшие земли и неба откровенье,
Твой облик с истиной святой сравнили, верно ль это?

Кто я? — страдалец Насими; мудрейшие из мудрых
Меня с расстроченной казной сравнили, верно ль это?

Ты — жемчуг тех морей, что носят имя «Суть».
Я буду мотыльком, а ты свечою будь.

Склонен я пред твоим богоподобным ликом.
Ты — Мекка красоты, такой и впредь пребудь.

Жемчужница — наш мир, ты в ней прекрасный жемчуг,
Достал его лишь тот, кто в море мог нырнуть.

Мне сердца из цепей твоих волос не вырвать.
Безумцам ведь нельзя свободу вновь вернуть.

В развалинах души или в руинах сердца
Запрячу я любовь, уж ты не обессуди.

Чем на пиру любви меня ты опоила,
И протрезвиться я смогу ль когда-нибудь?

Ты задаешь вопрос, что хмур я и печален?
Я говорю, что мне любовь сжигает грудь.

Я объясняю, что за счастье быть с тобою
Согласен жизнь отдать и вечным сном уснуть.

В усердии своем аскет велеречивый
Твердит, что нет любви, но нас не обмануть.

Твой лик и твой порог — Кааба правоверных,
И мне удастся ль твой порог перешагнуть?

В тебе я, Насими, увидел облик бога.
Ты — истина моя, к ее познанию путь.

Смысл находящие в хмельном — все это мы.
Вчерашним пьяные вином — все это мы.

Мы ключ нашли к сокровищам небесным,
Кааба и питейный дом — все это мы.

И здесь опьянены речами кравчих,
И счастливы на свете том — все это мы.

Певучий ней, и звонкий чанг, и бубен,
И песня, спетая с трудом, — все это мы.

Всезнающая праведная птица,
Что кружит над своим гнездом, — все это мы.

Сжигающий дотла амбар неверья,
Карающий небесный гром — все это мы.

Постижь стремящиеся сущность бога,
Трон царский во дворце чужом — все это мы.

И отраженье божьего сиянья,
И этот мир, и время в нем — все это мы.

И хоть безбрежны мы и беспредельны,
И берег и предел во всем — все это мы.

Лик вечной истины и свет единства
И в нашем мире и в другом — все это мы.

СУТЬ БОЖЬЯ В НАС С ТОБОЙ

Суть божья в нас с тобой с рожденья проявилась,
Мы — чаша Джема, в нас жизнь мира отразилась.

Все жаждущие, вы идете, ибо здесь
Земное бытие живой водой пролилось.

Есть в мире только бог, и больше ничего,
Сними покров с лица, чтоб истина открылась.

Но мы есть бог и мир, мы тленья избежим.
Мы — все, что на земле, все, с чем земля сроднилась.

Прочь двойственность откинь, чтоб божие лицо
Явилось пред тобой или во сне приснилось.

Всесильный шахиншах и немощный бедняк —
Все нищи мы, нам всем нужна любовь и милость.

Кем ни были бы мы, мечтаем об одном:
Чтоб птица радости над головой кружилась.

И ты и я — суть бог, единство с богом — мы.
Мы — солнце, что в свой час из мрака появилось.

Не задавай вопрос: что, как и почему?
Так захотели мы — и все преобразилось.

И знай, святой ходжа, что солнце веры — мы,
Мы — истина, мы — суть, чтоб с нами ни случилось.

О КРАВЧИЙ МОЙ, С ТОБОЙ МЫ ПРЕУСПЕЛИ

О кравчий мой, с тобой мы преуспели
В любви равно, как и в питейном деле.

Чернеют зерна родинок твоих,
Они, чернея, сердце мне задели.

Свидание с тобой — вот цель моя.
Я все отдам для достижения цели.

И ты, аскет, сегодня пей вино,
Слова святош давно уж устарели.

Ты мир и душу посвяти любви,
Все позабудь, о чем твердил доселе.

Не говори так много о любви,
Слова пустые людям надоели.

Ты мотыльком лети к своей свече,
Кружи, куда крылья не сгорели.

Жемчужины зубов — ключ от дверей ее.
Замка не отомкнешь ты неужели?

Пусть будет сердце, Насими, твое
В тенетах, что тобою завладели.

Безумцам, нам и должно быть в цепях,
А не свободными, как мы б хотели.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

Добрый день, души отрада, будь со мною, добрый день!
Сладкоустый друг с красою неземною, добрый день.

Твои губы — чаша Джема, благовонный дух святынь,
Красота твоя, как море глубиною, добрый день.

Без тебя для сердца нету в этом мире ничего:
Ты мне — разум, дух и тело — все земное, добрый день.

Ради ангельского лика жизнь я в жертву принесу.
Говорят: «Проливой крови — кровь ценою!» — Добрый день.

Подошла ко мне, лукаво: как, мол, жив ты, Насими?
Добрый день, души отрада, ты — со мною, добрый день.

СЖИГАЕШЬ ТЫ МЕНЯ

Сжигаешь ты меня, нет больше сил терпеть,
Но мотыльку в огне и надлежит гореть.

О ты, пред кем луна сама себя стыдится,
В огне твоей свечи так больно пламенеть.

Все в волосах твоих: и вера, и неверье,
Все, что давно прошло, и все, что будет впрямь.

В зеркалах глаз твоих мы стали отраженьем.
Кто усомнился в том, сам может посмотреть.

О, милая, твои глаза — две чаши винных,
Они передо мной, как мне не охмелеть.

Протягиваешь губ божественную чашу,
Но без того я пьян, зачем сильнее пьянеть?

Пусть стоит двух миров с тобой мое свиданье,
Я все отдать готов, от счастья умереть.

Обителью любви руины сердца стали,
Развалины мои и те попали в сеть.

Кто не безумен был, все в плен к тебе попали.
Несчастный Насими, я мог ли уцелеть?

Мудрое слово твое — жемчугов драгоценней,
Место сошествия Гавриила — твое откровенье.

Словно вино Коусера, светлы и прозрачны,
Блещут водой родниковою стихотворенья.

Чуден твой слог. Твоего красноречия перлы —
Это само по себе уже чуда творенье.

И подтверждает, что к Истине ты приобщился,
Истинность веры обоих миров, их вращенье.

Есть убежденность в тебе, значит, ты — правоверный,
Ибо предвечная вера и есть убеждение.

Ты правоверен затем, что в тебе убежденность.
Стал ты таким — это истинной веры горенье.

Я, Насими, всех друзей поздравляю от сердца
И приношу я влюбленным свои поздравленья!

Совет врача — лечение для больного,
Для любящих лечение — милой слово.

Твои глаза — коран, и на земле
Есть лишь любовь и ничего иного.

Тот знает боль и горести любви,
Кто хочет встретиться с любимой снова.

Влюбленные, пожертвуйте собой,
Сладка любовь, хоть боль — ее основа.

Когда аскет твердит, что нет любви,
Не слушайте речения пустого.

Там, где не любят, властвует шайтан,
Тех, кто не любит, бог корит сурово.

Наряд аскета сбрось с себя скорей,
Надень атлас, пусть заблестит обнова.

Нет, кроме истины, на сей земле
Для Насими понятия иного.

Ясны твои глаза, как лотос, стан прямой.
 Приближен судный день твоею красотой.
 Аллах объединил огонь с водой и небо
 С землею, чтоб создать бессмертный образ твой.
 И тот, кто не живет сегодня лишь любовью,
 Пусть мается всегда: и здесь, и в жизни той.
 Несчастен в мире тот, кто пренебрег любовью,
 Всего лишь камень он, бездушный и немой.
 Не может сатана быть верен человеку:
 Любовью человек живет, пока живой.
 Вне истины никто не достигает цели —
 Ни грозный падишах, ни человек простой.
 На свете только тот, кто любит беззаветно,
 И пьян любимым питьем, и сыт любой едой.
 Последний раб и тот, когда всем сердцем любит,
 С любимую своей — властитель молодой.
 Кто на земле не смог соединиться с богом,
 Соединится ль с ним в юдоли неземной?
 О друг мой, откажись от суетного мира,
 Стань дервишем, иди, люби и песни пой.
 Хоть речи Насими всех жемчугов дороже,
 Я раздаю слова, их может брать любой.

Любимая моя, великий бог сегодня
 На то, в чем суть твоя, мне дал намек сегодня.
 О кравчий, напой святошей и ханжей,
 Идти к святым местам подходит срок сегодня.
 Твоя краса спит, и мы должны с тобой
 Идти, чтоб принести любви зарок сегодня.
 Нам чистая вода ниспослана с небес,
 Отмой же грязь с лица и рук и ног сегодня.
 Кто за любовь свою не отдал целый мир,
 Убыток потерпел, и одинок сегодня.
 Два мира отдал я за встречу лишь одну,
 И нету больше бед и нет тревог сегодня.
 Аскет, весь мир стоит на трех китах любви,
 От истины святой ты так далек сегодня.
 Ты слышишь трубный глас, приходит судный день,
 Проснись и подведи всему итог сегодня.
 И вечно суждено в аду гореть тому,
 Кого огонь любви не обволок сегодня.
 Любовью Насими богат, как Сулейман.
 Любовью жизни тьму он превозмог сегодня.

О краса моя, радость, надежда, опора, отрада,
Для меня ты, мой ангел, за муки и беды — награда.

Ты — владычица сердца, ты жизнь моя и мечтанье,
Цель стремлений моих, все, что думаю и помыслам надо.

Луноликая пери, шалунья, восторг, озорница,
Мой жасмин, кипарис, моя роза, изящества чадо.

Совершенство, избранница, чудо любви, диво страсти,
Ты — кумир мой, Кааба, ты — гурия райского сада.

Ты — опора души, моя верность, страданье и мука,
Мой властитель, владыка, ты — кара моя и пощада.

Ты — рейхан благовонный и амбра, душистая роза,
Ты — рубин мой и яхонт, ты — жемчуг и перл, светоч взгляда.

Ты — светило мое, мое солнце, звезда и сиянье,
Эта песнь Насими — твоего, соловьиного лада!

На что ни смотрел бы — отраду в итоге узри,
Куда ни ходил бы — дух светлый в дороге узри.

Что двойственность? Скинь ее душевное покрывало,
Сквозь призму единства любовь и тревоги узри.

От «я» откажись, преврати свое сердце в руину,
Тогда и сокровища мира в восторге узри.

Захид, если хадж совершить ты стремишься великий,
То в сердце влюбленном Каабу ты оком узри.

Глазами души посмотри на источник вселенной,
Что там, кроме бога, хотя б ненароком узри.

Коль можешь лик бога узреть, отыщи тождество ты
Божественной сути, святые истоки узри.

О богобоязненный, сердце отдай ты спасенью,
Престол Милосердного, облик высокий узри.

При жизни убей свою страсть, чтобы спас твоё тело
Божественный дух, в нём дыхание пророка узри.

Мудрец, если мудр, то слова Насими ты услышишь —
В них сам Фазлуллах, в них святые уроки узри!

Тот, кто с тобой добьется встречи, в блаженном ликованье будет.
Кто не добьется — в преисподней, в ненстовом пыланье будет.

С тобой разлука — царство мрака, подобна адскому горенью,
А образ высочайшей встречи святому свету данью будет.

Тот, кто найдет живую воду, свое бессмертье обретает,
А кто пребудет в царстве мрака, сгниет и без дыханья будет.

Когда растают все печали, то знание сменится прозреньем,
И мы поймем, чье сердце здраво и смирно, не в обмане будет.

Покой блаженный тот познает, кто без покоя рвется к встрече,
А не желающий покоя — в мучениях, в страданье будет.

Мне запретить хотел соперник смотреть на вас, прекрасных.
Смотрите, он глур бесчестный, и он без покаянья будет.

Сегодня Насими влюбленный достиг с тобой желанной встречи,
А тот, кто достигает встречи, глядишь, всю жизнь в нирване будет!

«Нет» и «кроме», к тавхиду стремясь, молви эти два слова.
Нет аллаха, кроме аллаха, — святее не выискать зова.

Если праведен, знай, путь к познанию только один:
Отказаться от первого мира, от мира второго.

Если станешь, как мужи единства, правителем бытия,
Как и мы, сможешь небу вручить бремя власти суровой.

Чтобы ведать, как раковина, о глубинах морей,
Жемчуг знаний лови, знай о тайнах жемчужного лова.

И пока ты, как ангел, не знаешь о тайнах имен, —
Ни о них, ни о смысле познания не скажешь толково.

О, когда же в пшеничных колосьях взойдет к небесам
То зерно, что еще не возшло из пласта из земного?

Если ты обретаешь и цвет свой и свой аромат —
Как цветок стилистый, раскинь свой шатер бирюзовый.

Подражатель, не долго тебя ли сомненья когтят?
Откажись от неверных сомнений, они, как оковы.

И пока от своей не откажешься ты головы —
Не коснешься вовек ее локона ты золотого.

Если ты легкомыслен — не требуй великой любви,
Откажись от нетленного мира, подлунного крова.

Насими, тайн божественных не выдавай подлецу,
Нету толка прельщать величавым сияньем слепого.

С Единственным я воедино, я в сущности твоей, Творец.
Во мне предвечной сути знаки, на мне предвечности венец.

Я опален земною страстью, во мне бурлит любви исток,
Но все-таки в потоке этом я — Ной, спаситель и пловец.

Что есть я? Только горстка праха: Да, я из праха и воды,
Но в двух мирах я незапятнан, и знай, что чище нет сердец.

Я откровенье дня и ночи, божественное — в двух мирах.
Я и барат, и кадр священный, я и начало, и конец.

Я абсолютен во вселенной, я рядом с богом, сам я бог.
Я смертен телом: сотворен я, но все равно, я сам — творец.

О да, я — книга, в книге этой я сам — и буквы, сам и слог,
Я сам — калям и сам — чернила, я и пергамент, и писец.

Я — богом посланное слово, я означаю лам и ба,
Я — мудрость свитка, я — наука, я — откровения ларец.

Я и кыбла, я и Кааба, пускай во прахе — но имам:
Я пост, молитва, подаенье, я судия и я истец.

Не будь язычником, несчастный, и жизнь сомненьям не отдай,
Ведь я — айят, коран открывший, рассвета раннего багрец.

Я суть вещей, я Насими, для знающего я — отгадка,
А для незнающих — помеха, стыдись, невежа и гордец!

Кто не достиг с тобою встречи — в тоске, на самом дне находится,
Кто губ-рубинов не касался — у жажды в западне находится.

Твой образ стал моей душою, он в глубь сердца уместился,
И то сокровище — в руине, в печальной глубине находится!

Свечою лика своего ты подожгла мне кровь мгновенно.
О, пламень! Сердце на жаровне, с кебабом наравне, находится.

Забыл я мед, забыл я сахар с тех пор, как на губах надменных
Я вижу нежный твой укор — игры опасней не находится!

И тот, кто в утре изначальном тебя не знал, тебя не видел,
Судьбу теряет — в черных тучах по собственной вине находится.

О тайне опьянения, сердце, не спрашивай ты у захида,
Об этом знает только мистик — она в его вине находится.

Охвачен целый мир смятением: о, эти сонные нарциссы!
Смотри, чуть-чуть дрожат ресницы. Нет, очи не во сне находятся.

Уж если и луна, и солнце в сиянье лика не влюбились,
Так отчего ж любой влюбленный иль тонет, иль в огне находится?

Я поражен и полонен великим совершенством лика,
Хотя он и под покрывалом, пока не виден мне, находится.

Для Насими и бровь, и локон — то нун и джин. В какой же книге
Священнейшие эти буквы, прекрасные вдвойне, находятся?

Моя душа — с тобою встреча, и будет ей душа ценой.
О, так лицо твоё сияет, что из очей — свет проливной.

И кто тебя не называет божественной и милосердной,
Тот бога потерял, несчастный, проходит мимо, стороной.

Твой лик китайский живописец разрисовал, и на зеркале
Нет ни изъяна, ни морщинки, и ржавинки нет ни одной.

Луноподобная, того я назову Джемшидом мира,
Чья чаша чудная — твой образ — отсвечивает мир земной.

Вселенная в ужасной смуте от этих глаз твоих пьянящих.
Сказать мне, что зрачки виновны? Глазное яблоко ль виной?

Двенадцать вписано айятов всевышним в голубые очи.
Являются махсаф с кораном, клянусь, твоей голубизной.

Захид, от этого напитка единства тайна нам известна,
От двойственности откажись, цвет вин — единый, не двойной.

Вот суфий щеголяет в красном, остерегись его коварства,
У лицемеров и в одежде — коварство, только вред сплошной.

Пусть говорит захид: ошибка — лицом любимой любоваться. —
Его предположение — глупость, ошибка, повернись спиной!

Я был — подобие алифа — свободен в том и этом мире.
Теперь я в горести — о горе! — она, как рок, играет мной.

Тебя просил я у тебя, и Насими добился встречи,
И убедился, что молитва достигла неба в час ночной!..

Кто к тебе стремится сердцем — белый свет ему зачем?
Кто отведал райской влаги, мир суёт ему зачем?

Полюбившему не благодать, а твоя любовь нужна,
В страсти — прок, а вред — в аскетстве, этот вред ему зачем?

Кто твою красу увидел, чаровница райских рощ,
Что ему сады Йрема, весь их цвет ему зачем?

Для издевавшего вечность и бессмертие творца
Что за польза в брэнном теле, жизни след ему зачем?

Кто об этом стройном стане страстным помыслом мечтал,
Кипарис, чей ствол меж кушей зря воздет, ему зачем?

Кто твои увидел брови, кто твой лунный лик узрел,
Что ему на небе солнце, лунный свет ему зачем?

Мужу постиженья истин сущность сущего ясна,
Кто спознался с вечной сутью, смута тщет ему зачем?

Насими стал неприметен, нету в нем заметных мег,
Кто в приметы не вместится, знак примет ему зачем?

ВМЕСТЕ С СУРАМИ КОРАНА

— Что вода живая? — Хызра я спросил, — с ней единенье.
О душа твоя! Лишь мистик знает той души свеченье.

В изначальный день твой образ был ниспослан провиденьем.
Вместе с сурами корана — семь их, нету их священной.

Лик божественный твой в мире — он и впрямь подобен солнцу,
Проясняющему тайны мироздания в миг явления.

От твоей красоты великой потерял Муса сознание —
Вот кто, так же, как предвечный, отказал ему в общенье.

О чарующей Каабе у мужей спроси ты чистых,
Видевших ее воочью, испытавших наслаждение.

Тождество души с вселенной — только мудрых достоянье,
Это их души и сердца, сущности их проявление.

Полукружие ресницы — часть божественного счастья,
Двух бровей лукообразных восхитительно сращенье.

Эй, захид, смотри, не путай истину с предположеньем,
Приобрел я достоверность и отверг предположенье!

Для возлюбленной, о сердце, будь ты жертвой бескорыстной,
Ведь она в мирах обоих — достоверность, без сомненья.

— Аналах, — Мансур воскликнул, — истина я, бог единый.
Если виден бог так явно, то возможно лицезренье.

О, вино тех губ отведав, Насими, познал я вечность,
Тех, кто выпил воду Хызра, одарит бессмертье сенью!

С ВАМИ МИРА Я ЖЕЛАЮ, ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Вновь ищу защиту неба — этой высшей дани я.
Шах великий, не прибегну к смуте отрицанья я.

Чтобы находиться дальше от твоей пучины бедствий,
Я влюблен в коран, и думать буду о коране я.

И каким я б ни был грешным — все надеюсь на султана
Избранного — Мохаммеда, — не стыжусь признанья я.

Я во имя тех, кто молвит: «слушаю и повинуюсь»,
В рай войду, — ведаю, — увижу райское сиянье я.

Если бог нас может видеть, рок тогда я одолею,
Совершенствоваться стану, не паду в тумане я.

Дай же рвение влюбленным! О, тогда и до Сатурна
Волны радости взметая, обойду страданье я.

Никогда — мне бог свидетель, это истина святая —
Человеческого сына унижать не стану я.

Коль перенести сумею клевету я терпеливо,
То воистину избегну ада полыханье я.

У всевышнего прошу я: приоткрой ворота счастья
Для души, чтоб верил в радость, в мир и ликованье я.

До тех пор, пока не буду я общаться с сатаной,
Вред не нанесу я вере — знаю то заране я.

Чтобы стать мне мужем зекра — непрерывного моления,
Возношу свою молитву, затаив дыханье я.

С вами мира я желаю, добродетельные люди,
С вами жажду всей вселенной, братья-мусульмане, я.

Если в гюлистан вхожу я с неприятным человеком,
Кажется, что в дебрях ада, а не в гюлистане я.

Я божественной надеждой одержим: за мир подлунный
Мне б продать потусторонний — высказал желание я.

Если мне аллах поможет, отыщу себе лекарство
От недуга, что на свете нету окаянной, я.

Насими, я утверждаю: если я имею разум,
Власть себе я сам вручил бы, был бы в божьем стане я!

С ТОЙ ПОРЫ

Я горю от пыла страсти, слезы из очей текут,
Сердце ранено разлукой, гнет его страданий лют.

Зло соперники глумятся и любовь мою корят.
О, зачем камней столько? И за что страдальца бьют?

С той поры, как я увидел полумесяцы бровей,
Изнемог я от печали, стал и сам, как месяц, худ!

А с тех пор, как стало сердце от любви к тебе больным,
Сколько я с жаровни скорби горестных отведал блюд.

В сети кос попало сердце, знать, неведомо ему,
Сколько душ они сгубили, сколько слали людям смут.

О кумир мой, грудь пылает от любви к тебе огнем.
Эти искры и сухое и промокшее зажгут.

О аллах, иссякли силы, жизнь в страданиях прошла,
Не найти от мук лекарства, где ж, друзья, сыскать приют?

От жестоких мук разлуки стал я немощен и слаб:
Образ мой и живописцам не создать, напрасный труд.

Насими от страсти умер — покидает этот мир,
Пусть твои, шахиня, очи много слез о нем прольют.

Хвала Вселенной — чудный лик я без румян увидел.
Не бог ли это? — я спросил, твой стройный стан увидел.

И амброй пахнущую прядь, и цепь твоих волос,
И эти брови, будто лук, я сквозь туман увидел.

Сказал я: боже упаси, когда твои глаза,
Глаза, творящие грабеж, я вдруг, аман, увидел.

Как исцеления исток — шербет прекрасных губ.
Аллах их милостью поит, — я ими пьян, — увидел.

Увидел я твое лицо, никак не оторвусь.
Не веришь — богом поклянусь, я мой капкан увидел.

По воле бога свершено все то, что свершено,
Пленилось сердце красотой, я гюлистан увидел.

Как святость тридцати двух букв — слияние с тобой,
Клянусь, слияние с тобой, а не обман увидел.

Я дал обет свой, Насими, и слогу верен я.
Не богу ли я слово дал? — Мой талисман увидел!

Ты продал милую свою, без сожаленья, за гроши,
Ты сам не стоишь ничего, не оценив такой души.

А покупатель приобрел из рук невежды дивный перл,
Ты цену жемчугу не знал — теперь посмешищем служи!

Влюбленных тайну доверять нельзя тому, кто не любил.
Тому, кто это не поймет, о муках сердца не скажи.

Кто жертвовать собой не стал во имя истинной любви,
Тот в излияниях пустых лишь упражняется во лжи.

Умей двуличные дела и речь притвор распознавать
И криводушного льстеца подальше от себя держи.

Мне жаль влюбленных, никогда не испытавших страстных мук,
Любимой радостно вонзать нам в сердце ревности ножи.

«Я — аналхаг!» — изрек Мансур, приняв мучительную казнь.
Умри, но дом своей любви стеной надежной окружи.

Татарский мускус не пролей. Сто раз себя не пожалей,
За черный шелк ее кудрей на плахе голову сложи.

«Превыше бога силы нет!» — твердит над четками аскет,
Но ты, вкусивший сладость уст, о вечной жизни не тужи.

Отдай свой жемчуг, Насими, тому, кто в этом знает толк,
Невежде перлы не дари, ханже сурово откажи.

ГДЕ ТЫ?

Сожгла мне душу страсть к тебе, ты исцелишь меня, но где ты?
Душа моей души — в тебе, ищу при свете дня, но где ты?

Я захмелел не от вина, а в миг, когда тебя увидел.
От жажды все во мне горит, — вода звенит, маня, но где ты?

О, средоточье красоты, даруй мне благо новой встречи.
Нет благодетельней тебя, ты радостей родня, но где ты?

Судьба, так много посулив, из рук моих взяла твой локон,
И я расстроен, как Меджнун, и плачу, жизнь кланя, но где ты?

О, сила красоты, о, страсть, кровавыми слезами плачу,
Зову свой стройный кипарис, мой зов летит, звеня, но где ты?

Бутон твоих горячих уст дохнул — я превратился в пепел.
Приди, разлука жжет меня, горю сильнее огня, — но где ты?

Ты — свет очей моих — явись, душа тебя увидеть жаждет.
О, гурья, твоя краса сильна, как западня, но где ты?

Оковам мускусных волос я, Насими, доверил сердце,
Других оков, другой тюрьмы не пожелал бы я, но где ты?..

ТЕБЕ ПОДВЛАСТНЫ

Твой лик лучом нас озарил, свершая чудеса,
А речь, как звонкий Коусер, творящий чудеса.

Светильник лика твоего природу осветил
И хор созвездий засиял, украсив небеса.

Тебя отвергнув, казнены Гарут был и Марут,
Настигла в Вавилоне их возмездия коса.

Святые ангелы в раю — прислужники твои,
Тебе подвластны облака и молний полоса.

Бежал из рая сатана, боясь тебя узреть,
И с той поры висит над ним проклятая гроза.

Ты смысл вселенной, дивный перл, создания венец,
Ты основание естества, ты — гордость и краса.

И если мертвых воскресит дыхание Исы,
То от дыханья твоего воскреснет сам Иса.

Зерцалом праведников стал твой совершенный лик,
Тобой любуются они, не отводя глаза.

Я Насими, я перл любви, лежу на дне морском,
Тех, кто любви не испытал, отвергнут небеса.

ЧЬЕЙ СТАЛА ТЫ?

Богиня, стройный кипарис, чьей этой ночью стала ты?
Вчера была моею ты, к кому теперь припала ты?

Душевный унеся покой, куда ушла ты, ангел мой,
Чьей стала ты теперь бедой, за что меня терзала ты?

В ночи я вспомню рдяный рот—и кровь из глаз моих течет,
Блажен, кто не пьянея пьет, с кем это испытала ты?

Ресницы — быстрая стрела, бровь словно лук тонка и зла.
Всем жертвам не было числа, к кому в силки попала ты?

Мне нестерпимо тяжело, я кровью обагрил чело,
Кому теперь с тобой светло, с кем от любви устала ты?

О роза, шип любви остер, сжигает грудь мою костер.
О напоенный влагой взор! — Скажи, где расцветала ты?

Мечом любви разя вокруг, ты убивала верных слуг.
Чей врачевала ты недуг, чье сердце исцеляла ты?

Пусть легкий локон-завиток растреплет ранний ветерок,
Твой Насими вдруг изнемог, — любовь, всему начало — ты.

КОРАЛЛ ТВОИХ УСТ, КАК МЕД

Коралл твоих уст, как мед, как мед, твоих уст коралл,
Он стал слаще жизни мне, он мне слаще жизни стал!

Сиянье луны — твой лик, твой лик — сиянье луны,
Пунцово ал пламень щек, их пламень пунцово ал.

А кто тебя не видал, а кто не видал тебя,
Страдал в разлуке с тобой, в разлуке с тобой страдал.

А кто твою речь слышал, а кто слышал твою речь,
Похвал ей много вознес, вознес ей много похвал.

Внемли ж словам Насими, словам Насими внемли:
Сказал он стих лучше всех, он стих лучше всех сказал.

Ты — мой идол, кумир, ты мне — вера и крепость моя,
 Ты — мой дух и покой, друг возлюбленный, суть бытия.

Ты — мой светоч и мрак, ты — огонь мой, светильник, мой луч,
 Ты мне — гурия, свет, ты мне — рай и прохлада ручья.

Ты — нектар мой, шербет, мой бальзам и целебный настой,
 Ты — целитель и врач, ты мне — милость, и ты — мой судья.

Ты мне — роза, цветок, мой тюльпан, гиацинт и рейхан,
 Благовонный мой сад, гулистан мой и трель соловья.

Ты — коран мой, урок, ты — хадис и абджад — суть всего,
 Ты — молитва, ты — память, и нет мне вовек забвения.

Ты мне — тело и дух, ты — мой разум, рассудок и взор,
 Ты — пощада и казнь, ты — и плоть мне, и крови струя.

Лишь обрел он тебя, — все, что есть, позабыл Насими.
 Дивный мой кипарис, ты — всех краше, скажу не тая.

Когда я пыл любви познал, и благодать досталась мне,
 Врагов досадой истомить, их истерзать досталось мне.

Я Искендера ввел во мрак, а сам из мрака изошел,
 И Хызром быть в живой воде, вернувшись вспять, досталось мне.

Юсифа в кладезе глухом в пустыне дикой я топил
 И пред Мусою в купине огонь взвивать досталось мне.

Из уст моих родник излил и океаны и моря,
 И пенить каплями воды морскую гладь досталось мне.

Для попугаев я сыскал все сласти, сахар и плоды,
 И сладкогласных соловьев в сады пускать досталось мне.

Я вел один напев с певцом, единым ладом с ним играл,
 И кубок кравчему давать, налить опять досталось мне.

Я Льву господню был слугой и верой-правдою служил
 И с шахом Хорасана быть, пред ним предстать досталось мне.

А бог все видел и сказал: «Ужели скажет Насими:
 «В коране лад и смысл сложить да стих под стать — досталось мне!..»

Фиалки-кудри к розе льнут, их томный запах прян,
Жасмином сердце смущено, его смутил рейхан.

А бадахшанский самоцвет — лишь отблеск твоих губ,
От уст твоих смутился перл, объят стыдом тюльпан.

А сердце мукой смятено в крошечной тьме кудрей:
В извивах кос его объял безумия дурман.

Когда твой образ создавать писец предвечный стал,
Он капли-родинки ронял, как точки зерн-семян.

Где розы выросли, скажи, подобные тебе?
Да есть ли кипарис в саду, стройнее, чем твой стан?

Взгляни на мускусный пушок у родниковых уст:
Он, словно вязь святых писмен, творцом всевышним дан.

Как сладко Насими воспел рубины уст твоих:
Вдали от сладких их речей он страстью обуян.

Я за тот прекрасный лик жертвой пасть себя обрек,
Только тот влюблен, кто жизнь для любви отринуть смог.

Коль Меджнун в твоих чертах лик всевышнего прозрел,
Для влюбленных ты — Лейли, образ твой для них высок.

Будь Мансуром: смерть прими, как Мансур ее принял,
Ведь Мансура сам Мансур к смертной виселице влек.

Отрешись от благ мирских, ведь соблазн — смердящий труп,
В нем от века пользы нет, на базар не знай дорог.

Красота, что ты избрал, — светоч яркого огня.
Сердце, в пламени любви опались, как мотылек.

В этом мире, Насими, с вечным другом жизнь пройди.
Коль умен ты — будь всегда от тщеты мирской далек!

О, пусть твоя душа чужда утратам будет,
Пусть кубок Джема твой всегда подъятым будет!

Твоя краса — укор и розам и тюльпанам,
И пусть твой лик всегда красой богатым будет.

Пусть на тебя сойдут блаженство, радость, счастье,
А жребий зла и мук — злым супостатам будет.

Где чанг, зурна и ней? Где бубны и танбуры?
Пускай их звук и звон греметь раскатом будет.

Кто страсть к тебе питал, достоин благ и счастья,
Кто ж не любил тебя — тоской объатым будет.

Вершиной твой чертог пусть в небо вознесется —
Опора на земле твоим палатам будет.

«На что тебе она?» — меня соперник спросит. —
Скажу: «Моей мечтой, надеждой, златом будет!»

Подай же мне вина! Где прочны узы дружбы,
Веселья буйный хмель пусть до утра там будет.

Повержен Насими, он умер от разлуки.
О, сжался — он тебе всегда собратом будет.

Я душою к дивной пери солнцеликой ооращен,
К красоте ее лукавой, многоликой ооращен.

Кто тебя хоть раз увидел, тот Каабу позабыл:
Посмотри, к какой красе он превеликой ооращен!

Хоть глаза твои хмельные льют и льют людскую кровь.
Взор к очам твоим, что ранят, будто пикой, ооращен.

Бедный дух мой манят в сети завитки твоих кудрей:
К их извивам он безумным горемыкой ооращен.

От возлюбленной влюбленный ввек очей не ответит:
Кто ж, молясь, к стене бездушной и безликой ооращен?!

Обретет навеки веру каждый, если в смертный час
Он и сердцем и душою к периликой ооращен.

Насими, не зарься взором на мирскую суету:
Ты душою к чаровнице розоликой ооращен.

ПРИДЕТ

Ликуй, о сердце, веселись: любимая — она придет,
Кому я отдал страсть и жизнь, красавица-луна придет.

Кааба сердца моего полна сияющих лучей:
Красой — Юсиф, Ахмеда нрав, как речь Исы, нежна, придет.

Да не покинет ум меня, да не лишится сердце сил:
Нарциссы-очи, яхонт-рот, она светла, ясна, придет.

Так год за годом по ночам стенаю, плачу до зари,
Но славен бог, и месяц мой сегодня дотемна придет.

Когда увижу пламень щек в курчавых завитках кудрей,
Не знаю, много ли безумств в мой ум в те времена придет.

Да, Насими повержен в прах, но скажет видевший его:
«Он, одержимый статью, пьян, но, и вкусив вина, придет!»

ВСЕГДА У РОЗЫ ЕСТЬ ШИПЫ

О, где те дни, когда я был с моей возлюбленной лукавой,
Пусть веры нету в ней совсем, пусть взор ее грозит расправой!

Презрев соперников, она в ту пору мне любовь дарила,
И сердцу речь ее была блаженством, сладостной забавой.

Пока десницею творца с тобой жестоко разлучен я,
Стенаю, грудь горит огнем, во взоре — слез поток кровавый.

Создатель! О, хотя б на миг, хоть раз сведи меня с любимой,
Готов я повязать зуннар, сдружившись с верою неправой.

Когда ж я за нее умру, не отступив от истой веры,
Боюсь, предаст меня, дружа с соперниками, с их оравой.

Пусть на меня бедой падет моя любовь, о чаровница,
Когда бы я, дружа с другой, покрыл себя дурною славой.

Ах, не печалься, Насими, сражен круговращеньем рока:
Всегда у розы есть шипы, а радость смешана с отравой.

Мрак кос твоих — как ночь судьбы, а лик — сиянье лунной нови,
Твой стан — предвечный кипарис и, как изгибы луков, — брови.

О ты, единственный мой зов, мое стремление в этом мире.
Сколь славны помыслы его, как много смысла в этом зове!

Мои тревоги, разум мой прошли два мира и постигли:
Нет места, где бы образ твой не реял в плоти или слове.

О мрак безверья кос твоих! Кто с верой им не поклонился,
Увы, утратил веру он, увяз в несправедной основе.

Не стоит праха ног твоих, о кипарис мой, тот негодник,
Кто жертвой за тебя не пал, кто за тебя не пролил крови.

Как надоедливый певец, твердят иные клятву веры.
Играй, играй, да меру знай, а ней пусть будет наготове!

Вот так возносит Насими тебе своей хвалою славу,
Подобных слов вовеки нет в косноязычном славословье!

О шах мой! Сердцем я смущен без тебя,
В груди моей и кровь и стон без тебя.

О шах прекрасных, я в разлуке с тобой,
И сердце, как забытый трон, без тебя.

О, с кем сравнить тебя? Красой ты — луна,
Весь мир темницей полонен без тебя.

Потоки слез моих залили весь мир,
Поток бурлит со всех сторон без тебя.

О, сжался ты над Насими, помоги,
Души бездушно он лишен без тебя!

Запала пятнышком в цветок, расцветший в поле, родинка,
Как зернышко в силках кудрей — приманкой, что ли? — родинка.

А ямки щек! Они под стать колодцу вавилонскому,
Влюбленных заключила в плен, томит в неволе родинка.

Как перлы, зубы, а уста — родня рубину алому,
А над устами что блестит: то ль жемчуг, то ли родинка?

В стenanья ввергли соловья, как розы, щеки нежные,
А пуще их — бутоны уст, а всех поболе—родинка.

В самом Египте платят дань твоим устам рубиновым,
И красотой своей слывет в Индийском доле родинка.

Раз утвердила власть свою в саду, цветущем розами,
Достойна шахской красоты и шахской доли родинка.

Ты цепи локонов своих на шею мне набросила, —
Судила мне безумным быть в моей доле—родинка.

Как ловко сердце Насими ты заманила хитростью,
И душу мне теперь гнетет до смертной боли родинка.

Мудрец, нарекший имя «жизнь» твоим губам румяным, прав,
Кто уподобил тайну тайн твоим устам медвяным, прав!

Я об устах твоих спросил мужей возвышенной души,
И кто назвал их родником, целебной влагой ранам, прав.

Кто лик Адама раньше чтит, теперь поклонится тебе:
Признавший, что под стать творцу твой образ чужд изъяснам, прав.

Мужи достоинства рекли, что чудо горных рощ — твой стан,
И кто признал, что ты стройна, что ты под стать джейранам, прав.

Столп истой веры, мудрослов твоих завистников корит:
Кто уподобил дэву их, сравнил со злым шайтаном, прав.

И праведники рая чтут твои, о гурия, черты:
Кто уподобил раю их, его садам, полянам, прав.

Кто, вникнув в таинства письма, постиг от бога мудрость ту
И благовонный твой пушок в восторге звал рейханом, прав!

Кто из достойнейших мужей, в строках провидя суть, твой лик
Скрижалю таинства назвал или самим кораном, прав!

О Насими, кто плоть твою, обитель тела твоего
И клад, лежащий в нем, назвал заброшенным чуланом, прав!

О, будь мне подругой, сердце подруги иной не хочет,
Для сердца лишь ты желанна, другой ни одной не хочет.

Цветы твоих щек прекрасных подобны прелести рая.
Кто видел твой лик, тот кушей, расцветших весной, не хочет.

Навеки отвергнут богом тебя не искавший взором:
Он двух миров не познает, красоты неземной не хочет.

Душа о тебе мечтает, тебя лишь у бога просит:
Она утолить мечтанья другою ценой не хочет.

Приди! Как мне жить в разлуке? Ты—вечная жизнь для сердца:
Оно всех красот, что дарит весь мир остальной, не хочет.

Не спрашивай, чаровница: «Зачем ты по мне тоскуешь?» —
Влюбленный вдали от милой яройти стороной не хочет.

Кто в мыслях кос твоих кольца мечтою навил на сердце,
Стал будто монах, а вязи надеть поясной не хочет.

Исторгнуть клич истой веры дано одному Мансуру,
А кто не Мансур, тот крикнуть: «Нет чуждых со мной!» не хочет.

Познать бы мне в этом мире суть тайны высшего друга,
Враг веры сгорит с досады: он доли дурной не хочет.

О, мне без завес глядеть бы в твой лик! О слепец-безбожник!
Сорвать он с тайн сокровенных покров их земной не хочет.

Просил Насими у неба — сбылось свиданье с тобою:
Он стал владельцем сокровищ и знаться с казной не хочет!

Прежде верная подруга, не сдержала уговора.
Вот ведь как чудно случилось: вдруг с любимой вышла ссора.

Страсть к твоим волшебным чарам без следа меня сгубила,
И любовь и торг наш бойкий — все закончилось так скоро.

Затаить в душе хотел я тайну твоего лукавства,
Только выпустило сердце мою тайну из затвора.

Страсть свою лечить не требуй, все стерпи, ведь есть надежда,
Что обидчица поможет, если сердце стало хворю.

Кто в тебя влюбленным не был, за любовь не отдал душу,
Нет ему ничуть почтения и достоин он позора.

Извела любовь мне душу, истерзала тайной хворью:
Пуще золота я желтый, пожелтел я от измора.

О, прошу, яви мне верность: да не скажет злой соперник,
Мол, в неверности подруги и причина их раздора.

Не напрасно сладкоречьем Насими свой стих украсил:
Он в речах у сладкоустой сладость слов собирает спору.

Ты — душа моя, ты — друг, нет других таких подруг,
Друг мой, ты во мне, душа воплотилась в друге вдруг!

О творец! Ты — кипарис, а краса твоя — цветник,
Где предвечный соловей райским кушам дарит звук.

Древо райское — твой стан, лик твой — райских кушей цвет.
А краса — на диво всем, кто познал и райский луг.

Был бы счастлив даже Хызр, чудо уст твоих узнав:
Ведь они — живой родник, избавляющий от мук.

Сквозь окружья глаз твоих в мир запало много смут,
Ты — правитель всех округ: в центре ты, а мир вокруг.

Видишь: в океан любви Насими ловцом нырял,
В глубях вод редчайший перл он не упустил из рук.

Друг мой верный, моя дорогая, приди,
Радость, ангел мой, не отвергая, приди!

Мне разлука с тобою всю душу сожгла,
Ты в страданиях — весть мне благая, приди.

Соловьиным напевом я плачу навзрыд,
Ты, о роза, мой пыл постигая, приди.

Если бровь твоя — лук, мне и жизнь нипочем,
Не во вред и стрела мне тугая, приди.

Я в разлуке с тобой обезумел совсем,
Цепи кос на меня налагая, приди.

В целом мире не видел я равных тебе.
О фиалка, твой верный слуга я, приди.

Нету сил, нету воли мне горе терпеть.
Уст нектаром мне жить помогая, приди.

От тоски по тебе изнемог Насими,
О мой друг, о моя дорогая, приди.

ОТДАМ Я, ОТДАМ ВСЮ ЖИЗНЬ

Налей же, налей, налей мне чашу вина, о кравчий!
Возьми же, возьми, возьми свой чанг, в сто ладов звенящий.

Отдам я, отдам, отдам всю жизнь ради милой сердцу,
Прильну я, прильну, прильну к устам, что нектара слаще.

От уст твоих, дивных уст в стыде потускнеет яхонт,
А зубам, а зубам твоим — не ровня и перл блестящий.

А слово, слово твое вкуснее, чем мед и сахар,
А лик твой, прекрасный лик — как солнце с луной всходящей.

А косы, косы твои — померкнет пред ними мускус,
А брови, брови — как лук, ресницами стрел разящий.

Меня ты, меня, меня коварной стрелой сгубила,
Тобой, тобой я сражен, очей красотой томящей.

Терпи, Насими, терпи, тебе любимая скажет,
Кто люб ей, кто люб, кто люб, кто сердца друг настоящий.

БЛЕСК КРАСОТЫ ТВОЕЙ

Блеск красоты твоей, как божий свет,
Не павших пред тобою жертвой — нет!

Рубины уст твоих — как чистый мед,
Они для сердца — исцеленье бед.

Под стать Меджнуну страстью я сожжен:
Сродни Лейли твоей красы расцвет.

Я сердце, как Фархад, тебе вручил:
Ты красотой с Ширин одних примет.

О, за тебя жизнь отдал Насими,
Он пылом жаркой страсти был согрет.

Твой лунный лик увидев, солнце бродягою несчастным стало,
Луна зашла — ее сиянье ненужным и напрасным стало.

Твой стан-самшит своей красою поверг в смущенье кущи рая,
Сник кипарис, его смирение, как и мое, безгласным стало.

А влага росная на лике, что краше роз, единой каплей
На тысячи цветов пролившись, росой тюльпанам красным стала.

Один глоток, тобой испитый, о ты, владычица красавиц,
Пьянит весь мир: правление миром навек тебе подвластным стало.

Вдруг Насими узрел твой образ, меж темных кос сверкнувший светом.
Не так ли ночь, прогнав разлуку, сверкать рассветом ясным стала?

Ах, что за стан! Такому стану лишь стройный кипарис чета.
От красоты такого лика луна сияньем залита.

Твоей красою бесподобной сияют солнце и луна,
Клянусь, и ангелы дивятся: «Ах, что это за красота!»

А брови, словно бы два лука, их тайну не постичь умом,
И только жертвам этих луков предстанет ясной тайна та.

Твои уста — рубин багряный, а зубы — будто жемчуга:
Такой рубин лишь в недрах сыщешь, а жемчуг — для морей мечта.

Твоей душою живы розы, в тюльпанах рдеет твой огонь,
Румянец щек дарует отблеск цветам багряного куста.

Не зря планета амброй дышит, благоуханием полна:
Знать, мускус кос взвывает ветер в степных просторах неспроста.

Безумьем помрачен влюбленный, свиданья жаждущий с тобой.
Ах, тот и мир, и жизнь забудет, чья воля страстью отнята!

Ты меж красавиц, как шахиня, властительница чаровниц,
Ты войско чар своих направишь — в державе сердца пустота.

Хоть ты скрываешься от взоров и прячешь дивное лицо,
Куда ни глянь — везде твой образ, озарены им все места.

Пусть и в разлуке изнывает, а горя нет у Насими:
Твой лик узрел он — рай увидел, как рай, краса твоя чиста!

Пролилась пора новруза благостною тучей снова,
Главный шейх твердыни нашей пьет нектар шипучий снова.

Распустив бутоны, розы будто с лиц завесу сняли,
Соловей в саду заводит лад хмельных созвучий снова.

Древний мир одеждой новой весь облекся в эту пору,
Лик вселенной свеж и полон красотой жгучей снова.

Посмотри, красавец-кравчий в чашах всем вино разносит,
Все пьяня и сам пьянея, цедит хмель тягучий снова.

Хочет выпить сок пьянящий с гурией под сенью рая,
Выйти в сад вдвоем с любимой есть весною случай снова.

О, подай вина мне, кравчий, я нарушу покаянье,
Сокрушен зарок мой давний силою могучей снова.

Насими, доверься ветру, пусть любимой тайну скажет:
Мол, подавлен он и сломлен, пощади, не мучай снова!

Хоть мук любви мне не минуть, я от тебя не отступлюсь,
Хоть рассеки мечом мне грудь, я от тебя не отступлюсь.

Краса моя, в любви к тебе я прям, как твой прекрасный стан
Я, как Мансур, жесток мой путь — я от тебя не отступлюсь.

Во имя красоты твоей, о ты, покой моей души,
Пока живой, хотя бы чуть, я от тебя не отступлюсь.

Пусть, как Закарию, меня изранят с головы до пят,
Пусть голову хотят свернуть — я от тебя не отступлюсь.

Любимая, попал я в сеть, сраженный красотой Лейли,
Под стать Меджуну моя суть, я от тебя не отступлюсь.

Я опозорен, посрамлен, молва корит мою любовь.
Мне скажут: «Жизнь и честь забудь!» — я от тебя не отступлюсь.

О чаровница, я пленен твоей великой красотой,
Хоть ты стократ жестока будь — я от тебя не отступлюсь.

В Каабе я тебя искал — в безбожном капище обрел,
Но все равно, не обессудь: я от тебя не отступлюсь.

О пери, для тебя стерплю я боль и скорбь любых невзгод,
Как мотылек сгорю — ничуть я от тебя не отступлюсь.

Издевки всех врагов снесу — хоть тысячу в единый день.
О пери, с Насими побудь, я от тебя не отступлюсь!

ЛИЛИЯ ДРЕМЛЮЩИХ ВОД

О краса моя — роза, о лилия дремлющих вод,
Ты мне — сладость и хмель, и сладчайший нектар мой и мед!

О возлюбленный друг мой, кумир мой, целитель и врач,
О мой друг милосердный, чье сердце весь пыл мой влечет.

О весна, о восторг мой, о радость и благодать моя,
О избранница сердца, ты — слава моя и почет.

О цветок гулистана, серебряный мой кипарис,
О светило ночное, о ангел предвечных высот!

О мой мир и покой мой, нетленный мой дух и мечта,
О звезда моя — счастье, чьим светом горит небосвод.

Ты — мой шах благосклонный, блаженство и диво мое,
Ты — луна мне и солнце, и благоденствие мое твой восход.

Отняла мой рассудок, разграбила сердце любовь,
Обнадежь добрым словом, ведь твой Насими его ждет.

РАЙСКИЙ ЦВЕТOK

Я ликом солнечным твоим, моя луна, пленен,
Сгораю в пламени любви, мой дух испепелен.

Цветок мой райский, срезан я в обители твоей,
В степях предвечных, погляди, тобою умерщвлен.

В сетях рассыпанных кудрей мечтаю я о них.
К чему мне четки, если я зуннаром оплетен?

Виденье губ твоих и глаз преследует меня,
Мой бог, я сразу пьян и трезв, похмелен и хмелен.

Я душу продал, чтоб опять увидеться с тобой.
Смотри, какой кипит базар на торжище времен.

Тот сатана, кто устоял пред красотой твоей,
За отрицанье сатаны я в ад определен.

Вино единства, дивный дар, я на пиру вкусил —
И терпкий хмель я возлюбил, которым опьянен.

«Я — бог есмь!» — гордо произнес вслед за Мансуром я.
Я буду так же, как Мансур, злодейски умерщвлен.

Обрел я сладость языка, как некогда Юсиф,
И мед и сахар я вкусил, свободу и полон.

Извечна древняя любовь и лик извечен твой,
Любить — извечный долгий труд, сужденный испокон.

Татарским мускусом твоим хвалился ветерок —
Благоуханием кудрей мой разум упоен.

По буквам лик твой изучал, как школьник алфавит,
И многократно сей урок был мною повторен.

Сегодня Насими узрел возлюбленной лицо,
Познавший Истину поймет, к чему я приобщен.

Я стих священный, я навек, свечение его огня.
Я собеседник высших сил, гора Синай отныне я.

Я вещей сур священный стих и точно начертанье их,
Они звучат в устах моих, с концом начало единя.

Я корень древа и листва, смерть и рождение естества,
Я раб, не помнящий родства, приговоренный и судья,

Мечети вознесенный свод, пустыня жизненных невзгод,
Я тайный вздох, что сердце рвет, и радость явная твоя.

Два мира я в себе вместил, — и тьму, и горний блеск светил,
Низиной и вершиной был, восходом и закатом дня.

Пергамент, что ниспослан нам, ученья сущность и имам,
Я славу и хулу и срам влачу, в себе соединя.

Я неподвижности оплот, но день за днем, за годом год
Свершает солнце оборот и звезды кружат вокруг меня.

Мое начало «каф» и «нун» — я прошлое, и я канун,
Я старец, но годами юн — незащищенность и броня.

Я — нищий, как Фагфур богат, я Тигр-река и я Багдад.
Объединенье и разлад. Я агнец мудрый, как змея.

Я рай и дерево туба, я дня последнего труба,
Я шахиншах, тропой раба бреду, оковами звеня.

Я вместе хравчий и вино, мне видеть скрытое дано,
Я прост и сложен заодно, и робость и дерзание я.

Мансур и смертная глаголь, я радость и людская боль,
Я ангел, но моя юдоль долина, где живут стена.

С природой я неразделен, я многоцветьем наделен,
Я и рубаб и чанга звон, я шум листвы и плеск ручья.

Я пальмы финиковой взлет, я вместе и пчела и мед,
Я тот, который счастье шлет, за доброту себя клая.

Я — небо, твердь, вода и пар, я наводнение и пожар,
Я — жемчуг, океана дар, предвижу все заранее я.

Терновым одарен венцом, я Сулейман с его кольцом,
В слезах с сияющим лицом, и смех и воздыхание я.

О Насими, услышь, внимли, веленье свыше утоли:
«Ты светоч неба и земли», стань провозвестием бытия!

КОВАРСТВО

Везде коварство и обман, нет в мире верности ни в чем.
Обманчив яркий цвет его, задержан траур кумачом.

Ты честь свою побереги, с пройдохой не вступай в торги,
Прочь от обманщика беги, не знайся с подлым ловкачом.

Мир — это праздности приют, тщеславье обитает тут,
Чем жить среди грязных пересуд, остаться лучше ни при чем.

Сначала сладость посулят, потом в шербет добавляют яд,
Коль сердце змеи уязвят — не будешь ты спасен врачом.

Нет прямодушных среди живых, как в алфавите букв прямых.
Нет в мире символа «алиф» — что в мир ниспослан божеством.

Любовь — спасайся от нее! Ужимки, родинки, вранье,
Страдание — вот удел ее, ад, полыхающий огнем.

Своим мученьем счастлив он, трудом, как буква «дал» согбен.
Злосчастье — вот его закон, вотще искать участия в нем.

Его реченья — клевета, его деянья — срамота,
Надежды, помыслы — тщета, подумай горестно о том.

Проклятый дьявол, — это конь для блудодейственных погонь.
Узду кровавую не тронь, не оскверняй себя грехом.

Тобой всесильный правит рок, жесток расчетливый игрок,
Последний ход он поберег, чтоб обыграть тебя тайком.

Служитель правды, Насими, богатство двух миров возьми,
Распредели их меж людьми, а сам останься бедняком.

Твой лик волшебный гюлистан, клянусь я, разве нет?
Язык твой двум мирам был дан, клянусь я, разве нет?

В Китае, Руме и Хотане от золота кудрей
Восход встает благоухан, клянусь я, разве нет?

«Я — есмь сокровище!» — и смысл, и тайну этих слов
Толкуют, как святой коран — клянусь я, разве нет?

Тобою Хызр был воскрешен, а на твоих щеках
Читаю символ ар-рахман — клянусь я, разве нет?

Кто сладкоустою Ширин назвать тебя решил,
Тот заслужил провидца сан, клянусь я, разве нет?

О солнце лика твоего, бровей тончайший лук,
Ресниц распахнутый колчан! Клянусь я, разве нет?

Слепец, кто бога не узрел сокрытого в тебе,
В его глазах стоял туман, клянусь я, разве нет?

Отдам я душу, чтоб припасть к томительным губам,
Там вечной жизни бьет фонтан, клянусь я, разве нет?

А тот, кто хаджа не слыхал, что ты произнесла, —
Болтун, невежда и смутьян, — клянусь я, разве нет?

Я знаю, на твоем лице, взошедшая луна,
Мой Судный день предначертан, клянусь я, разве нет?

В ограде сердца моего я истину обрел,
Цветущий край Мазандаран, — клянусь я, разве нет?

И если тоньше всех волос твой тонкий волосок,
То превзошел их тонкий стан, — клянусь я, разве нет?

Твой лик священен, как мечеть, и, глядя на него,
Волненьем дух мой обуян, — клянусь я, разве нет?

Твой лик — Кааба для мужей, кто верует в ислам, —
Благословенен этот клан, — клянусь я, разве нет?

Ванз-обманщик мне сулит загробные блага, —
Он и болтун и шарлатан, — клянусь я, разве нет?

Кто с малой точкою сравнил пурпурные уста,
Великий сочинил дастан, — клянусь я, разве нет?

О Насими, великий смысл скрыт в имени твоём,
Оно вместило океан, клянусь я, разве нет?

ДРУГОГО НЕТ!

Клянусь священной красотой, ты мой престол — другого нет!
Луна моя, все превзошел твой ореол, другого нет.

«Греховен этот дивный лик» — твердит бессовестный факих,
Воспеть одну среди других я счастьем счел, другого нет.

Мой первозданный звездный свет, служить тебе даю обет.
Блюдя твой праведный завет, я рай обрел, другого нет.

День предначертанный настал, я пред кудрями ниц упал,
В скрижалях черных угадал: мой путь тяжел, другого нет.

Свидетелем моей любви твоих кудрей да будет сонм.
Твой взгляд, сияющий огнем, всем предпочел — другого нет.

Повиновения главу сложив к порогу твоему,
Твоею милостью живу, ты правды ствол — другого нет.

Ты — безупречность красоты, моя единственная — ты.
Лик, чьи божественны черты, всех превзошел — другого нет.

Твоим лицом я освещен, кудрявым войском защищен.
Ты — справедливый мой закон и произвол — другого нет.

Я — твоего порога прах, бесчестен я в чужих глазах,
Ты — честь и мой высокий стяг, он в небе цвел — другого нет.

Гляди, в разлуке я иссох, скорбящим сердцем изнемог.
Последний мой предсмертный вздох до звезд дошел — другого нет.

Светильник твой зажег сердца. Не смог воздвигнуть я дворца,
Где б ты сияла до конца — приют мой гол, другого нет.

Я — Насими, я тем богат, что на тебя направил взгляд,
Оберегай сей тайный клад, храни от зол — другого нет!

В чертах и знаках бытия прообраз вездесущий — мы,
И в сути сущего сосуд для влаги, хмель дающей, — мы.

Мы — суть и явь живой воды и влага райского ручья,
Глоток чистейшего вина, не замутненный гущей, — мы.

Мы — золотистый свет свечи в оправе голубых небес,
И мотылек, об лунный лик себя извечно жгущий, — мы.

Кааба, капище, и храм, и чад молелен чужды нам, —
В краю единства горный кряж, святыня горних кушей — мы.

Творец нам речь в уста вложил, и ты постигнешь суть вещей,
Когда поймешь, что говорим той речью, смысл несущей, мы.

Нам без пожитков нет беды, и нищета нам — не печаль:
Во тлене сердца клад таим, в единой сути сущей мы.

И пусть все сущее в мирах — лишь свет предвечного чела,
Верны возлюбленной красе, лучи сиянья льющей, мы.

И пусть простерта над тобой сеть Фазлуллаха, Насими, —
Над нами стяг величья взвит, а шах, в венце идущий, — мы!

У всех красавиц не найдешь таких прекрасных кос,
Твой лик тюльпаны посрамит и все бутоны роз.

А стан твой! Из людей никто, покуда мир стоит,
Не видел, чтобы кипарис, такой же стройный, рос.

Доныне око всех миров не видело очей,
Как и твои, гнетущих мир жестокостью угроз.

Твой нрав кристален и лучист, как влага на цветке:
Чисты и суть и плоть в тебе, как блеск рассветных рос.

Пусть хороша и красотой и прелестью луна,
Но каждый, видевший твой лик, ему хвалу вознес.

Зачем святоше пить вино и нарушать зарок? —
И взор твой, и уста — они как хмель для чаши грез.

Пусть светит месяц в небесах с престола красоты, —
Твой лик до горних стран красы сияние донес.

Свет Фазлуллаха Насими прозрел в своей любви, —
Он залежи богатств обрел, а был и нищ и бос.

НЕ ГОРЮЙ!

Сердце, твердым в разлуке будь, Фазлуллах — с тобой, — не горюй.
День свиданья наступит вновь — ты найдешь покой, — не горюй!

Пусть тебя опаляет боль от разлуки с милой, — терпи:
Радость встреч исцелит тебя от печали той, — не горюй.

Не зачахнуть вовек садам без цветенья веселых роз,
Снова станет мир цветником, расцветет весной, — не горюй.

Пусть жестокой разлуки скорбь повергает тебя во прах,
Даст создатель руку тебе, скажет: «Встань и стой!» — не горюй.

Пусть гнетет тебя злобный рок и отравой поит стократ,
От него же целебных трав ты вкусишь настой, — не горюй.

Если бурею разметал ветер кудри милой твоей,
В буйной россыпи тех кудрей муки сердца скрой, — не горюй.

Если ночью рыдаешь ты, истомясь по рубинам уст, —
О, не плачь же: придет рассвет, не томись слезой, не горюй.

Если день или два твой рок не пошлет исполнения грез,
Не навеки тебе печаль суждена судьбой, — не горюй.

Если трудно разлуки гнет сердцу любящему терпеть,
День свидания облегчит горький жребий твой, — не горюй.

Если, верный навек любви, я обеты мои храню,
Верю я, что ее любовь будет век со мной, — не горюй.

Кущи рая, сады, ручьи, ласка гурий даны тебе,
Если ты обретешь в любви то, что ждал с тоской, — не горюй.

Град бедою грозящих стрел не повергнет влюбленных в страх:
Если ты в своей вере тверд — хоть сражен стрелой — не горюй.

Пусть пророки рекли, что мир правоверным темницей стал,
Той темнице не вечен срок, — о неволе злой не горюй.

Единенье с любимой — дар вечно ждущих тебя блаженств, —
Если скрыт от тебя сейчас лик ее земной, не горюй.

Если разумом ты хранишь Фазлуллаха все имена,
К ним воззвав, от нечистых сил ты себя укрой, — не горюй.

Будет день — донесет к тебе ветер милости свой порыв,
Благовонье кудрей тебя обовьет волной, — не горюй.

Если даже потоком смут всю вселенную захлестнет,
От потопа тебя спасет на ковчеге Ной, — не горюй.

Если даже и в двух мирах ты злосчастный рок обретешь,
Одарят тебя Сулейман и Гарун казной, — не горюй.

День придет — и свою мечту ты у шахской двери найдешь,
Там султан и дервиш найдут добрый жребий свой, — не горюй.

Перед истиной все — ничто, все богатства суетных благ, —
Пусть и нет у тебя богатств — сам не будь дурной, — не горюй.

От незрячих вовек сокрыт сокровенного знания перл, —
Если тот сокровенный перл затаен тобой, не горюй.

Если ты испил хоть глоток от поющего хмелем благ,
Словно Хызру, послан тебе дар воды живой, — не горюй.

А в глубинах господних вод если ты нарекся пловцом,
В океане смело плыви, слышишь моря вой — не горюй.

Лик вселенной — благой рудник, тайный смысл его — самоцвет, —
Если сам ты — перл в руднике, будь всегда собой, — не горюй.

Если выбросил ты с лотка алчных помыслов злой товар,
Не постигнет тебя в торгах и разоо лихой, — не горюй.

Нечестивцам и верным — всем вечно люб возлюбленной лик, —
Если веры исполнен ты, веришь всей душой, — не горюй.

Для влюбленных приют — душа, вечным цветом цветущий сад, —
Если немощной плоти дом сокрушен бедой, не горюй.

Да падет голова твоя в кудри милой, как шар-чавган, —
Если люби тебе любить, об игре такой не горюй!

Если ты, влюблен как и мы, зов Каабы хранишь в душе,
Кровью сердца верши свой путь, от шипов не ной, — не горюй.

Если ты, Насими, всегда Фазлуллахом в пути вedom,
Тяжкий груз для тебя — тщета суеты мирской, — не горюй.

МЕНЯ ПОКИНУЛА...

На свете для такой красы не создан ни один из нас.
Да сохранит творец твой лик навеки от недобрых глаз!

Мученьям от твоей красы нет ни предела, ни числа,
Но кольцам кос твоих дано губить, красавица, тотчас.

Я в голове устроил кров для страсти по твоим кудрям,
Хоть я и знаю, что от них голов еще никто не спас.

Меня покинула, ушла, так и не вспомнив обо мне.
Ну что ж, не помни, я тебя за миг припомню сотни раз.

Шальное сердце я прижег клеймом терпенья долгих мук,
Ведь среброгрудую мою мне не прижать к груди сейчас.

Да знает каждый, кто, как я, полюбит твой прекрасный лик:
Любовь потайно я хранил, да грохнул с крыши медный таз!

Смирненным быть — удел святош, а нам назначено любить,
Что предуказано кому, то и дает судьба в наказ.

В извивах локонов твоих — я в путях страсти трепещу.
Коль не спасет меня твой рот, не развязать мне пут мечась.

В мученьях страсти я горю, явись, открой мне дивный лик:
Тебя увижу — боль мою утишит радость в тот же час!

Когда увидишь стройный стан — пади в молитве, Насими.
Не устояв перед красой, сгорел свечой ты и угас!

Меркнет светоч ночной луны перед ликом ясным твоим,
И, чернея, покорна ночь волосам прекрасным твоим.

Сотни жертв от страсти к тебе вьются пуще кос Зулейхи,
Сто Юсифов сгубить дано ямкам щек опасным твоим.

Солнце хочет к больным очам пыль следов твоих приложить,
Пред тобою падет во прах, став рабом безгласным твоим.

Если ты безвинно гнетешь смертной мукою сонм людей,
Что за грех — добавить одну к жертвам тем несчастным твоим?

Солнце, месяц, Венера — все, что над ширью мира царит,
Обретае сан красоты под величьем властным твоим.

О светящий красую лик! Лик всевышнего над тобой,
Он, от сглаза тебя храня, стражем стал всечасным твоим.

Ты стенай и скорби и плачь, ну а все ж, Насими, смотри,
Не затмить бы чело луны воздыханьям страстным твоим!

Хмельному от ее очей, иного мне вина не надо:
Ни хмеля, ни вина тому, чья голова хмельна, не надо.

Я в голове и пыл и страсть сокрыл, как будто хмель в кувшине:
Тому, что явно в сути тайн, являть себя сполна не надо.

О кравчий вечности! Приди и свет чела яви влюбленным.
Иных услад, когда душа твоей красой пьяна, не надо.

Так спой, певец, нам на пиру про сладость уст ее медвяных,
А лучшей сладости устам, как ни сладка она, не надо.

И если страсть к ее кудрям тебя томит, забудь иное,
Единой страсти пыл отдай: другой, коль есть одна, не надо.

Влюбленный! В пламени любви сгорай пылающей свечою,
Но пусть чело от мук любви не кроет желтизна, не надо.

О сердце! В море бытия ищи лишь жемчуг единенья,
Ловящим истину и суть даров морского дна не надо!

Бедняк, прозревший смысл письмен за чернью родинок на лице,
Вовек тебе иной судьбы, чем дали письмена, не надо.

Приют и ложе я обрел во прахе у ее порога,
Другой подушки не хочу, постели мне для сна не надо.

Твой лик — и роза, и рейхан, а косы — мускус гиацинта,
Ни розы, ни рейхана мне, цветущих, как весна, не надо.

Ты в свитке страсти, Насими, сотри бесследно свое имя.
Поверь: влюбленным оставлять в том свитке имена не надо!

Лишь в морях любви тонувший о моей доле знает,
А влачащий век на суше — он любви раздолье знает?

О развитых в кольца косах ты мои слова послушай,
Лишь запутавшийся в путах плен моей юдоли знает.

Не познал никто сокровищ страсти, в сердце утаенной,
Цену перлам их бесценным бог в предвечном доле знает.

Благовоньем кос душистых вся душа моя обвита,
Аромат их, льющий тайну, только ветер в поле знает.

Истомлен очами милой, жажду уст ее целебных,
Только хворый, как лечиться от жестокой боли, знает.

Вечно наше устремление к лику кравчего и к чаше,
Знаки тайных откровений муж блаженной доли знает.

Лишь отшельников смиренных мысли о раденье тешат,
А благую радость хмеля друг вина и воли знает.

Что Мусе взывать велело к лику кравчего: «Откройся»? —
Знавший хмель святого лика, суть его всех боле знает.

Да найдется ли провидец, смысл твоей красоты постигший?
Он в торгах о ней все муки, что его бороли, знает.

Поцелуй уст-рубинов -- сто погибших душ ценою.
Кто с торговлею спознался, цены поневоле знает.

Кто красой ее в безумье, как и Насими, повергнут,
Тот в оковах кос томится и тоску неволи знает!

Кроме встречи с нежным ликом, исцеленья сердцу нет.
Кто владеет этим счастьем, огражден судьбой от бед.

С той поры, как высший образ перед взором стал моим,
В глубине очей прозревших благодатный вспыхнул свет.

Ночью предопределения в светлый месяц Рамазан
Дал я, локонов касаясь, вечной верности обет.

В тесном сердце, словно в храме, место я свое обрел,
Ты с тех пор всегда со мною, сквозь кружение долгих лет.

Ты сказала: «В этом мире наш союз нерасторжим»,
И в тебя я свято верю, как в незыблемый завет.

Тот, чью грудь не наполняет восхищение тобой,
Не поймет, что оставляет страсть в душе глубинный след.

И загробного блаженства навсегда лишится тот,
Кто свое живое сердце не вручил тебе в ответ.

О, мое больное сердце, исцеленья не ищи,
Бесполезен без красавиц-врачевателей шербет.

Лишено оно блаженства двух властительных миров,
Коль с тобой не разделяло и гоненье и навет.

С той поры, как воцарилась ты в мечтаньях Насими,
Ты — мое двойное зренье и сияющий рассвет!

Я с раскрытою фисташкой твой сравнил прелестный рот.
Пыль от ног твоих идущих — животворный водомет.

Лик твой солнечно сияет в обрамлении кудрей,
Ты священной ночью кадра — молодой луны восход.

В жертву душу принесу я алым яхонтам твоим:
Слаще сладостных мечтаний этот жаркий нежный мед.

Я молюсь тебе, и это исцеленье для меня,
Ты — единственный мой лекарь, что бальзам на раны льет.

На твоём пороге стоя, пребываю я в раю,
Он на вечное блаженство упование дает.

От огня любви сгораю. Дым от сердца моего
Погребальной завесой омрачает небосвод.

Если я тебя не вижу, то судьба моя темна —
Слезы очи застилают — мне тебя не достает.

Кровью сердца я окрасил этот горестный поток,
Опасаясь, что слезами скоро землю захлестнет.

Гиацинт кудрей на сердце выжжет вечное клеймо,
И беспомощное сердце огневая рана жжет.

Сердце в пламене страдания, словно тлеющий кебаб,
И беда не гостем в доме, а хозяином живет.

Кудри властно и безбожно в плен забрали Насими,
Лик твой — вера и надежда и любви моей оплот!

Явление чуда, дивный лик, предвечного блаженства сад,
Ты одаренье, высший смысл — как бог, он милостив и свят.

Забилось сердце, ожило от дуновенья ветерка,
Он черных локонов принес благоуханный аромат.

И ветерку твоих волос я в жертву душу принесу,
Казну, которой обладал, и сердце я отдам в заклад.

Уста ее — живой родник, узнайте, прославляя их:
«Воскреснут те, чьи кости — прах», — гласит ниспосланный аят.

Ты красотой одарена, всем миром правишь ты одна,
Днем — солнце, а в ночи — луна тебе прислуживать хотят.

И я клянусь, клянусь тобой, что стала ты моей судьбой,
Что перед клятвою такой слова всех правоверных клятв?

О казнь, живущая во мне, сжигай на медленном огне,
Чем крепче сердце, тем больней и бесконечней этот ад.

Благоухание кудрей разлито по вселенной всей,
Не удивляйтесь, если мир чудесным запахом объят.

Отрекся от души своей в тебя влюбленный Насими.
И не беда, что этот мир он навсегда покинуть рад.

Похитительница сердца божеством сотворена.
Ты немеркнувшим сияньем, как восход, озарена.

Лик твой — праздник возрождения, осеняющий сердца,
А волна волос полночных, словно ночь зимы длинна.

Ты снимаешь покрывало Проявления лучом —
Воцаряется твой облик, как взошедшая луна.

Не росы сияет точка на зардевшемся цветке —
Манит родинка на щечке — птенчик нежности она.

Утоли мое мечтанье, дай изведать сладость уст,
Я речей твоих медвяность пью медленно до дна.

Стан твой — ангельское древо, в райском высится саду,
В златоверхую вершину сущность бога вмещена.

И таинственная сила, сотворившая миры,
Пред твоею красотой замерла, ослеплена.

Насими, ты дерзновенен, нищ и скучен твой язык,
Пусть ее Священной книги восхваляют письма.

Любовь моя, с тобой вдвоем наедине мне хорошо.
Я мотылек, а ты свеча, в твоём огне мне хорошо.

Извечной истины вино постигнуть трезвым не дано.
Я опьянен и смысл давно нашел в вине — мне хорошо.

И не открою я другим, какой любовью я томим,
Лишь символ чувства мной храним, скрыт в глубине — мне хорошо.

Соперник милости лишен, твоей красоты не видит он.
Иса, гони нечистых вон! Я в стороне — мне хорошо.

Я о пощаде не молю. Когда накинута мне петля,
Я не скажу, кого люблю, и в смертном сне мне хорошо.

В питейном доме клад найдем, от лицемерья отдохнем,
Коль змей не вызывает о том, тогда вдвойне мне хорошо.

Песнь Насими, как темный лес, — сто тайн в ней скрыто, сто чудес.
Коль их не разгадает бес, — в моей стране мне хорошо.

Из забытья, из тишины твой взор к вину зовет меня,
А цепи кос сковали ум — гнетут узлы тенет меня.

Я дал обет не пить вина, хмельную влагу я забыл,
Но хмель твоих рубинов-уст опять к вину влечет меня.

Багрянцем этих уст хмельных, как пламенем, я в прах сожжен.
Ведущий в винный погребок не манит больше вход меня.

Накинь завесу на чело — сгорю я, тая, как свеча:
Твой лик, сияющий огнем, как мотылька, сожжет меня.

Погублен мраком твоих кос, от страсти я не отрекусь,
Пусть, словно гребень, месть твоя на сто волокон рвет меня!

Вели мне каяться, аскет, в грехе хмельных утех любви,
Кто ж сможет выслушать еще все рассказы насчет меня?

И если мое тело вмиг в кольцо свивается от мук,
Знать, в этом бренном мире есть сокровище, что ждет меня!

Доколе в мире есть кыбла, доколе люди чтут михраб,
Кыблой мне будет милый лик, пленяет образ тот меня.

Я зерна родинок твоих едва увидел — и сказал:
«Силок кудрей, зерном маля, как птицу, завлечет меня!»

Пока есть в мире, Насими, та венценосная краса,
Венчает пыль с ее следов красивей всех красот меня!

В любви к тебе мы смятены, как туча, кружим без дорог,
Нас мукой опалает страсть, и все внутри — сплошной ожог.

Тебе от века мы верны и будем верными вовек,
Доколе хоть единый знак нам суть твою внушить бы смог.

Услышь стенания и плач — они разносятся окрест,
И днем и ночью просим мы, чтобы мольбу услышал бог.

Твоей любовью живы мы, и ей исход не наречен,
Доколе нам в твоих лучах кружить, как пыль, не вышел срок!

Везде, куда падет наш взор, тебя провидеть нам дано,
Нет и пылинки, где твой лик явить свою красу не мог.

Нет несожженного вокруг — вся наша плоть опалена,
Ведь пламень нашей страсти все — сухое и сырое — сжег.

Пока мы, попраны тобой, течем журчащим ручейком,
Твоим величьем осенен, любой из нас главой высок.

И если не дано границ державе красоты твоей,
Найдется ли предел любви, который путь бы нам пресек?

О ты, сравнивший дивный лик с едва взошедшею луной,
Ты луноликую срамишь, стыда пред богом не сберег!

И даже если не твой лик предстанет взору Насими —
Повсюду отблеск чар твоих, ни в чем твой образ не поблек!

Вездесущий, что случилось с чаровницей злой моей?
Сердце рвет разлукой в клочья, тежится бедой моей!

Дай ей путь к зениту счастья, высшей волей охрани,
Не суди луне заката, сжался над звездой моей.

Что ни миг — рука разлуки меч жестокости вострит,
Что ни миг — сто ран кровавых на груди больной моей.

К милосердию господню я надеждой устремлен,
Да падет мое злосчастье от надежды той моей!

Кто бы ей шепнул потайно, хоть намеком бы сказал
О моей жестокой доле, о беде крутой моей?

Лишь мечтою о свиданье тешит сердце Насими,
Кто ж еще даст силы сердцу, сжался над душой моей!

Ты образ свой в венце кудрей и в сновиденьях не явила,
Ты — светоч солнца, любящий свет, в огонь ввергающий светила!

Твой лик нам озаряет мир светлее яркого сиянья,
Тьма кос твоих, как ночь судьбы, во мраке лунный лик открыла.

А тот, кто пред твоей красой не ведал ангельской молитвы, —
Сам дьявол, мучимый в аду дыханьем огненного пыла.

Клянусь, со вздохом уст твоих устам Исы не знать сравненья,
От жара лика твоего Марьям, как нить в огне, скрутило!

Кыбла моя, ведь твой порог — надежда единенья с жизнью,
Сияет вечно мне твой лик, вино рубинов-уст мне мило.

Витки коварных твоих кос — как будто вязь письмен предвечных,
В лукавом взоре твоих глаз — священной книги смысла и сила.

И тот, кто в мире не тебя, а дар иной найти желает, —
Глупец, родник живой воды в пустыне ищущий уныло.

И тот, кто хочет райских благ, утех любви, блаженной доли,
Он словно пьет из уст твоих лишь яд, которым ты губила.

Хоть непреложна суть твоя, не всем даны с тобою узы,
Узреть твой лик, твою красу достойным лишь доступно было.

Сколь жалок видевший твой свет и в нем величья не прозревший!
Тобой осмеянный навек, отступник отлучен постылый.

Сказать пытался Насими то, что веки несказанно, —
Твое чело для нас — ключ тайн, оно врата всех тайн открыло!

ТВОИМ Я ВЗОРОМ ОПЬЯНЕН

Когда в огонь твоей красы, как мотылек, стремится сердце,
Свивает, словно локон твой, нить моей жизни пламя это.

Как сахар на твоих устах, сверкает перлом драгоценным
Любая строчка Насими, что о красе твоей пропета.

Вязь кос у твоего чела, как тень у солнечного света,
А мускус их — как ночь судьбы: в крошечный мрак луна одета.

Твоим я взором опьянен, и немощь в сон меня повергла:
Спит мое счастье мертвым сном без пробуждения, без просвета.

И даже гурии в раю сгорят от зависти в досаде,
Едва тобой в грядущий день с чела завеса будет сдета.

И в мелкой зыби спящих вод лишь образ твой встает виденьем,
Когда, мечтая о тебе, томлюсь всю ночь я до рассвета.

Лишь твой солнцеподобный лик мне жизнь и бытие дарует:
Пылинка кружится в луче, сверканьем солнца обогрета.

Не открывай свой лунный лик перед соперниками злыми:
Скрываться от недобрых глаз, поверь мне, — добрая примета.

О кравчий, дай-ка мне вина под цвет ее устам-рубинам,
Его глоток стократ ценней, чем все дары и блага света.

Томлюсь недугом вновь и вновь, лишь вспомню сладость уст медвянных.
Рубины слез в моих очах сверкают ярче самоцвета.

Когда донесит ветерок твоих кудрей благоуханье,
Пылает амбра на огне, жестокой завистью задета.

Не обдели в ночном пиру, о кравчий, чашей круговую,
Хмельной от страсти, по ночам я сам кружусь, скитаясь где-то.

ТВОИ КОСЫ

Сень хумаюнова крыла и милость бога — твои косы,
Пленяют души и тела, казнят их строго твои косы.

Я кос твоих не уступлю за блага двух миров, о пери,
И не убавят ввек цены, хоть не намного, твои косы.

Лик вечности — твое чело, и тот вовек не будет вечен,
Кто с пылом страсти не любил, о недотрога, твои косы.

Суть наших душ — в твоей душе, а в косах — часть души сокрыта,
Опора душам в теле — ты, а им подмога — твои косы.

В окружьях глаз, в витках кудрей таится сила воскрешенья,
И судных дней в своих витках таят премного твои косы.

Людей ввергаешь ты в соблазн своими черными очами,
Для всей вселенной смута смут, мятеж, тревога твои косы.

Лишь набежит внезапный вихрь, запутав мускусные пряди,
Велят мне дни мои в тоске влачить убого твои косы.

Твой лик объемлют две косы, но суть чела меж них единая,
Все сущее — одно, и смысл того залога — твои косы.

Мне завитки твоих кудрей шлют благовонье на рассвете,
Восход светил, чей свет из тьмы скользит полого, — твои косы,

И не виню я кос твоих, что им обеты рушить люблю,
Даруя жизнь всему вокруг, превыше бога твои косы.

Явление сущего — твой лик, он — веры праведной обитель,
Благословенный свет лачуг и мрак чертога — твои косы.

Ведут к блаженству Насими, сулят ему блаженства рая.
Восторг души и правый путь и в рай дорога — твои косы!

Лишь мечтой о тебе моя дума объята,
Жажда уст твоих, сердце на части разъято.

Я по косам твоим днем и ночью тоскую.
За любовь мою эти печали — расплата.

Обижать, и не муча, привычно красивым,
Мучишь мало, а все же мне мук многовато!

Сердцу уз единенья с тобой не добиться:
Ты такими, как я, бедняками богата.

Всем красавицам любо терзать и глумиться,
Месть жестокой моей лютой казнью чревата.

Каждый терпит мученья от недруга злого,
Я же муки, злосчастный, терплю от собрата.

За родник твоих уст, что цветут, как рубины,
Только в любящем сердце найдется отплата.

Насими пред тобою во прахе простерся,
От стыда за оплошность он пал виновато.

Кааба с капищем равны, притон, мечеть — одно.
Пойми, не знавший к нам пути: жилище ведь одно.

Дарован всем в урочный час погибельный глоток:
Вино твоих хмельных очей, как ни хмелеть, — одно.

Адаму с Евой — будто сеть — их тленной плоти плен,
А суть едина, и зерно, что манит в сеть, — одно.

И грех ли, если в мире есть различие дорог?
В огне ли гибнуть мотыльком, огнем ли рдеть — одно.

Любой по признакам примет прозваньем наделен.
А нищ ли, скуп, умен ли, глуп, как их ни меть, — одно.

Кривое око и в одном узрит двойную суть,
Да только диво красоты, как ни глядеть, одно.

Взыскуешь вечность, Насими, будь с истиной в ладу,
В мирской тщете шах и дервиш, дворец и клеть — одно!

В КОМ ВЕРА ЕСТЬ

Лишь мученик любви к тебе знал, в чем ее беда,
А страсть, не ведавшая мук, и мужеству чужда!

Не знавший сердцем в двух мирах кручины по тебе,
Не обретет желанных благ вовеки, никогда.

Какая радость бытия на свете ждет того,
Кто не вкусил с дерев любви заветного плода?

Бездушно бить дверной скобой, стуча в заветный дом,
Не лучше, чем ковать металл, что холоднее льда.

О роза, о мой кипарис! Когда я не с тобой,
О, сколько от твоих шипов мне боли и вреда.

Палящий жар моей души поймет одна свеча:
По желтому челу бежит горячих слез череда.

Сколь чуден благовонный дух от локонов твоих!
Пред ним и мускусная лань поникнет от стыда.

В ком вера есть, кто сердцем смел, в ком живы жар и пыл,
Тот на ристалище любви вонитель хоть куда!

В круговороте дней навек затерян Насими:
Как точка в круге, одинок, пропал он без следа.

НЕ СТРАШИТСЯ

Кто верен розе, тот шипов и язв их жала не страшится.
Кто предан другу и любви, врагов нимало не страшится.

Смелчак, готовый в час резни расстаться даже с головою,
Кровавой битвы с храбрецом, меча, кинжала не страшится!

Кто клятву веры и любви вслед за Мансуром повторяет,
Тот своры, что заветных тайн и не знавала, не страшится.

О ищущий заветный клад, в гнездовье змей зарытый, помни:
Клад обретает тот, кто змей, хоть их немало, не страшится.

Пускай корят меня слепцы, пытаюсь от любви отвадить,
Влюбленный тех, кому любить и не пристало, не страшится.

И пусть для жизни и души любовь опасностью чревата.
Кто сердцем смел, того любовь не испугала: не страшится.

Меня боязнь не томит вражда соперников злонаправленных:
Влюбленным в розу ведь шипов страсть наказала не страшиться.

Ведомый Фазлом, Насими надежной вере сердцем предан:
Кто смел, как лев, тот лап молвы и зубоскала не страшится.

О моей солнцеликой слагает сказанья луна,
Эта песня — влюбленным, сердцам их и душам слышна.

Как ни тишь город сердца, властитель любви, укреплять,
Все равно войском страсти разрушена будет страна.

О, кому же поведать заветную тайну любви?
Глупо разуму верить, уму доверяться сполна.

В день свидания с розой сколь благостен лад соловья,
Хоть шипы его жалят, хоть мука ему суждена.

Тот греховен, о сердце, кто хмеля очей не познал,
И на сторожа страсти за грех этот ляжет вина.

Что для истины истин Кааба, и храм, и кабак?
Насими! Кто ей верен, тому только благодать дана!

Любимым любо мучить нас и нарушать любви обет:
Они поманят и уйдут, и от любви пропал и след!

Хоть иногда и посулят любовь и верность соблюсти,
Да выйдет все наоборот, и вместо счастья — горечь бед.

Измученных огнем любви, разлукой опаленных душ
Уста любимых не щадят и не даруют им шербет.

Им любо ссорой и враждой вконец измучить и уйти,
А помириться не придут, и чужд им дружный лад бесед.

Очам их град жестоких стрел привычно в жертв своих метать,
Увы, прицелом метких глаз враг не бывает не задет.

«Зачем же мучить и томить?» — я у возлюбленной спросил.
«Да кто ж влюбленных не томит, не мучит их?» — мне был ответ.

Поцеловать рубины уст, увы, напрасно я молил.
Да почему ж вовек никто ее участием не согрет?

И тем, кто любит всей душой, кто негою любви томим,
Каких не доставалось мук от непокорных приверед!

Смешон советующий мне на лик любимой не смотреть.
Знашь, у него незрячий взор, да и стыда пред богом нет.

О боже, мне и невдомек, за что красавица гнетет,
Она чуждается меня, в ней дружбы нету и примет.

Хвала творцу, у Насими есть светоч на его пути —
Достоинству всегда чужды и лицемерье и навет!

Кто уподобил образ твой цветущей розе иль жасмину,
Тот розу и жасмин вознес, забыв красы первопричину!

Да будет не дано вовек тому увидеть стан твой стройный,
Кто кипарис или тубу в мечтах возвысил не по чину.

Да будет пощажен за грех безверец-идолопоклонник,
Когда он вслед за мной тебе поклонится как властелину.

Едва коснется кос твоих дыханье утреннего ветра —
Их мускус обратит весь мир в благоуханную долину.

О, если идол не похож на твой прелестный лик нисколько,
Зачем, пред идолом склоняясь, зловерец гнет в молитве спину?

Чей зрячий взор остался слеп к печальной участи Юсифа,
Кому была корысть во зло употребить его кручину?

Кому удастся описать твоих чуть видных уст цветенье,
Тот — прозорливец и мудрец, во всем провидящий причину.

Ты говоришь и говоришь, а уст твоих совсем не видно.
«Да кто же говорит без уст?» — я усомниться не премину!

Когда бы все узнали перл, в словах моих речей сокрытый,
Аденский жемчуг знатоки ценили б лишь наполовину.

Прекрасный образ созерцать — да есть ли что-нибудь прекрасней!
Зачем неверящий глядит не на красу, а на личину?

А Насими твоим устам хвалу возносит ежечасно:
Дано им дух вдохнуть в тела, уже обретшие кончину!

Зачем больное сердце вновь томиться так бредово стало,
Когда любимая душе являться без покровов стала?

Едва лишь внял я тайный смысл речей, слетевших с уст-рубинов,
Как сердце мукой изошло, и от крови багровым стало.

Она пришла в открытый дол, покинув кров уединенный,
И сердце, боль любви тая, скорбеть, бродя без крова, стало.

Когда по прихоти она свой лик меняла ежечасно,
Ее душа на много душ распасться вмиг готова стала.

Представ во множестве личин, она явила лик единый,
Блеснув расцветкой двух миров, она сокрытой снова стала!

Она таила тайный дух и в явной плоти отражалась,
Была в той яви тайной суть, а тайне явь основой стала.

Судьба судила Насими во мраке кос ее таиться,
Но он во тьме увидел лик, и все на свете ново стало!

О тонкой брови серп луны, в ночи встающий, мне напомнит,
Твой лик весну румяных роз красой цветущей мне напомнит.

Полночный мрак вокруг луны, расплегший мускусные косы,
Твой локон, словно гиацинт, изгибы вьющий, мне напомнит.

Толкуют мудрые мужи о тайнах-чудесах пророков,
А взор твой — чудо тайных чар истомой жгущей мне напомнит.

Пропетый из корана стих о ночи предопределения —
Кромешный мрак твоих кудрей, как ночь влекущий, мне напомнит.

И пусть отшельники твердят рассказы о садах предвечных,
Твоя тропа цветенье роз предвечных кушей мне напомнит!

И кравчим сложенная песнь о родниках, в раю журчащих, —
Родник твоих рубинов-уст, усладу льющий, мне напомнит.

Наточенный до блеска меч, в меня направленный врагами,
О серебре твоей руки, меня зовущей, мне напомнит.

Отшельники мне о кыбле твердят напрасно без умолку.
Изогнутая бровь — михраб, молитвы ждущий, мне напомнит.

А Насими, слагая стих, живой, как будто вздох Мессии,
Дыханье твоих дивных уст строкой поющей мне напомнит.

Я — месяц, вставший в небесах, дух, ожививший небосвод,
Я — солнце, сущее везде, светящее с благих высот.

Я — все величие небес во имя блага и добра
Кружащее светило дня на мой порог главу кладет.

Я — повелитель двух миров, я в их просторах вездесущ.
Луна — мой полуночный страж, Сатурн — надежный мой оплот.

Я — истина правдивых слов, неколебимый правды зов,
Я — свиток, скрывший в письменах моих явленных сутей свод.

Я — хумаюн, вспаривший ввысь, в чертог предвечной высоты,
Я — мир, вместивший все, что в нем себе свершенья не найдет.

Я — возвышающий владык из жалкой доли бедняков,
Я — сень над солнцем в небесах, свершающих круговорот.

Я — попирающий во прах сияние далеких звезд,
Я — тот, кто сыплет двум мирам даяния своих щедрот.

Я — кравчий тот, который всем, душой вкусившим хмель любви,
Являет гурий дивный лик и терпкий сок вина им льет.

Я — слово истинной хвалы той луноликой красоте,
Чертам которой я дарю истолкованье-перевод.

Я — недоступный для очей, но сущий всюду и везде,
Я — сущий в яви, кто от всех суть в сокровенном бережет.

Я — избавленья правый путь, повисший над гееной мост,
Я — благо вечности и рай, и мне не наречен исход.

Я — смысл, проникший в суть вещей таинственным значеньем букв,
Я — откровений тайный знак, который явь времен блюдет.

О ты, провидец и мудрец, постигни новь и старь во всем:
В единой сути бытия повсюду я — один и тот.

Пусть, Насими, душа и дух тебе подвластны, как Исе.
Я — тот, кто в духе дух таит и в чьей душе душа живет.

Я — благодать таящий перл из рудников, хранящих жизнь,
Я — влага райского ручья, журчанье животворных вод.

*МЕСНЕВИ,
ТЕРДЖИБЕНДЫ*

Я — ИМЕНИ БОЖЕСТВЕННОГО
СЛОГ

Кто я? Мессия, Мариям и бог,
Я — имени божественного слог.

Я — талисман, который скрыт в глуши,
Я — истая действительность души.

Я — и Муса, я — и гора Синай,
Я — божий лик и глаз, я — ад и рай.

Я — Ной, и я — ковчег его нетленный,
И я — вода живая во вселенной.

Папирус я, но и чернила — тоже,
Я — толкованье трона, слова божья.

Я — кравчий, я и чаша и вино.
Основой вечности мне быть дано.

Я скрыт бутоном под сердечной сенью,
Открыт — от своего же дуновенья.

Как кипарис, влюбленный в алость рез,
Машу ветвями рук, а в землю врос.

Я весь в любимой, растворился в ней,
Я — только сердце, отданное ей!

МОРЕ ТАЙН

Ты любишь факел солнца, светоч дня,
А он всего лишь медный таз огня.

Им небосвод изранен — там и тут,
И эти раны звездами зовут.

Чтоб ржавь с небес очистить, в месяц раз
Луна восходит, серебром сочась.

Бывает нежным солнце той порой,
Но лик невесты новой — под чадрой.

Пусть для тебя Мессия — солнца сень,
Земля твоя постель в последний день.

И пусть ты даже, как Гарун, богат —
Земля покроем и тебя, и клад.

О да, богатства много в трюмах рока,
Но доплывет ли судно в шторм жестокий?

В живую воду ты душой не верь —
Всяк помирает, даже Искендер.

Пчелиным ульем этот мир слывет —
То жало в нем, а то сладчайший мед.

Будь осторожен, и ступай едва:
Сей мрачный прах — правителя глава.

От Дария — лишь роспись на дворце.
След Кейкубада в кирпиче-сырце.

Красавицы глаза — любой цветок,
А зелень луга — нежный их пушок.

Весь мир когда-то откупил Сенджер,
Теперь лишь цепкий лох, где был Сенджер.

Плоть — это прах в дороге ветровой,
Жизнь — снег горы, а солнце — над горой.

Нужна мне мудрость, а не серебро,
Не раковина, а ее нутро.

Коль ты не глуп — не жадничай, тогда
Как мышь, не струсил в страшный день Суда.

За пищу не поддайся подлецам,
Хлеб не найдешь — тебя найдет он сам.

Забудь про злато: место погребенья —
Не злата кладезь — зекра и смиренья!

Мечтаешь о богатстве — сон твой краток,
Наследникам достанется достаток.

Так пусть народ услышит назиданье
Из уха, где жемчужины блистанье.

Султанства трон — от головы отказ,
Пренебрежешь им — сам себе указ.

И бедность — султанат в конце концов,
Для нищего руины — блеск дворцов.

Величье духа нужно человеку.
Жизнь — это буря, деньги — прах от века.

Твое богатство — змеи, скорпионы,
Кого же могут полюбить драконы?

Уж коль имеешь ты богатство — трать:
Кто копит, тот и негодяй и тать.

Мы только гости в мире сем безбрежном,
А смерть, как ручка в двери, неизбежна.

Через порог пройдут рабы и ханы,
В ошейниках всем быть, как обезьянам.

Так облегчи свой груз, чтобы ты мог
От спутников отстать — ведь рок жесток.

Кто копит золото, отрицая смерть,
Тому великой веры не иметь.

Вино единства, сердце, пей и веруй,
Что чаша дервиша — лик Искендера.

Познай себя, будь сведущ в тайнах божьих,
Тогда и Джебраил тебе поможет.

Что человек? Он — Истины величье,
И сокровенный смысл есть в этой притче.

Свет Истины — душа, а тело — знак.
Превыше ангела кто рассуждает так.

Единый свет частицы жизни мечет:
Одно и то же море — пар и жемчуг.

Одна и та же река кусты поит,
Но разные их плоды на вкус и вид.

Да, суть одна, хоть разнятся черты,
И этому обязан верить ты.

Мы Истиною зрячи: покрывало
Сбрось — красоты не спрячет покрывало!

Час смерти затруднит себе богатство,
Сперва, как мед, потом покажет яд свой.

Поспоришь с Азраилом — и тяжбе той
Придется душу сдать, не золотой.

Кто бросить клетку жадности стремится,
Вспорхнет в раю над лотосом, как птица.

Едины изначально — правда, бог.
Свет божий — дух твой, разум — твой пророк.

Знай суть, на форму не потрать труда,
Ведь форма — что кустарник без плода.

Брось скорлупу, коль мозг найти ты смог:
В любом мозгу — глубинной сути мозг.

«Познание — бог, — рёк Мохаммед, — и тот,
Себя познавший, бога познает».

Давно известны мудрые слова:
Частицы жизни — светоч божества.

Трон шаха блещет в серебре, в мехах,
Но трон народа свят, хоть с виду прах.

Смерть тяжела на ложе из шелков,
И легче на земле, среди шипов.

Распух, как бык, себялюбивый плут,
А честный, как скакун арабский, худ.

Кто любит подлость, как малец, сосет
Гной времени, а думает, что мед.

Кто в жизни знал лишь благ приобретение,
Пред Азраилом будет в затрудненье.

Груз золота отяжеляет слух,
Стяжатель ко словам ванза глух.

Наследники хадже желают зла,
Как пес, что жаждет смерти для осла.

Нам счастья не дает судьба-старуха. —
Ах, не надейся ты на эту шлюху!

Себе находит мужа, убивает.
Невеста, а в руке кинжал сверкает!

Ее занятие — убивать мужей.
Беспечный, сердцем не веряйся ей.

Обманывает нас она нередко,
К себе манит кровавая кокетка.

Не уместишь в душе ты злато с богом:
В стране два шаха — значит, быть тревогам!

Ничто не отвергай — ведь мир таков:
Изъян не у творений — у творцов.

Из одного железа, право слово,
И зеркало, и для осла подкова.

Привыкли мы искать изъян в другом,
Не ищет только тот, кто чист нутром.

Грех ближнего искать — великий грех.
Кто видит свой, тот прозорливей всех!

ЗЕМЛЯ И НЕБО В БУБЕН ПРАВДЫ БЬЮТ

Великий океан забыл покой,
Пришли в движение небеса с землей.

К началу Вечного открылась нить,
Как знающему это поступить?

Молекула звездой горит во мгле,
И поклонилось чистое земле.

Художник над рисунком властелин,
И в недрах Бадахша горит рубин.

Из Коусера пьем мы, говорят,
В набат и сахар обратился яд.

На яд противоядие нашли,
Жемчужина — лекарство для души.

Земля и небо в бубен правды бьют,
И арфа с флейтой Истину поют.

В обычной капле замер океан,
Во всем — Иса и мать его Марьям.

И камни, как шиповник, расцвели,
Хосров с Фархадом в мир Ширин вошли.

Она и он — как верности обет,
Без утвержденья отрицанья нет.

У ереси и веры суть одна,
У меда и у яда — вкус вина.

Единство мнений породило труд,
И этим люди на земле живут.

Одно теперь — и тело и душа,
И к шариату секта путь нашла.

Предмет от многозначности ушел,
Стал миром мир, и стал ослом осел.

О ищущий, пока ты не ослеп,
Зри Истину — она твой верный хлеб.

Все стало явным, разве только бог
Нас, смертных, не пускает на порог.

Все стало сутью, Истиной одной,
И морем — то, что скрылось под водой.

Сквозь даль годов туманных не смотри
В себе самом ты Истину узри.

И если ты, кто — бог, узрел себя,
Ты — смысл небытия и бытия.

Раз правоверный — зеркало твое,
Ты в зеркале увидишь сам его.

Ты сатаной не очаруйся вдруг,
На лесть его не попадись, о друг!

Кто от вина прозренья опьянел,
Тот к Вечному приблизиться сумел.

Ты перед Истиной закрывший дверь,
Стань человеком, если ты не зверь.

Склонись пред ним, пока не изнемог,
Ведь в нем одном лишь проявился бог.

Покорный, не склоняйся от стыда,
Ты слышишь трубы страшного суда?

Что перед ним твоя пустая жизнь,
Он меч вознес, открой глаза, проснись.

Истоки зла прозревшему видны,
Пороки времени обнажены.

Ты не слышал трубы зовущей звук,
К ней, праведной, увы, остался глух.

Бросает бог на судные весы
Твои дела в последние часы.

Ты осквернял его высокий слух,
Ты чужд ему, ты Истине не друг.

Кто обнаружил духа торжество,
Тот этот мир не ставит ни во что.

Возник термит на гибель чаш лесных,
Он от меня не скроет тайн своих.

Он всемогущ, в его руках фирман,
И это я — сегодня Сулейман.

Я сам — Муса, меня не побороть.
Мне вечный меч свой даровал господь.

Нам, с кем господь, язычник не пример,
Погибнет тот, кто в вере лицемер.

Народу в руки зрячий посох дан,
И это — равновесье, не обман.

Ты Истину с собою в путь возьми,
Живет в ней дух святого Наими.

Когда по этому пути пойдешь,
Тебя не тронут бедствие и ложь.

Он — рай и гурия, и в нем видна
Устойчивая суть и вышина.

Не знай позора с этой стороны,
Коль превосходства господя видны.

Знай: истинно бесценна наша жизнь,
Тому, что изначально, поклонись.

Величья хочешь — к Истине иди,
Да не рискуй замешкаться в пути.

Сама душа — дыханье Насими,
Великий океан и глубь земли!

Мне столько горя и тревог от черноты ее кудрей!
Взгляни, о суфий, и поймешь всю суету своих страстей.

Не от служенья богу ты теряешь голову свою,
А от гашиша и вина, и потому так пусто в ней.

Ты золотом пленен, меня ж навеки ранила любовь,
Тот среброгрудый кипарис, что разум делает мудрей.

Мир полон жаждущих ее, желающих любовных встреч,
Непонимающий любви, что ж ты пред нею стал бледней?

Сначала суетность отринь, мрак себялюбия отбрось,
Чтоб в красоте ее земной свет Истины постичь верней.

Для косоглазых мир кривой, там, где один, увидят двух,
Учись единству и в себе у ясновидящих людей.

Есть локоны, есть лик и взгляд, соблазнов много на земле,
У вождельня много мер, единой мерой овладей!

Пойми, Меджуном надо быть, чтобы увидеть лик Лейли,
Так до безумия любить, а может быть, еще сильней.

О, боголика моя, явись и оправдай меня
Пред всеми, кто, поверив мне, так жаждет красоты твоей.

Я утонул в Кульзум-любви, в реке, где топишь кудри ты,
Страдальца сможешь ли извлечь ты, как жемчужину морей?

Ты — Истина сама, в тебе — сосредоточье всех имен,
В пределах и добра, и зла — с тобою к правде путь прямой.

Ты в Мысре святости луной сияешь, как Юсифа лик.
Скажу, что богом звать ее, все богом названное — в ней.

Влюбился ангел в облик твой и поклоняется тебе.
О боже, дивный облик твой — очарованье для очей.

Твой облик — солнце двух миров, таит он муку для души,
Он жжет, сплит, зато покой в сияньи локонов-лучей.

Все вещи — только тень твоя, пока живешь, живут они,
О всемогущая, ведь ты сама источник всех вещей.

В тебе единство мир обрел, ты множеству дала предел,
Ты в беспредельности миров становишься еще земней.

Сказать смогу ли, как слепец, что ты сокрыта от меня,
Когда с возлюбленной моей все вещи зримей и теплей?

Очарованье двух миров, о бесподобная, приди,
Своей красой обогати, сияньем одари людей.

Войди под своды двух миров, их преврати в единый рай.
Ты — гурья у адских врат, ты — ангел у святых дверей.

Дыханьем бога, Насими, я наделяю все, что есть.
Коль ждешь Мессию, мертвый, встань и божеством себя сограй.

ТЕРДЖИБЕНД

Приметен нам бесследный след,
И внятна речь, где речи нет.
Забыв себя, мы ищем суть,
Живой водой наш дух согрет.

Мы юны, если древен мир.
Мы стары, если молод свет,
И мы владычим в двух мирах,
Презрев мирской удел сует.

Напомни нам призыв Мусы,
Коль наша речь исторгнет бред,
Напомни нам, в чем наша суть,
За кем в сей мир пришли вослед.

Нам нет пристанища нигде,
И беззаветен наш завет:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

* * *

Мы власть даруем двум мирам,
Печаль и радость чужды нам.
Шибли — лишь капля наших вод,
И точка наших букв — Адхам.

Когда взбурлил наш океан,
Из праха сущим стал Адам.
Лишь нашим вздохом жив Иса —
Ведь мы вдохнули жизнь в Марьям.

И если сердцем ты правдив,
По нашим ты идешь следам.
О мертвый! Как тебе вздохнуть,
Коль не приник Иса к устам?

Раз ты его дыханьем жив,
Запомни зов, присущий нам:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

* * *

Пойми: мы — правды верный путь,
Взыскуешь правды — с нами будь.
Благим не станешь, не сумев
С гуляками вина хлебнуть.

Одежды скинь, надень тряпье.
Но только миг и в нем побудь,
А скинешь брренное — поймешь.
Как тлена в вечности минут!

А хочешь ты наш мир познать —
Оковы колдовства забудь:
Пока гордец о бже рёк,
Успел Муса свой жезл метнуть.

Вне сути вездесущим стань,
Отринь все страсти, помни суть:

Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

• • •

Нам над мирами власть дана:
От вздоха утреннего сна,
Пойми, под сенью лун без нас
Нет ни единого зерна.

Наш зов «Я — истина» — правдив,
Той правде — наша кровь цена.
Не с нами тот, кого манят
Корона, золото, казна.

Ищи — постигнешь веру в нас:
Суть бога в нас воплощена.
Для ищущего суть равны
И чернота и белизна.

Усвоишь это — повторяй —
Любая речь на то годна:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

• • •

О ты, чья воля нам дала
Весь сущий мир добра и зла!
Велел познать ты твердь земли
И высь вселенных без числа.

Прозри наш вездесущий лик
Везде, где суть его светла.

Вепец красы, мы пленены
Красою своего чела.

Познай, невежда: мир один,
Пойми: все было — прах, зола.
Все сущее вне нас — ничто:
И высь, и твердь, и свет, и мгла.

И внятна в граде бытия
Юнцам и старцам та хвала:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

• • •

Мы — тот сосуд, где есть вино,
Нам сущее вместить дано.
Как сахар в теле тростника,
Мы — со вселенной заодно.

Хвалу возносим мы Исе —
Им мертвое оживлено!
О ты, не знавший суть миров,
Ищи! Сокровищ в них полно.

Всегда во всем с Хусейном будь,
Твое неведение грешно.
Дай, кравчий, чистого вина,
Да будет выпито оно!

А одолеешь тягость мук —
Да будет сердцу внушено:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

* * *

О ты, в чье сердце гнев проник!
Храни тебе привычный лик.
Владык не ведает вовек
Стезя бездольных горемык.

Презри соблазны двух миров,
В забвенье жизни будь велик.
Отринув пути бытия,
Ищи рекомый мной тайник.

Помыслишь сущих, кроме нас,
Забудь ту скверну в тот же миг.
Нам в мире ведом каждый знак,
Два мира разум наш постиг.

Ступай же к нам, забудь себя,
Будь, клятва, словно львиный рык:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

* * *

Ты, человек, в страстях убог,
А бог в тебе огонь возжег!
Да есть ли в бренном мире прок,
Что с вечностью сравниться б смог?

Гнет брэнной плоти усьмири,
Как жезлоносец нам предрек.
Владыкой став своей душе,
Ты, как Юсуф, спастись бы мог!

И, одержим, хмелен, смятен,
Явись себе, челом высок.
Смири во имя бога плоть —
Ищи божественный чертог.
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

* * *

Чертог предвечный, горный свод
Простер над нами даль высот.
Кто звенья пут с себя сорвал,
Тот вознесен на небосвод.

Пусть зло всегда ведомо злом,
Ни боль, ни радость нас неймет!
Ты в сердце нам устрой приют,
Изгнав из сердца сор забот.
Не ты ли нами восхвален —
Твой, сотворенный небом, род?

Мы воздаем хвалу Исе —
Он душу даже в прах вдохнет.
Ты, помня это, повторяй:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

О ты, о Насими, тверди
То слово-перл предвечных вод:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

ТЕРДЖИБЕНД

Мы — явь творца и суть его примет,
Зерцало, отразившее весь свет.

О жаждущий! Приди к нам, мы — родник, —
Живой водой да будешь ты согрет.

Двойную суть в едином видеть — грех:
Где ты, где мы — различий в этом нет.

Познают все, что истина — одна,
Когда с чела покров наш будет сдет.

О ищущий божественную суть!
Ведь мы — сам бог, — забудь двойной завет.

Велики мы, но в край небытия
Бредем, как нищий, что в тряпье одет.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

Во мраке кос твоих мы сень найдем —
Приют под хумаюновым крылом.

Свет единенья явит нам свой лик —
Из небыли, как солнце, мы взойдем.

Мы сущи в мире, чуждом всех примет,
Неведомы нам «что», «зачем», «о чем».

И если солнце веры — ты, хаджа,
Как мы себя правдиво назовем?

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

О кравчий! Дух, животворящий нас!
Живишь ты влагой уст, хмелящей нас.

Твой лик, как солнце, озаряет мир,
Влечет твой зов — всех лакомств слаще — нас!

Для нас ни рая нет, ни вечных благ,
Когда далек твой лик, манящий нас.

Во тьме творенья сквозь крошечный мрак
Ведет твой лик стезей светящей нас!

Наш помысел — один лишь образ твой,
И нет иной мечты, томящей нас.

Какое сердце в нас приют найдет,
Пока мы зрим твой лик, спящий нас?

Безбрежен океан твоей любви,
Как жемчуг, в глубине таящий нас.

Твои лучи льют золото в сердца, —
То — клад монет любви, ценящей нас!

Ты — свиток, предсказавший нам судьбу,
Счастливою звездой дарящий нас.

О ты, наш перл! Познай же нашу суть, —
Не знаешь тайны ты, хранящей нас.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

О ты, сокровищ вездесущий клад,
Краса души, отрада всех отрад!

В любви к тебе, открывшей явь вещей,
Какие глуби скрытое таят?

Душа и тело, блага всех миров,
Что было, что придет — мгновенный чад.

В сплетенье букв скрижалей бытия
Ты — только знак, поставленный в их ряд!

И только лик, лишенный бытия,
Живую воду явит без преград!

Муса, спаси изгнанников от мук,
Реки: «Откройся!», благостью объят.

Забудь себя, во всем прозри творца, —
Он — тот бесследный след, что вечно свят.

Всем сущим сутям слово в дар дано:
Они без слов словами суть гласят.

В небытии лишь вечность обретишь,
О ты, в бессмертье жаждущий улад.

Нам облик человеческий присущ,
Но скрытый мир — живой провидит взгляд.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

Нам наша красота светилом стала,
И тьма сокрылась, зло немилым стало.

Лучи сиянья пали в сонм пылиннок,
И каждая палима пылом стала.

А взор упал на тлен презренной плоти —
Она подвластна вечным силам стала.

Все тленное, прияв благую милость,
Земле и небу вечно милым стало.

Прияло око свет благого лика —
Провидеть суть ему по силам стало.

Открылась вязь письмен на дивном лике —
И явной суть, что он дарил им, стала,

И правда строк немеркнувшего лика
Всем истинам в мирах мерилом стала.

Краса чела, раскрыв священный свиток,
Ключом всех тайн, что смысл открыл им, стала.

То сердце, что познало единенье,
Презрело слабость, снова сильным стало.

Суть нашей речи, внятной всем созданиям,
Истоком наших душ глубинным стала.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

Открылся миру скрытый нами клад, —
Его добром стал мир вещей богат.

Как дар господней милости, его
Рубин — в горах, а перл — моря таят.

Являет он всю сущность бытия,
Дарует сути мира строй и лад.

Тот клад — исток творенья, суть всего,
Что в беге дней сменяет свой наряд.

О ты, таящий в сердце лик иной!
В тебе — грехов и заблуждений яд.

В сокрытых тайнах, в яви двух миров
Мы — те, кто явь и тайну сохранят.

Не верящий в единство мира, знай:
В единстве — цель, двойная суть — разлад.

Не ведавший сокровища бедняк,
Пусть твои очи — суть и сущность зрят.

Из плена плоти вызволи свой взор
И не тверди всех «да» и «нет» подряд.

Пока сияньем солнце красит мир,
Да будет светел тот, кто вечно свят.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

Пьяны от влаги, хмель дающей мы,
Ведь кравчий, всем вино несущий, — мы!

Мы — ключ, открывший тайники небес,
Огонь свечи, к вину зовущей, — мы.

Мы — чанг и ней, и звон поющих струн,
И звуки песни, лад ведущей, — мы.

Нам люб уединенный путь бродяг,
И свежи юностью цветущей мы.

Мы в мире вездесущи и бедны, —
Сонм птиц, повсюду гнезда вьющий, — мы

Мы жжем безверье, все, что чуждо нам, —
Огонь единства, скверну жгущий, — мы.

О ищущий божественную суть,
Мы признак сути вездесущей, мы!

И отблеск вечной сущности творца,
На шесть сторон сиянье льющий, — мы.

Хоть мы — предел, конец, граница, край, —
Вне сути, грань мирам кладущей, мы!

В единстве мира мы — единый лик,
Смысл двух миров, в единстве сущий, — мы.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

• • •

Чертогом девяти небес хранимы,
Мы всюду в нем — снаружи и внутри мы!

Наш лик — Лейли, и нет иной любви нам, —
Собою, как Меджунун, мы одержимы.

И, сущие повсюду во вселенной,
Мир без «зачем» и «почему» нашли мы.

О ищущий суть истины, зри бога, —
Его черты в прекрасном лике зримы.

Любить наш лик — дороже всех сокровищ,
Что в беспредельности миров таимы.

О себялюбцу, жаждешь ты соблазнов, —
Презрения достойны нелюдимы!

Ведь должен был явиться день творенья,
Чтоб стали «каф» и «нун» неотделимы.

Чем излечить от хвори вожделений?
Маслины той беде необходимы.

Чудовищу ты зря твердишь заклатья, —
Порывы зла его неукротимы.

О ты, не ведающий нашей правды,
Запомни клич, который изрекли мы:

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

• • •

Мы — мир, нарекший всем хвалам зарок,
Мы мира, беспредельного восторг

И сущи мы, пока нам Фазлуллах
Стезю смиренья в двух мирах предрек.

В семи пределах наших капля вод
Семи морям способна дать исток.

О истинного друга стройный стан!
Короткоруким путь к тебе далек.

Не смей твердить, отшельник, про любовь, —
Ведь ты вовек не ведал к ней дорог.

Чело луны померкло от того,
Что я из сердца горький стон извлек.

Зачем с тобой делить мне боль души?
Не знал вовек сердечных ты тревог.

Твоя любовь приворожила нас, —
Янтарь к себе соломинку привлек.

Святоша, знай: дурного нет в вине,
Испей вина, хулить его — не прок.

Все истинно в предвечных письменах, —
Нам прихоти желаний невдомек.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

Ведущий к миру сутей нас глава!
Твой лик — семи святых стихов слова.

Венца главенства недостойна ввек
Не ведавшая плена голова.

Твой лик — сверканье солнечных лучей,
Дающих жизнь всем сутям естества.

Без пешек, без коней и без слонов
Твой ферзь дал мат — и пала булава.

О тайна букв меж родинок твоих!
Земле и небу в ней — суть божества.

«Нет, он не пал за веру, — умер он!» —
О любящих твой лик гласит молва.

О ты, не знавший в поисках удач,
Твоих исканий цель, увы, мертва!

Безверец, чтущий идолов, — и в них
Свет твоего провидит существа!

Сгубивший жизнь ханжа, испей вина,
Пойми, бывшая суть твоя крива.

Мы — суть и сущность сокровенных тайн,
Мы — свет души и пламень вещества!

Мы — дух святой, мы — имя из имен.
Тем духом был Адам одушевлен!

* * *

Откинь завесу, лунный лик открой,
И тайну тайн да явит облик твой!

Да станет лик твой в пелене кудрей
Душе и сердцу солнцем и луной.

Да обратится смута чар твоих
Вещающей о судном дне молвой!

Умам всех сущих истину внуши —
Смятение вселенной успокой.

Да дышит благовоньями твой вздох, —
Даруй хотанским ланям мускус свой.

Ввергая розы в смуту каждый миг,
Обвей их благовонною волной.

О ты, влюбленный в кипарисный стан!
Во прахе перед ним пади главой.

Любовь — сокровищ потаенный клад,
В нем жемчуг скрыт, рассыпанный тобой.

Приди, о кравчий, к райским ручейкам,
Наполни чаши пенистой водой.

О ты, парящий в мире бытия,
Всех птиц пером Симурга удостои.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

Поистине мы — тайна всех имен,
Мы истиной зовемся испокон.

Наш образ — тайна праха и воды —
Во влаге уст и в родинках явлен.

Мы — чрево корабля, благой ковчег,
Вместивший семь морей семи сторон.

Твоей красой в красотах всех миров
Никто, нигде, ни в чем не наделен.

И если ты — не суть всего, зачем
Смысл истины в тебе запечатлен?

Перл истины взыскующий! Пойми:
В морях души, в глубинах сердца он!

Сумей прозреть обличие творца
В красе, которой лик твой озарен.

Зачем теперь ты истину не зришь,
О тщетно ждущий будущих времен?

В томленье по желанному челу
Да будешь ты душою просветлен!

Мы, как Адам, — из глины, Насими, —
Любой из нас в той сути сотворен.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлен!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

С водою прах смешал великий бог
И сотворил из глины свой чертог.
Аллах Любовь с Любимой и с Любимым
Соединил и в мире уберег.

Путь к правде Правда направляла строго.
И вот лицо открыла недотрога,
И я благую истину постиг:
«Лишь ты — мой бог. Нет бога, кроме бога».

Имама праведного взгляд — вот что такое лик твой.
Сад на земле и райский сад — вот что такое лик твой.
Корана праведный аят — вот что такое лик твой.
Мекканский храм, святой Багдад — вот что такое лик твой.

Ни на земле, ни в райской вышине
Тебе подобных нет на горе мне.
Своей красой ты мертвых воскрешаешь,
Твоя краса, как весть о судном дне.

Невежественный человек, беспечный, проснись.
Не доверяйся жизни быстротечной, проснись.
Путь этой жизни — путь небесный, проснись,
И что-то обрети из правды вечной — проснись.

Луна и та поражена обилием твоих красот.
Исходит мускус от волос, а с языка исходит мед.
Я — человек, весь этот мир живет за счет моих щедрот.
И весь его круговорот — не есть ли мой круговорот?

Священной истиной всегда свои мы знанья мерим.
Без слова божья не открыть к познанию мира двери.
Ты, слово божие познав, не станешь мудрецом.
Пусть ты не станешь мудрецом, но и не будешь зверем.

Лжец истины не познает, так было с сотворенья,
И ложь, как ни сладка она, не дарит нам спасенья.
Хадж не свершивший — не хаджи, и в этом нет сомненья,
Хоть правда и горька порой — в ней наше исцеленье.

Источник райский на земле — мое отдохновенье.
В тебе стихии все сошлись, слились все измеренья.
Увы, в моей любви к тебе познал я поражение.
Я был беспечен, и теперь мне не найти спасенья.

Ты — Хызр, твои черты животворят.
От кос твоих исходит аромат.
Луна — красоты твоей лишь подаянье,
Фаилатун, фаилатун, фаилат.

О ты, чей стан — туба, чей лик неотразим,
Склоняется луна пред обликом твоим.
Пыль от твоих волос ценнее благовоний,
Твоя любовь — огонь, твоя неверность — дым.

О роза, ты росла в садах каких,
Вблизи каких потоков неземных?
В невечном мире мало вечных истин,
Ты, милая моя, — одна из них.

Всех смертных, нас, слепит твое сиянье.
Ты всех свела с ума, лишив сознанья.
Ты — отблеск рая, а подлунный мир —
Тобою брошенное подаянье.

Твоя краса предвечна, первозданна,
Ты — бог, твое лицо — сура корана.
Склонилось в восхищеньи пред тобой
Все в мире, кроме одного шайтана.

Нет мира без тебя влюбленным нам.
Хвала твоим устам, губам, рукам.
Твое лицо для нас — коран священный,
Твой каждый волос — это наш имам.

Мой врач, тяжка болезнь, тяжки мои мытарства.
Я стал твоим рабом, в твоих руках лекарство.
О мудрый лекарь мой, вернет здоровье мне
Лишь доброта твоя, а не твое коварство.

О ты, чьей красотой луна изумлена.
В кудрях твоих волос запрятана луна.
Тобой, а не луной земля озарена,
И в небе нам луна, как тень твоя, видна.

Кто светом осенил твою главу
И глаз твоих лукавых синеву?
Твои уста так сладки, что невольно
Стыдятся те, кто делает халву.

Как воды Хызра, все твои слова.
Что ты ни скажешь, ты всегда права.
Священны для меня твои реченья,
Словно корана каждая глава.

В кругу твоих волос затаено солнце,
И на лице твоём отражено солнце.
Любовию к тебе опьянено солнце.
Ты и светило — это суть одно — солнце.

Живая красота твоя все в мире покорила.
Склонились ангел пред тобой и вечное светило.
Досель подобной красоты ничто не породило.
Влечение всех мужей к тебе — красы твоей мерило.

Мессию предрекает нам твоих волос дурман.
Весь мир от красоты твоей безумен или пьян.
Но тайну вечную твою покрыл густой туман,
Поверенным твоим не стал ни ангел, ни шайтан.

В сиянии лика твоего — священное начало.
Нездешней истиной всегда твое лицо сияло.
А если это так, тебе таиться не пристало.
Не прячь от взоров божий свет, откинь же покрывало!

О милая, в твоей душе и обитает бог.
И я всю жизнь любил тебя, об этом пел, как мог.
Ты — книга божья, и когда упал один листок, —
На месте том раскрылся вдруг божественный цветок.

Горит твой каждый завиток, всех смертных нас пленяя,
Твоей божественной красе нет ни конца, ни края.
Написан твой святой коран искуснейшим письмом.
На свете для меня лишь ты единая святая.

О ты, кем полон мир, а миру нет предела.
Ты — этот бренный мир, его душа и тело.
От двух твоих бровей возник и ад, и рай,
Где происходит все лишь так, как ты велела.

Сиянием твоим пристыжена луна,
В сиянии твоём она едва видна.
Жизнь без любви к тебе напрасна и бедна.
Любовь к тебе одной пред верой не грешна.

В сравнении с тобой и месяц — жалкий раб.
Твой облик — райский сад, твои слова — шараб.
Когда б тебя во сне увидела бы пери,
Все тридцать два пера она свои сожгла б.

Суть истины — твой лик, что ж ты его скрывала?
Давай, хотя б на миг, откинем покрывало.
Чего стыдиться нам, отбрось стыдливость прочь,
Как нам на то сура корана указала.

От вечной истины я недалек.
Та истина в тебе, и ты есть бог.
В тебе заключена святая книга —
Семь сур корана — много тысяч строк.

Луна и та всегда испытывает стыд
Перед огнем твоих божественных ланит.
Что делать? Беден я и всеми позабыт,
И по тебе одной душа моя болит.

И пери пред твоей красотой явить свой лик стыдится,
Луна открыться пред тобой хотя б на миг стыдится.
И, видя розы уст твоих, живой родник стыдится.
Пред красотой твоих ланит и базилик стыдится.

Хоть, может, мой невнятен слог, я говорю:
«Дойти до истины я смог», — я говорю.
«Что я постиг, то я изрек», — я говорю,
Что бог во мне и сам я бог, — я говорю.

Я был хмельным, я ухмылялся пьяно,
Но стал я книгой судеб, как ни странно.
Четыре я стихии, пять святых,
Шесть измерений — я, семь сур корана.

С моей любовью я соединен,
С любовью мы едины испокон,
И потому я видел лик господен,
На все деянья я благословлен.

Ты сердце мне сожгла, сожгла беспечно.
И хоть к тебе дорога бесконечна,
Ты мне близка, мой свет, моя луна,
Подобно мне бессмертна ты и вечна.

Вершины гор — не место для меня.
Пусть будут там те, кто себя познал.
Ведь только человек, себя познавший,
Способен оценить алмаз и лал.

Ты, что в себе вместила божью милость,
Зачем шелками от меня закрылась?
Откинь шелка от своего лица,
Чтоб предо мною гурия явилась.

И родинки твои и завитки — соблазн,
Глаза твои, что словно родинки — соблазн.
Прикосновение твоей руки! — соблазн.
Мой идол, на меня не навлеки соблазн.

От щек и уст твоих, столь милых мне,
Горит луна и солнце в вышине.
Твой лик — начальная глава корана,
Напоминание о судном дне.

Луна взошла, откинув покрывало, —
Все в мире лунным светом засияло.
Дай, виночерпий, суфию вина,
Чтоб пустота святоши явной стала.

Свет Истины мое искало сердце,
В огонь любви мое попало сердце,
Все, что могло, мое познало сердце.
«Ничтожен этот мир», — сказала сердце.

Не будь шайтаном, мой услышь призыв,
На милую взгляни, лицо открыв.
Склонись перед землей, будь вечным раем
И стань прямым и строгим, как алиф.

Я богом был, я был самим собой,
Был Исфахилом, был его трубой.
Стать тайником бесчисленных сокровищ —
Вот что мне предназначено судьбой.

Твой светлый лик — тюльпан и роза рая.
Твой локон пахнет мускусом Китая.
Благоухают волосы твои,
Твоих речений правду подтверждая.

Все тайны разгадал, в суть мира я проник,
Все буквы — тридцать две — вместили в себя мой лик.
Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,
Я в мире всемогущ, всемилостив, велик.

Предвечен я, и вечность — мой конец.
Я — и творенье мира и творец,
Я — виночерпий пиршества земного,
Я — добрый знак для всех людских сердец.

О сердце, сердце, что ты загрустило?
Твое на свете все, что есть, что было.
Чего ж ты ждешь? Достаточно того,
Что не было само себе постыло.

Счастливы мы: любить нам суждено,
А вера и неверье — суть одно.
Любовь для суфия — лишь отрицанье,
Молитва — щит, не правда ли — смешно.

Твой довод — слово, през его лицом
Будь предан истине, не будь глупцом.
Чтоб видеть бога, надо быть влюбленным.
Узри творца творенья, будь творцом.

Бог чудо сотворил, он вывел пленных,
Муса ему милее Авиценны.
Пред луноликой той, чей тонок стан,
Не мудрствуя, ты преклони колена.

Проснись скорее, слышишь, Исафил
В свою трубу как будто протрубил.
На лике на твоём сиянье божье,
Твой сонный лик все тайны разгласил.

Все, что есть в мире — мед и яд — в тебе.
Слова писанья, рай и ад — в тебе.
Учитель мой, святой аят — в тебе.
Глагол пророка, райский сад — в тебе.

Ты бога возлюбил, был праведен твой путь.
Но пусть возлюбит бог тебя когда-нибудь.
Будь для огня огнем и стань для света светом,
Прозванья «Человек» всегда достойн будь.

Боль любящих сердец не знает исцеленья.
Нет веры у святош, их зыбки убежденья.
У них лишь тело есть, но вовсе нет души.
И век обетов их не долее мгновенья.

Твое лукавство — крепкое вино.
Я отхлебнул глоток и пьян давно.
Весь мир пленен твоею красотой,
Хоть и коварство в ней заключено.

Ты — рай розовый цветник, и в этом дело.
Создатель озарил твой лик, и в этом дело.
Твой сан высок, твой трон велик, и в этом дело.
Ты — алкоран, ты книга книг, и в этом дело.

В моих строках, а также между строк
Узрел сиянье божье тот, кто мог.
Увидел чудо — лик моей любимой,
И мой услышал голос: «Я есмь бог!»

Я отдал сердце ей, что лучше всех людей.
Я отдал сердце ей, что в мире всех стройней.
Я отдал сердце ей, чей лик прекрасней солнца.
Я отдал сердце ей, чей лик луны светлей.

Шайтан был тоже сотворен аллахом милосердным,
В огне самума он рожден, в огне зловонном, серном.
И так как он был знанья чужд, был лишь во зле усердным,
Невежду злобного аллаха нарек жестокосердным.

Душа горит, я не могу ни есть, ни пить, ни спать.
Закрою веки — предо мной лицо твое опять.
Покой мой отняла твоя божественная стать,
Но горе: чашей для меня твоим губам не стать.

Свеча удачи, свет сердец — твое лицо.
И облик свой вдохнул творец в твое лицо.
Нет ни начала, ни конца в твоём лице,
Но и начало и конец — твое лицо.

В тот миг, когда прильнул к твоим губам,
Я рай обрел, я принял вновь ислам.
Я стал святым хаджи не потому ли,
Что ты Кааба, мой мекканский храм.

Твое лицо — на божий лик намека.
В твоём лице запечатлелся бог.
В твоём лице — суть всех земных явлений
И хаджа путь, который так далек.

Твой лик есть солнце, свет его и тень,
Прохлада рая, райских кушей сень.
Твой лик — свеча, что светит райским светом,
И тьма над нами всеми в судный день.

Любовь, Любимый, Любящий — отнюдь
Не разные понятия — в этом суть.
Все три понятия эти — триедины,
Словно младенец, молоко и грудь.

Все думаю: зачем, кому я отдал сердце?
Тебе — кумиру своему — я отдал сердце.
Сам заключил себя в тюрьму, я отдал сердце.
Зачем — никак я не пойму — я отдал сердце.

Земля и небо изначала — семь,
Весь мир — немного и немало — семь,
Суть человека означала — семь,
Семью четыре — тоже стало семь.

Вершится в мире все по божьей воле.
Хоть бог один и нету бога боле,
Но человек не менее, чем бог,
Источник хлеба он, добытчик соли.

Все — слово божье, даже свет светил.
За сотни лет мир это подтвердил.
«Я — это бог», — сказал Мансур однажды,
И вот с трубой явился Исафил.

Бог — человеческий сын, и человек велик,
Все создал человек и многое постиг.
Все в мире — человек, он — свет и мирозданье.
И солнце в небесах есть человеческий лик.

Вновь имя Насими пишу я, взяв калам,
Я — золото, серебро, я — каждый божий храм.
Крушающий идолов — сам идолопоклонник,
Я наставляю всех и заблуждаюсь сам.

Перед красой твоей луна склоняется повинно.
Пред амброю твоих волос унижен мускус Чина.
В стране красавиц молодых, где высится твой трон,
Не может быть, кроме тебя, иного властелина.

Сам исходи, сам обыщи все страны в двух мирах.
Навряд ли край такой найдешь, где правит мудрый шах,
Который был бы милосерд не только на словах,
Которым бы во всех делах руководил аллах.

Луна вокруг твоих ланит кружится мотыльком.
И раковина — божий мир, и ты, как жемчуг в нем.
Две чаши милых глаз твоих наполнены вином,
Любовь к тебе — моя мечеть и мой питейный дом.

Суть божьей истины в чертах твоих,
День воскресенья в волосах твоих.
Твой облик — божье предзнаменование,
Твой стан — туба, ты лучше всех живых.

Нездешним светом твой сияет лик.
Видна в нем истина священных книг.
Будь мужем разума, а не шайтана,
Бог видит все, могуч он и велик.

Ты — часть моей души, и нет в тебе изъяна.
Ты — лучшая сура священного корана.
Ты доброй не была, ты от меня ушла,
Мне рану нанесла, не заживает рана.

Я за тобою шел, я был никчемным, неумелым.
С тех пор, как слились мы, мой дух соединился с телом.
Я стал сокровищем земным, стал мудрым я и зрелым.
Отныне трон мой здесь и там, за роковым пределом.

Познавший столько горя и утрат,
Нырнул я в море, там нашел я клад.
Нашел тебя, вошел в твой чудный град,
Откуда нет уже пути назад.

Восходит солнце с запада впервые,
Приходит к нам предвестие Мессии.
А может, ты и есть Мессия сам,
Скликающий всех тварей, все стихии.

Моей любимой лик — не райский ли цветник?
И стан ее — туба и локон — базилик.
Ее обитель — рай, а покровитель — ангел.
Соперник — сатана, он злобен и двулик.

Для любящих людей твой лик — дастан,
Для чтящих идолов — китайский храм,
Для правоверных лик твой — алкоран,
Для прочих смертных лик твой — гюлистан.

Любовь — Симург, божественная птица,
Она в сердцах нечистых не гнездится.
Что толку в том, что в Мекке ты бывал,
Когда в душе твоей лишь зло таится?

Влюбленные, сей мир угрюм и страшен.
Влюбленные, не здесь блаженство наше.
Наполнил чашу до краев Джемшид,
А человек, он — влага в этой чаше.

Ты распустила косы, дорогая,
И соловей затосковал, стеная.
И понял я, что ты — небесный трон,
Гора, священной самого Синая.

Стенать и слезы лить — влюбленного удел,
Его удел страдать, бежать в иной предел.
Любимой брови — лук, ресницы — стрелы,
Влюбленного удел страдать от этих стрел.

Твоей любимой лик и есть святая Мекка.
В речах любимой — бог, ведь было так от века:
Нас наставлял господь, корил и поучал
И с нами говорил устами человека.

Забыты в мире добрые законы.
Все люди змеи или скорпионы.
Нет в мире верности, нет доброты.
Нет больше ни любимых, ни влюбленных.

Вечна любовь, любимой лик предвечен.
И хоть любовь не терпит громкой речи,
Я говорю: «Любимая моя,
Твой лик печатью божией отмечен».

Как воскресенье, стан прекрасен твой,
Сияет чистотой твой лик святой,
Святой слывет Кааба, потому что
Озарена твоею красотой.

Исток соблазна — твой горящий взор,
Вокруг тебя ведется вечный спор,
А я твоих зубов увидел жемчуг
И свой покой утратил с этих пор.

Меня вконец разлука одолела,
Мой скудный дух стремится прочь из тела.
Мой тесен мир, хоть мир земной велик,
Безмерен мир, но мне какое дело?

Мне истину открыл учитель Фазлуллах,
Во тьме его лицо мой озарило мрак.
Меня он поднял ввысь по лестнице познания,
Мне больше никаких иных не надо благ.

О Фазлуллах, учитель наш, наш бог,
Ты нас из тьмы невежества извлек.
Ты наш отец, ты сделал все, что мог.
Ты мать, чье молоко пошло нам впрок.

Две брови у тебя, но их единая нить.
Глаза твои — моря, из них воды не пить.
Но дай нырнуть туда, поскольку лишь ныряльщик
И жемчуг и коралл способен оценить.

Пред стройностью твоей чинар и тот стыдится,
И роза пред тобой своих красот стыдится.
И мускус дорогой — ничто перед тобой.
Пред сладостью твоей пчелиный мед стыдится.

Твое лицо — луна в полночный час.
Так пусть его дурной не сглазит глаз.
Так пусть тебя минуют козни дэва,
С путей благих сбивающего нас.

Твой строен стан, во взоре вдохновенье,
Стоишь ты, как предвестье воскресенья.
Тем, кто в святые земли держит путь,
Твои глаза дарят благословенье.

Как храм святой, достойно поклоненья твое лицо:
Предначертанье и предназначенье — твое лицо.
И сам творящий и его творенье — твое лицо.
Час искупленья, миг отдохновенья — твое лицо.

Кыбла — ресницы, волосы — имам,
Твой лик дарует утешенье нам.
Ты — красоты всеобщей завершенье,
И страшный суд мой, и мекканский храм.

В четыре дня мир сотворил творец
И создал человека наконец.
Цени сей миг, господь в сей миг творенья
Свой дух вложил нам в глубину сердец.

Мы все, как есть, увидим без прикрас,
Мы суть и смысл всего пойдем в свой час.
Он настает уже, день воскресенья,
Пробудись скорей, ты слышишь трубный глас?

Семь — вот оно число, что не обманно.
Повсюду «семь» выходит из тумана,
И семь отверстий на лице у нас,
И семь в неделе дней, семь сур корана.

Давно меня повергнула во прах,
Все отняла, что даровал аллах,
Та, в чьих глазах и кудрях тайна скрыта,
Та, у которой сладость на устах.

Пока ты на земле, пока ты жив,
Ты быть прямым старайся, как алиф,
Чтоб видеть бога в каждом человеке,
Молясь ему и все ему прости.

И ты есть бог, но где твой божий взгляд?
И в чем служения тебе обряд?
Где намеренья, где твои стихи,
Где Мекка, где кыбла, где твой Евфрат?

Мудрец, когда себя познать ты смог,
Всего достиг и, значит, ты есть бог.
В тебе дыхание святого духа,
Ты всемогущ, бессмертен и высок.

Хочу попасть я в Мекку, в божий храм,
Увидеть знак святой «фа», «зад» и «лам».
Где б ни был я, мое мечтает сердце
Лишь о любви, подобно всем сердцам.

Читаю на лице священный стих,
Вдыхаю амбру от волос твоих.
О пери, милая, в мои объятия
Приди, открой завесу тайн твоих.

Я нынче, в праздник, волю дал губам,
К двум чашам я прильнул — к твоим глазам,
И показалось — истину я вижу,
Почудилось — попал я в Мекку, в храм.

Любимая, ты — шах, я — твой народ.
Прошу я, не жалея своих щедрот.
Мир — дом, жизнь — колокольчик возле двери,
Он позвонит немного и замрет.

Твои глаза — вино, твои уста — вино.
Все в мире красотой твоей опьянено.
Пусть стану жертвой я твоей красоты нетленной,
Хоть и коварство в ней, увь, заключено.

Всю душу мне испепелила моя любовь.
Завесу тайн моих открыла моя любовь.
На свете лишь одно мне мило — моя любовь.
Как сладко дух мой истомила моя любовь.

Ты в океан любви нырни хоть на мгновенье,
Со дна его достань коралл соединенья.
И что тогда все зло, всех черных сил боренье,
И что тебе тогда шайтана ухищренья?

С тобою мы одни, а где ж она, о сердце?
От милой лишь печаль нам суждена, о сердце.
Испили чашу мы с тобой до дна, о сердце.
Вот как печален мир, вот времена, о сердце!

Нет бога для того, кто правдой пренебрег.
А правда лишь одна, та правда — человек.
Я чувствую, что вновь грядет потоп всемирный.
О боже, подскажи, где нам найти ковчег?

Я испытал к вину пристрастие давно.
Я раньше пил, теперь я пью любви вино.
И вновь пьянит меня, пьянит своим лукавством
Та, от которой мне быть пьяным суждено.

И сам я — самый высший из владык.
Я — довод божьей тайны, я — велик.
Я — сам Имран, я сам — Исы дыханье,
Я — райский сад, я — неземной цветник.

Божественный твой лик — корана строгий слог,
Напоминанье нам: день судный недалек.
Твой лик вместил в себя все лучшее на свете,
Вновь подтвердил — в тебе и обитает бог.

Я опьянен вином, в котором хмеля нет,
Во мне таится бог, я излучаю свет.
Обычный человек, и мудрый я и здравый,
Мудрее мне не быть и через десять лет.

Теперь и не поймешь, что сладостней, что краше —
Храм иль питейный дом, где наполняют чаши?
Колючкой мнится плод и радости — бедой,
И те, что не верны, — властительницы наши.

Я — буквы книг святых, читающих услада,
Я вечен, для меня ни рая нет, ни ада.
Я — чаша и вино, и кравчий на пиру.
Я — и смертельный яд, и средство против яда.

Пусть запад знает, знает пусть восток,
Что истина и есть единый бог.
Не зрящий истины, не зрящий бога
По сути от шайтана недалек.

От злой судьбы куда уйдешь — свое ты отдал сердце.
А если терпишь боль, ну что ж, свое ты отдал сердце.
С чем ты остался, подытожь, свое ты отдал сердце.
На разоренье, на грабеж свое ты отдал сердце.

За истиной я шел, была трудна дорога.
Искал я, шел и шел, земель увидел много.
Что вечным я считал, то оказалось вечным.
Я истину нашел, я стал подобьем бога.

Вхожу ли я в мечеть, иду ли мимо храма,
Направо я иду, налево или прямо,
Я думаю о том и убеждаюсь в том,
Что бог — любой из нас, из сыновей Адама.

Восходит солнце, чтоб зайти не скоро.
Восход — лишь отблеск дорогого взора.
Коль обещания твои — шатер,
То твой прекрасный лик — его опора.

Вновь к милосердному, что столь велик,
С молитвою я обратил свой лик.
Потом к любимой обратил я слово
И перед ней раскрыл все, что постиг.

Влюбленный, не скупись, отдай скорей
Себя во власть возлюбленной своей.
И станешь жертвой ты ее лукавства,
Ее ресниц, ее густых бровей.

Ты истине служи за совесть, не за страх.
Смотри, не утопи ее ни в чьих кудрях.
Но, истине служа, не забывай, что люди
Прекраснее всего, что сотворил аллах.

Из милых, нежных рук я кубок взял прощальный
И взор свой обратил к мирам, светилам дальним.
Как тайну мне познать земли и всех миров,
Коль тайна для меня и смысла костей игральных?

О милая, весь век, пока я жив,
Пусть будет нрав твой весел, лик красив.
Пусть в день, когда не будешь ты со мною,
Печален буду я и молчалив.

Узри того, кто всех нас сотворил,
Чти алкоран, что всех нас вразумил.
Знай, что на пальце Мухаммеда — чудо,
Что влага губ твоих — мой Сельсебиль.

Ни в дух, ни в тело я вместиться не могу,
В мир этот целый я вместиться не могу.
Ни в скудный ум людей, ни в их воображенье,
Что ты ни делай, я вместиться не могу.

Лишь в нашем слове смысл и суть всего живого,
Я — слабый человек, не я — источник слова.
От сотворения до страшного суда
Есть только человек и ничего иного.

Мы всюду ищем суть, о чем-то вечно спорим,
Невежество людей всегдашним было горем.
Лишь тем, кто суть постиг, любви открылся лик,
Стал каплей океан, а капля стала морем.

Кыбла моей души — возлюбленной чело.
Хоть плачу, верю я: мне в жизни повезло.
О сердце, так люби, чтоб в день суда господня
Ты в милых завитках приют свой обрело.

Прошло немало лет, пришло немало бед,
Не встретил я таких, как ты, таких и нет.
Свидание с тобой моею целью было
И потому всегда я видел райский свет.

Я плачу по тебе, я жду с тобой свиданья

И, раб, плачу сполна своею кровью дань я.
В разлуке мы с тобой, чего ж могу я ждать?
Я ничего не жду, я жду лишь состраданья.

Твой лик прекрасный — царство Сулеймана.
Твой взгляд — весы, и грех наш без обмана
Они определяют в день страшного суда,
А он настанет поздно или рано.

Твои назвали зубы жемчугами,
Твои глаза горят двумя огнями.
Хотя в тебе заключена беда,
Мужи любви, идем к беде мы сами.

Раб Истины, как я мечтал принести
Счастлиную вам от аллаха весть.
Миров так много — восемнадцать тысяч,
А бог един, и он повсюду есть.

Ширин, я — твой Хосров, тебе на счастье дан.
Великой я к тебе любовью обуян.
Я с кипарисом твой сравню, с самшитом стан,
Твой взгляд — властитель мой, твой локон — мой тиран.

Мы думаем о тех, в кого мы влюблены,
Чьи брови, словно лук, глаза черным-черны.
Мы любим их, они тиранить нас вольны,
А наш удел иной: мы им служить должны.

Я — твой Меджнун, любовь моя чиста,
Меня твоя пленила красота,
Твой животворный лик — моя святыня
И мера для молитвы и поста.

Скажи, что значит пост, фирман, намаз?
Скажи, когда пробьет наш смертный час?
Мы даже этого не понимаем,
Как же постичь нам тайну милых глаз?

Чтоб бесполезно не прожить свой век,
Пойми: опора мира — человек.
Во взгляде человека — суть вселенной,
Все, что аллах замыслил и изрек.

Пьешь чистое вино — встаешь на чистый путь.
Ты лечишься, щедя из винной бочки муть.
Когда красавицу неверную ты любишь,
Ты обретаешь зло, свою теряешь суть.

О ты, чей лик прекрасен, взгляд глубок,
О ты, чьи губы хызрских вод исток.
В твоих бровях сокрыта тайна веры,
С тобой нам встречу уготовил бог.

Любили мы, иначе не могли,
Мы поклонялись светочу земли.
С тех пор, как мы узнали Фазлуллаха,
Мы в двух мирах путь истины нашли.

Суть истины святой — в твоих глазах,
И вечность и покой в твоих глазах.
Обрел лишь зло, хотя добро и веру
Искал я день-деньской в твоих глазах.

Мне раны нанесли со всех сторон твои ресницы,
В моей душе завоевали трон твои ресницы,
На свете взяли всех людей в полон твои ресницы,
Добро забыли, веру и закон твои ресницы.

Татарский мускус, амбра Чина — все это родинки твои.
Кааба, Мекка и Медина — все это родинки твои.
Правление злого властелина — все это родинки твои.
И горестей моих причина — все это родинки твои.

Айлант в неведомом краю — твой стан прекрасный,
В пустыне Хызр, туба в раю — твой стан прекрасный,
Свет, осветивший жизнь мою, — твой стан прекрасный,
Дух животворный воспою — твой стан прекрасный.

Когда однажды утром я проник
В цветущий сад, в ухоженный цветник,
Услышал я, как лилия шептала:
«Миг истинный — лишь этот краткий миг!»

Теперь, познав любовь, я все на свете знаю,
Я, вникнув в жизни суть, сокровища скрываю.
В любви не преуспел, я горе претерпел.
Нет тела у меня, есть лишь душа больная.

О ты, чей лик звезд и луны светлей,
О ты, чьи зубы жемчуга белей,
Пусть будешь ты благословенна богом
И пусть я стану жертвою твоей.

Ум человека — свет, сокровищ всех дороже.
Ты мудрецам внемли, чтоб стать мудрее тоже.
В зеркало мудрости камней не бросай,
Бесценное стекло, оно разбиться может.

Я отдал сердце той, чьи губы — мед.
Все отдал ей — вместилищу красот.
Я отдал сердце ей, ища покоя,
Но бросил сердце я в водоворот.

Из шахских рук шараб испить едва ли,
Я полюбил, и дни печальной стали.
О ты, сереброгрудая моя,
Ты шлешь навстречу мне войска печали.

Не зная ни сомнения, ни страха,
Я отдал сердце в руки Фазлуллаха,
И сердце бережно учитель взял,
И вот оно теперь в руках аллаха.

Чужая тайна будет пусть темна,
Зачем чужая тайна нам нужна?
Но тайна и твоя, и тайна друга
Не будет пусть никем разглашена.

О кравчий, выше голову держи,
К добру, к веселью путь нам укажи.
Коль пить нельзя, то можно молвить слово,
Так пусть оно не будет словом лжи.

Владычица моя, твой чудный лик —
Живой цветок: гранат иль базилик.
Лишь ты — моя душа; покуда в теле
Живет душа, я всех сильнее владык.

О мой кумир, твои глаза лукавы,
Деяния твоих ресниц неправы,
И кудри благовонные твои
Прекрасны, но опаснее отравы.

Держащий в тайне мир аллах суров
А ты узнать попробуй, мир каков.
Ты мир познай, постигни человека,
Чтоб чем-то отличаться от скотов.

Прекрасный лик твой — неземной цветник,
Рубины уст твоих — живой родник.
Разлука наша — это пламень ада.
С тобой в разлуке я зачах и сник.

Дарует мертвым жизнь божественный твой слог.
Кто слышит речь твою, встает, хоть встать не мог.
Ты в любящих людей всех смертных превращаешь,
Ты завершаешь речь реченьем: «Я есть бог».

От красоты твоей весь мир пришел в смятенье.
Твой взгляд своей стрелой нанес мне поражение.
Бог чудо совершил — тебя он превратил
В начало и конец всеобщего движенья.

Я много от тебя узнал добра и зла,
Вонзается в меня твоих ресниц стрела.
Войска твоих ресниц — лавина орд татарских,
Весь мир ты продала, недорого взяла.

Владычица моя, откинув покрывало,
Ты встала предо мной — и солнце засверкало.
Я столько дней искал сокровище твое,
Скрытое от всех, оно вдруг явным стало.

Жемчуг твоих зубов, как жемчуг океана,
Сверкает он, горит, и нету в нем изъяна.
И тайну тайн твои скрывают жемчуга,
Как тридцать два стиха священного корана.

Коран святой, его ученье — твои слова.
Святых аятов объяснение — твои слова.
Мой дух, и счастье, и мученье — твои слова.
Весь этот мир от сотворенья — твои слова.

Чтоб мир познать, взгляни вокруг и ввысь,
Ты трезв — испей вина любви, влюбись.
И если ты увидеть хочешь бога,
То, царь земной, от трона отрекись!

Луны две равных половины — брови твои,
Коварства и беды причины — брови твои.
Мои цари и властелины — брови твои.
Разграбить могут царство Чина брови твои.

Благоухание вбирают две родинки твои,
И запахи амбры источают две родинки твои.
Всем Индостаном управляют две родинки твои
И Рум великий покоряют две родинки твои.

От благ земных отворотилось сердце,
От сна земного пробудилось сердце,
Своих деяний устыдилось сердце
И к Вечной Правде устремилось сердце.

Хоть, может, мой сумбурен слог, я говорю,
Что тайны отворил чертог, я говорю.
«Будь чист — не будешь одинок», — я говорю.
Под стать Мансуру «Я есть бог», — я говорю.

Луна сама себя стыдится перед ее челом,
И царь планет готов склониться перед ее челом,
Ничто на свете не сравнится с ее челом,
Готово солнце закатиться перед ее челом.

Я кланяюсь тебе — твой ученик, твой сын,
Я жертвой стать твоей готов, мой властелин.
И хоть слова твои всеобщей правдой стали,
Невежда не поймет, что Фазлуллах един.

Я от любви к тебе весь век терпел мученья.
Я землю обошел, искал я утешенья.
И понял лишь теперь, что я не там искал,
Что, кроме губ твоих, иного нет леченья.

Что, Человек, с тобой на свете б ни случилось,
Все: небо и земля в твой дух и ум вместились.
Ты, словно бог, един, ты властелин земли,
Ты — Истина, ты — свет, ты — бог и божья милость.

СОДЕРЖАНИЕ

Мирза Ибрагимов. Насими и его время	5
---	---

ГАЗЕЛИ

Я славу имени воздам. (Перевел Сергей Иванов).	19
Лишь прозорливым истина видна. (Перевел Наум Гребнев).	20
Наставление. (Перевел Наум Гребнев).	22
Сойди с дороги себялюбья. (Перевел Наум Гребнев).	23
Источник жизни. (Перевел Наум Гребнев).	24
В этот мир я не вмещусь. (Перевел Константин Симонов).	26
Похитила покой. (Перевел Наум Гребнев).	28
Любовью создан мир. (Перевел Наум Гребнев).	30
Кааба ты лицом. (Перевел Наум Гребнев).	31
Ты в моих глазах. (Перевел Наум Гребнев).	32
Зажегся счастья свет. (Перевел Наум Гребнев).	33
Любимой тонкий стан. (Перевел Наум Гребнев).	34
Нет сравненья красе твоей. (Перевел Сергей Иванов).	35
Тебя я видеть жажду. (Перевел Наум Гребнев).	37
Ветер свежий, предрассветный. (Перевела Татьяна Стрешнева).	39
Рубины губ твоих. (Перевел Наум Гребнев).	41
Твое лицо — аллаха свет. (Перевел Наум Гребнев).	43
Когда ты — шах. (Перевел Наум Гребнев).	45
На завитке твоих волос. (Перевел Наум Гребнев).	46
Завистливый тюльпан сник по твоей вине. (Перевел Наум Гребнев).	47
О предводитель наш. (Перевел Наум Гребнев).	48
Твое. (Перевел Абрам Плавник).	49
Твой взгляд, как алкоран. (Перевел Наум Гребнев).	50
Бог предо мной предстал. (Перевел Наум Гребнев).	52
Как жаль. (Перевел Наум Гребнев).	53
Ты во всем и повсюду. (Перевел Сергей Иванов).	54
В огне разлуки я горю. (Перевел Наум Гребнев).	55
Песня весне. (Перевел Константин Симонов).	56
Бледнела пред тобой луна. (Перевел Наум Гребнев).	58

Ты — моя Кааба. (Перевел Абрам Плавник).	59
Ты — дева рая. (Перевел Наум Гребнев).	61
Не надо. (Перевел Сергей Иванов).	62
Твой лик — свеча. (Перевел Наум Гребнев).	63
Сокрыла жемчуга. (Перевел Наум Гребнев).	64
Огромнее всего. (Перевел Наум Гребнев).	65
О человек, ты знанием велик. (Перевел Абрам Плавник).	66
Пусть небо не сочтет грехом. (Перевела Татьяна Стрешнева).	68
Пусть плоть моя сгорит. (Перевел Наум Гребнев).	69
Когда твое лицо. (Перевел Наум Гребнев).	70
Таится. (Перевел Абрам Плавник).	72
Ханжа хоть и ступил. (Перевел Наум Гребнев).	73
Ведется о тебе так много разговоров. (Перевел Наум Гребнев).	74
Сколько слез из очей пролилось. (Перевел Сергей Иванов).	75
Любовь — моя судьба. (Перевел Абрам Плавник).	76
Где ты, желанная моя? (Перевел Константин Симонов).	77
Коль нет тебя со мной. (Перевел Наум Гребнев).	79
Соблазн твоих красот. (Перевел Наум Гребнев).	80
Когда бы не ланит твоих атлас. (Перевел Наум Гребнев).	81
Нужен. (Перевел Наум Гребнев).	82
Тобой, как светом звезд. (Перевел Наум Гребнев).	83
Я нахожусь. (Перевел Абрам Плавник).	84
От ран любви леченья людям нет. (Перевел Наум Гребнев).	85
Я истину узрел. (Перевел Наум Гребнев).	86
Твой образ. (Перевел Наум Гребнев).	88
Не стал... (Перевел Наум Гребнев).	89
Кто истину постиг. (Перевел Наум Гребнев).	90
И ангелы покорены. (Перевел Наум Гребнев).	91
Разграбили твои глаза. (Перевел Наум Гребнев).	92
Средь многих лиц людских. (Перевел Наум Гребнев).	93
Исчезла тьма. (Перевел Наум Гребнев).	94
Как птица. (Перевел Наум Гребнев).	95
Слово. (Перевел Наум Гребнев).	96
О волосы твои, как амбра. (Перевел Абрам Плавник).	97
От алых губ твоих. (Перевел Наум Гребнев).	99
Всевышний щедро одарил тебя. (Перевел Абрам Плавник).	100
Прекрасно все в тебе. (Перевел Наум Гребнев).	101
Утратил душу. (Перевел Наум Гребнев).	102
Скрыто. (Перевел Наум Гребнев).	103
Душа моя болит. (Перевел Наум Гребнев).	104
Тень от твоих волос. (Перевел Наум Гребнев).	105
Не найти. (Перевел Сергей Иванов).	106

Не вечен даже тот. (Перевел Наум Гребнев).	108
Раздукою с тобой. (Перевел Наум Гребнев).	109
Назвал. (Перевел Наум Гребнев).	110
Нашел. (Перевел Наум Гребнев).	111
Вчера я был с тобой. (Перевел Наум Гребнев).	112
Я — бог. (Перевел Наум Гребнев).	113
Из-за рубинов губ. (Перевел Наум Гребнев).	114
Пусть говорит со мной правдивый человек. (Перевел Наум Гребнев).	115
Обманный этот мир. (Перевел Наум Гребнев).	116
Вино мудрее слов. (Перевел Наум Гребнев).	117
Как быть. (Перевел Сергей Иванов).	118
Склонился ангел пред тобой. (Перевел Абрам Плавник).	119
Опять. (Перевел Наум Гребнев).	120
Пусть от любви твоей. (Перевел Наум Гребнев).	121
Прекрасная луна. (Перевел Наум Гребнев).	122
Любая прядь твоя. (Перевел Наум Гребнев).	123
Не надо. (Перевел Наум Гребнев).	124
Ты — светоч красоты. (Перевел Наум Гребнев).	125
О кравчий, урза завершена. (Перевел Наум Гребнев).	126
Не ожидай. (Перевел Наум Гребнев).	127
Я вам на счастье дан. (Перевел Наум Гребнев).	128
Милая одна на свете. (Перевел Лев Озеров).	129
Свиданье — вечное блаженство. (Перевел Абрам Плавник).	130
Я жадно слушаю тебя. (Перевела Татьяна Стрешнева).	131
Любимые глаза мудрей священных книг. (Перевел Наум Гребнев).	132
Едва сняла ты покрывало. (Перевел Абрам Плавник).	134
Я пью разлуки яд. (Перевел Наум Гребнев).	135
Ты — моя душа. (Перевела Татьяна Стрешнева).	136
Твой каждый волосок. (Перевел Наум Гребнев).	137
Божественный твой лик. (Перевел Наум Гребнев).	138
Красота твоя непостижима. (Перевел Наум Гребнев).	139
Увидеть жаждал я. (Перевел Наум Гребнев).	140
Твое лицо — луна. (Перевел Наум Гребнев).	141
В тебе, в твоих чертах. (Перевел Наум Гребнев).	143
Любви страданье. (Перевел Наум Гребнев).	144
Ужель ты не луна? (Перевел Наум Гребнев).	145
Что там? (Перевел Наум Гребнев).	146
Ты сам — душа вселенной. (Перевел Наум Гребнев).	147
Моя луна. (Перевел Наум Гребнев).	148
Вступивший в океан любви. (Перевел Сергей Иванов).	149
Не сыщешь. (Перевел Сергей Иванов).	150
Красивым сердце не вверяй. (Перевел Сергей Иванов).	151

У кого? (Перевел Сергей Иванов).	152
Ты слова не сдержала. (Перевел Наум Гребнев).	153
Разлука. (Перевел Абрам Плавник).	154
Жду тебя. (Перевел Сергей Иванов).	155
Кто встреч не ценит. (Перевел Сергей Иванов).	156
В саду моей любви единственная роза. (Перевел Наум Гребнев).	157
Упадет. (Перевел Абрам Плавник).	158
В мире нет тебе подобья. (Перевел Абрам Плавник).	159
Раб красоты твоей. (Перевел Наум Гребнев).	160
В твоих глазах. (Перевел Наум Гребнев).	162
Испил одиночества чашу. (Перевел Абрам Плавник).	163
Я был напоен. (Перевел Наум Гребнев).	165
Покажи свой лик небесный. (Перевела Татьяна Стрешнева).	166
Где друг такой? (Перевел Лев Озеров).	167
Я — божие сиянье. (Перевел Наум Гребнев).	168
Живет в моей душе. (Перевел Наум Гребнев).	170
Походит. (Перевел Наум Гребнев).	171
Моей печали дым. (Перевел Наум Гребнев).	172
Откуда знать? (Перевел Наум Гребнев).	173
Горю я и сгораю. (Перевел Наум Гребнев).	174
Сокровищница. (Перевел Наум Гребнев).	175
Снится мне твой лик. (Перевел Наум Гребнев).	176
Хвала аллаху. (Перевел Наум Гребнев).	178
На свете истина одна. (Перевел Наум Гребнев).	179
Ты в сердце у меня. (Перевел Наум Гребнев).	180
Страданье. (Перевел Абрам Плавник).	181
Разлука мой былой похитила покой. (Перевел Наум Гребнев).	182
Беда летит вослед. (Перевел Наум Гребнев).	183
Я богом сотворен. (Перевел Наум Гребнев).	184
Зачем ты избрала? (Перевел Наум Гребнев).	186
Твой образ всюду предо мной. (Перевела Татьяна Стрешнева).	187
Все существо мое любовью, как город, заняла. (Перевел Лев Озеров).	189
Обманна красота. (Перевел Наум Гребнев).	190
Тайна. (Перевел Сергей Иванов).	191
Зачем? (Перевел Наум Гребнев).	192
Ты — море-океан. (Перевел Наум Гребнев).	193
Кроется. (Перевел Наум Гребнев).	194
Нарекли. (Перевел Наум Гребнев).	195
Шербет твоих речей. (Перевел Наум Гребнев).	196
Спит в волосах твоих. (Перевел Наум Гребнев).	197
Свое бессмертье узнаю. (Перевел Лев Озеров).	198
Верно ль это? (Перевел Наум Гребнев).	199

Ты жемчуг. (Перевел Наум Гребнев).	200
Все это мы. (Перевел Наум Гребнев).	201
Суть божья в нас с тобой. (Перевел Наум Гребнев).	202
О кравчий мой, с тобой мы преуспели. (Перевел Наум Гребнев).	203
Добрый день! (Перевел Сергей Иванов).	204
Сжигаешь ты меня. (Перевел Наум Гребнев).	205
Жемчугов драгоценней. (Перевел Абрам Плавник).	206
Совет врача — леченье для больного. (Перевел Наум Гребнев).	207
Ясны твои глаза. (Перевел Наум Гребнев).	208
Сегодня. (Перевел Наум Гребнев).	209
Ты — владычица сердца. (Перевел Сергей Иванов).	210
Узри. (Перевел Абрам Плавник).	211
Будет! (Перевел Абрам Плавник).	212
Жемчуг знаний лови. (Перевел Абрам Плавник).	213
Я опален земною страстью. (Перевел Абрам Плавник).	214
Находится. (Перевел Абрам Плавник).	215
Моя душа — с тобою встреча. (Перевел Абрам Плавник).	216
Кто отведал райской влаги. (Перевел Сергей Иванов).	217
Вместе с сурами корана. (Перевел Абрам Плавник).	218
С вами мира я желаю, добродетельные люди. (Перевел Абрам Плавник).	219
С той поры. (Перевел Сергей Иванов).	221
Увидел. (Перевел Абрам Плавник).	222
Ты цену жемчугу не знал. (Перевела Татьяна Стрешнева).	223
Где ты? (Перевел Лев Озеров).	224
Тебе подвластны. (Перевела Татьяна Стрешнева).	225
Чьей стала ты? (Перевела Татьяна Стрешнева).	226
Коралл твоих уст, как мед. (Перевел Сергей Иванов).	227
Ты мой светоч и мрак. (Перевел Сергей Иванов).	228
Досталось мне. (Перевел Сергей Иванов).	229
Есть ли стройней кипарис? (Перевел Сергей Иванов).	230
Для влюбленных ты — Лейли. (Перевел Сергей Иванов).	231
О сжался. (Перевел Сергей Иванов).	232
Обращен! (Перевел Сергей Иванов).	233
Придет. (Перевел Сергей Иванов).	234
Всегда у розы есть шипы. (Перевел Сергей Иванов).	235
Единственный мой зов. (Перевел Сергей Иванов).	236
Без тебя. (Перевел Сергей Иванов).	237
Родинка. (Перевел Сергей Иванов).	238
Прав! (Перевел Сергей Иванов).	239
Не хочет. (Перевел Сергей Иванов).	240
Не сдержала уговора. (Перевел Сергей Иванов).	241
Душа воплотилась в друге. (Перевел Сергей Иванов).	242

Соловьиным напевом я плачу наварыд. (Перевел Сергей Иванов).	243
Отдам я, отдам всю жизнь. (Перевел Сергей Иванов).	244
Блеск красоты твоей. (Перевел Сергей Иванов).	245
Твой лунный лик увидев. (Перевел Сергей Иванов).	246
Ах, что за красота! (Перевел Сергей Иванов).	247
Пощади, не мучай снова. (Перевел Сергей Иванов).	248
Не отступлюсь. (Перевел Сергей Иванов).	249
Лилия дремлющих вод. (Перевел Сергей Иванов).	250
Райский цветок. (Перевела Татьяна Стрешнева).	251
Самовосхваление. (Перевела Татьяна Стрешнева).	253
Коварство. (Перевела Татьяна Стрешнева).	255
Клянусь я. (Перевела Татьяна Стрешнева).	256
Другого нет! (Перевела Татьяна Стрешнева).	258
Мы. (Перевел Сергей Иванов).	260
Как блеск рассветных рос. (Перевел Сергей Иванов).	261
Не горюй! (Перевел Сергей Иванов).	262
Меня покинула. (Перевел Сергей Иванов).	265
Меркнет светоч ночной луны. (Перевел Сергей Иванов).	266
Хмельному от ее очей. (Перевел Сергей Иванов).	267
Лишь в морях любви тонувший. (Перевел Сергей Иванов).	268
Кто владеет этим счастьем. (Перевела Татьяна Стрешнева).	269
Я молюсь тебе. (Перевела Татьяна Стрешнева).	270
Явлены чуда. (Перевела Татьяна Стрешнева).	271
Утоли мое мечтанье. (Перевела Татьяна Стрешнева).	272
Мне хорошо. (Перевела Татьяна Стрешнева).	273
Я дал обет. (Перевел Сергей Иванов).	274
Твоей любовью. (Перевел Сергей Иванов).	275
Дай ей путь к зениту счастья. (Перевел Сергей Иванов).	276
Твое чело — ключ тайн. (Перевел Сергей Иванов).	277
Твоим я взором опьянен. (Перевел Сергей Иванов).	278
Твои косы. (Перевел Сергей Иванов).	280
Лишь мечтой о тебе. (Перевел Сергей Иванов).	282
Одно. (Перевел Сергей Иванов).	283
В ком вера есть. (Перевел Сергей Иванов).	284
Не страшится. (Перевел Сергей Иванов).	285
Эта песня — влюбленным. (Перевел Сергей Иванов).	286
Она чуждается меня. (Перевел Сергей Иванов).	287
Прекрасный образ созерцать. (Перевел Сергей Иванов).	288
Едва лишь внял я, тайный смысл. (Перевел Сергей Иванов).	289
Напомнит. (Перевел Сергей Иванов).	290
Я — истина. (Перевел Сергей Иванов).	291

МЕСНЕВИ, ТЕРДЖИБЕНДЫ

Я — имени божественного слог. (Перевел <i>Абрам Плавник</i>).	295
Море тайн. (Перевел <i>Абрам Плавник</i>).	296
Земля и небо в бубен правды бьют. (Перевел <i>Иван Савельев</i>).	302
Мне столько горя и тревог. (Перевел <i>Василий Федоров</i>).	306
Терджибэнд. (Перевел <i>Сергей Иванов</i>).	308
Терджибэнд. (Перевел <i>Сергей Иванов</i>).	314
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (Перевел <i>Наум Гребнев</i>).	325

Редакторы *В. Асланов, А. Плавник*. Художник *А. Гаджиев*. Художественный редактор *Н. Насиров*.
Технический редактор *С. Миркишинева*. Корректоры *С. Агейчева, И. Вебер*.

Сдано в набор 18/IV-1973 г. Подписано к печати 18/VII-1973 г. ФГ 12215. Формат бумаги 70×70¹/₁₆.
Бум. № 1. Физ. л. л. 22,5+0,5 вкл. Условн. п. л. 20,25+0,45 вкл. Уч.-изд.-л. 10,0. Заказ № 172.
Тираж 10000. Цена 1 руб.

Государственный Комитет Совета Министров Азербайджанской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
Азербайджанское государственное издательство. Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.
Типография „Красный Восток“. Баку. вл. Ази Асланова. № 80.

